

Казенное общеобразовательное учреждение
Ханты-Мансийского автономного округа - Югры
«Няганская школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья»

Согласовано
на методсовете
протокол от 04.03.2021 № 7

Книга для чтения

10 класс

Составила: Шилина Алеся Борисовна,
учитель русского языка и чтения,
высшая квалификационная категория

Нягань, 2021 г.

От составителя

Настоящий сборник для чтения составлен для обучающихся 10 класса с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями).

Цель литературного чтения в 10 классе состоит в последовательном совершенствовании навыка полноценного чтения и умения воспринимать литературное произведение в единстве его содержательной и языковой сторон.

Задачи изучения литературного чтения:

- закрепить навыки правильного, осознанного, выразительного и беглого чтения; научить, понимать содержание, заключённое в художественных образах;
- коррекция недостатков развития познавательной деятельности и эмоционально-личностной сферы;
- совершенствование навыков связной устной речи;
- формирование потребности в чтении;
- эстетическое и нравственно воспитание в процессе чтения произведений художественной литературы.

Содержание материала учитывает необходимость следования принципу практической направленности обучения, что побуждает использовать в обучении произведения, содержащие описание жизненных ситуаций, интересных для обучающихся 10 класса. С этой целью используются фрагменты устного народного творчества, классических произведений отечественной и зарубежной литературы, доступные им содержания и уровня сложности с учетом разных познавательных возможностей учеников, изучение которых направлено на развитие познавательных интересов учащихся, на расширение кругозора, на обогащение словарного запаса; умственному и всестороннему развитию. Изучаемый материал носит характер эстетического, нравственного и патриотического воспитания.

Данный сборник рекомендуется использовать в качестве основного материала на уроках в 10 классе школы для обучающихся с интеллектуальными нарушениями.

«Книга для чтения» составлена на основе примерной адаптированной основной общеобразовательной программы образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), одобренной решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 22 декабря 2015 г. № 4/15), 1 вариант.

Программа рассчитана на 102 часа - 3 часа в неделю.

ВВЕДЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ

Наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин сказал: «Чтение — вот лучшее учение». И действительно, род человеческий бесконечно многим обязан тому университету, имя которому — Книга. В этом университете приобретаем мы необходимые знания и получаем уроки нравственности, духовности, без которых оскудели бы разумом и очерствели бы сердцем. Русские летописи донесли до нас не только «земли родной минувшую судьбу», но и сведения о библиотеке Ярослава Мудрого¹, о том, что исстари «прилежали к книгам» образованнейшие люди нашего Отечества.

Подвижническая деятельность Ивана Фёдорова² открыла новую эпоху в истории русской книги. «Учительное» слово становилось отныне доступным широкому кругу читателей.

Когда человек берёт в руки книгу, между ним и автором происходит доверительный разговор наедине; такой разговор может быть только между самыми близкими людьми. А герои любившихся книг, вызванные к жизни могучим воображением художников, становятся столь же реальными, как личности, существовавшие в действительности. Каждый сам определяет свой «круг чтения», как и круг друзей, подбирает собственную «золотую полку». Но для этого нужна изрядная подготовка.

В плавании по безбрежному морю книг доверяться надлежит надёжным маякам. Прав был русский литературный критик XIX века Виссарион Белинский: читать дурно выбранные книги хуже и вреднее, чем ничего не читать.

Чтение художественной литературы — своего рода творчество или, по крайней мере, сотворчество. Оно требует навыка и затрат внутренней энергии. Но только творческое чтение доставляет истинное наслаждение, способствует духовному развитию человека.

По книге С. Бэлзы «Человек читающий»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы понимаете пушкинское определение: «Чтение — вот лучшее учение»?
2. Благодаря кому на Руси «учительное» книжное слово стало доступно широкому кругу читателей? Благодаря труду людей каких профессий рождается книга?

¹*Ярослав Мудрый* (ок. 978—1054) — великий князь Киевский. Рядом побед в войнах обезопасил южные и западные границы Руси.

²*Иван Фёдоров* (ок. 1510—1583) — основатель книгопечатания в России и на Украине. В 1564 г. выпустил первую русскую печатную книгу «Апостол».

3. Что значит «уметь читать» и когда происходит между автором и читателем «доверительный разговор»? Как вы понимаете слово «доверие», словосочетание «доверительный разговор»? Бывали ли случаи, когда вы наслаждались, увлекались чтением и между вами и автором возникал «доверительный разговор»?
4. Назовите книги, отдельные произведения, которые вы любите перечитывать.
5. Подберите пословицы об учении, выучите их наизусть:
 - *Корень учения горек, да плод его сладок.*
 - *Повторенье — мать ученья.*
 - *Ученье — свет, а неученье — тьма.*
 - *Не учась и лаптя, не сплетёшь.*
 - *Кто хочет много знать, тому надо мало спать.*
 - *Красна птица перьем, а человек ученьем.*
 - *Учись доброму, так худое на ум не пойдёт.*
 - *Нетрудно сделать, да трудно задумать.*

*Дела давно минувших дней,
преданья старины глубокой...*
А. С. Пушкин

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Народ - сказитель

В глубокой древности слагались народные сказки, былины, пословицы, поговорки, загадки, потешки, песни - бессмертные произведения народной мудрости, народной фантазии. Они были созданы в те далекие времена, когда народ не имел письменности, и создавались устно от поколения к поколению как живое, звучащее слово.

Кто сочинял их? Имена этих талантливых людей не сохранились, да и не могли сохраниться: ведь каждый, кто передавал другим услышанную сказку или былинку, рассказывал ее по - своему, что - то добавляя, что - то изменяя. Вот почему существует множество вариантов одной и той же сказки, былины, песни. Особенности произведений устного народного творчества заключаются в том, что они создавались для рассказывания и слушания, имели много вариантов, а творцом их был народ - коллективный автор.

Около тысячи лет назад возникла русская письменная литература, появились первые книги, написанные от руки. Главная особенность литературного произведения состоит в том, что оно в момент своего создания записывалось автором, предназначалось для чтения, поэтому не имело вариантов и обычно сохраняло имя своего создателя.

В наше время, говоря о литературном произведении, мы имеем в виду не всякое произведение письменности, а художественное произведение.

В художественном произведении рисуются различные картины жизни, изображаются поступки и взаимоотношения людей, передаются их мысли и стремления, раскрывается сложный мир человеческих чувств и переживаний. При знакомстве с художественным произведением мы можем многое узнать и о его авторе, и его отношении к героям, о том, что он защищает, против чего борется.

Устное народное творчество является богатейшим источником вдохновения для писателей всех времен и народов.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ.

1. Чем отличаются произведения письменной, художественной литературы от произведений устного народного творчества?
2. Что такое устное народное творчество? Назовите его виды.

ПОСЕВ ЛЬНА

(русская народная песня)

Уж я сеяла, сеяла ленок ¹,
Я сеяла, приговаривала.
Чеботами² приколачивала:
Ты удайся, удайся, ленок!
Ты удайся, мой беленький ленок!
 Лен мой, лен! Белый лен!
 Я полола - полола ленок,
 Я полола, приговаривала,
 Чеботами приколачивала.

Уж я дергала - дергала ленок.
Я дергала, приговаривала,
Чеботами приколачивала.
 Уж я стлала, я стлала ленок.
 Уж я стлала, приговаривала,
 Чебота ми приколачивала.

Я сушила - сушила ленок,
Я сушила, приговаривала,
Чеботами приколачивала.
 Уж я мяла-то, мяла ленок.
 Уж я мяла, приговаривала.
 Чеботами приколачивала.

Я трепала - трепала ленок,
Я трепала, приговаривала,
Чеботами приколачивала.
 Я чесала - чесала ленок,
 Я чесала, приговаривала,
 Чеботами приколачивала.

Уж я пряла - то, пряла ленок,
Уж я пряла, приговаривала.
Чеботами приколачивала.
 Ты удайся, удайся, ленок!
 Ты удайся, мой беленький ленок!
 Лен мой лен! Белый лен!

¹ *Лён (ленок)*- исконно русская сельскохозяйственная культура, поэтому народ сложил о нем много трудовых и игровых песен.

² *Чеботы*- сапоги или высокие ботинки с загнутыми кверху носками.

ЧАСТУШКИ

Частушка - короткая рифмованная народная песенка, которая исполняется в быстром темпе на определенную мелодию.

Название происходит от слова частый — быстрый, повторяющийся много раз. Оно отражает манеру исполнения частушки: ее поют быстрым говорком («часто»), причем одна и та же мелодия повторяется с разными вариациями.

Тематика частушек разнообразна. Большинство из них посвящены любовной и семейно-бытовой тематике.

Поют частушки в основном в деревне, на праздниках, свадьбах. Частушки вошли также в репертуар русских народных хоров. Частушки исполняются солистами или хором под аккомпанемент гармони, балалайки или оркестра русских народных инструментов. Иногда певцы поют попеременно, получается диалог двух девушек, или парня и девушки, или двух хоров — мужского и женского. Пение сопровождается пляской. Исполнение частушек становится своеобразным соревнованием: кто знает больше частушек, чьи частушки интереснее, веселее.

Кипятила молоко,
Отошла недалеко.
Подхожу к нему опять:
Молока уж не видать.

Летом каждая полянка,
Словно скатерть-самобранка.
Вкусной ягодой лесной
Враз накормит нас с тобой.

Разрешила мама дочке
Утром сбегать по грибочки.
Принесла дочурка скоро
Две корзинки мухоморов.

У частушки есть начало,
У частушки есть конец.
Кто частушки наши слушал,
Прямо скажем – молодец!

ПОТЕШКИ

Потёшка - жанр устного народного творчества. Это короткие стишки (реже песенки), предназначенные для развлечения детей младенческого возраста и сопровождающиеся элементарными игровыми движениями: во время проговаривания или пропевания потешки, их содержание разыгрывалось с помощью пальцев рук, топанием ног, мимики, при этом сами дети вовлекались в игру.

- Тит, иди молотить.
- Живот болит.
- Тит, иди кисель есть.
- Где моя большая ложка?

- Лень, отвори дверь: сгоришь!
- Хоть сгорю, да не отворю.

Катя, Катя маленька,
Катенька удаленька.
Пройди, Катя, горенкой,
Топни, Катя, ноженькой.

Тетушка Варвара, меня матушка послала: дай сковороды да сковородничка, мушки да масличка; у неё вода в печи, хочет блины печи.

СКОРОГОВОРКИИ СЧИТАЛКИ

Скороговóрка-шуточный жанр народного творчества, фраза, построенная на сочетании звуков, которые затрудняют быстрое произнесение слов, например: "на дворе трава, на траве дрова". Всегда любили на Руси скороговорки. Иногда в народе их называли частоговорками или языковёртками.

Действительно, подчас просто выговорить некоторые русские языковёртки и то нелегко, а уж быстро произнести скороговорку несколько раз — язык сломать можно. Вот поэтому с давних пор «скороговóрить» — увлекательная игра, в которой ценится умение ловко, чётко и быстро выговаривать трудносочетаемые и труднопроизносимые слова и звуки. Однако иногда упражнения со скороговорками — не игра, а серьёзные занятия.

С помощью скороговорок отрабатывают своё произношение артисты, телеведущие, дикторы радио. Но, конечно, не только людям этих профессий важно уметь правильно произносить звуки родного языка. Вот почему русские народные скороговорки до сих пор не забыты и даже рождаются новые, на современные темы.

Немало народной выдумки внесено в считалки. Другие названия их: счёт, счётки, пересчёт, сосчиталки, гадалки. **Считáлка** — рифмованный стишок, состоящий по большей части из придуманных слов и созвучий. При помощи считалок разделяют роли, устанавливают очередность в игре. Это маленькое весёлое стихотворение построено часто на звукоподражаниях. Послушайте сами:

Цынца-брынца, балалайка,
Цынца-брынца, заиграй-ка.

Эта считалка воспроизводит игру на балалайке. А чёткий ритм считалки «Аты-баты, шли солдаты...» напоминает шаг солдатской роты.

У древних людей со счётом было связано много разных представлений. Например, существовал запрет на счёт добытой во время охоты дичи. Чтобы владыка леса не беспокоился за своих птиц и зверей, люди пользовались тайным, условным языком и тайной системой счёта. Предполагают, что некоторые считалки хранят память о той далёкой поре. До нас дошли едва понятные остатки тайного языка древних людей. К примеру, есть такие считалки, где счёт ведётся словами, очень похожими на обыкновенные названия цифр: «Рази, двази, тризи, ризи, пята, лята, шуби, руби, дуби, крест». В этой считалке 10 слов, заканчивается она словом «крест». А на Руси счёт когда-то вели по зарубкам: после каждого десятка на бревне вырезали зарубку, ставили крест. Вот поэтому и в дошедшей до нас считалке последнее, 10-е слово — крест.

Ну а в наше время дети используют считалки в игре и даже легко придумывают их сами.

СКороговорки

На дворе трава, на траве дрова
Не руби дрова на траве двора.

Карл у Клары украл кораллы,
Клара у Карла украла кларнет.

Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали.

Ехал Грека через реку,
Видит Грека - в реке рак.
Сунул Грека руку в реку,
Рак за руку Грека - цап!

Считалки

На золотом крыльце сидели:
Царь, царевич,
Король, королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой?

Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять.
Выплывает белый месяц!
Кто до месяца дойдёт,
Тот и прятаться пойдёт!

Шел баран
По крутым горам,
Вырвал травку,
Положил на лавку.
Кто её возьмёт,
Тот и вон пойдёт.

ЗАГАДКИ

Зага́дка - жанр народно-поэтического творчества; краткое замысловатое иносказательное поэтическое описание какого-либо предмета или явления, предлагаемое как вопрос для отгадывания. Человек загадывал загадки обо всём, что его окружает: о людях, о растениях, явлениях природы, предметах быта.

Принялась она за дело,
Завизжала и запела.
Ела-ела дуб, дуб.
Поломала зуб, зуб.

Моря есть – плавать нельзя,
Дороги есть – ехать нельзя,
Земля есть – пахать нельзя.
Что это?

Ни пера, ни крыла,
А быстрее орла.

Может и разбиться,
Может и свариться.
Если хочешь, в птицу может превратиться.

Сам худ, а голова с пуд.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Пословицы и поговорки — один из видов устного народного творчества.

Послóвица— это краткое высказывание, подбираемое к разным случаям жизни. **Поговóрка** очень близка к пословице, но в отличие от пословицы не выражает законченную мысль, а лишь намекает на неё. Так, например, если мы говорим: «*Чужими руками жар загребать*»— это поговорка, а если добавим к ней слово «*легко*», она превратится в пословицу «*Чужими руками легко жар загребать*». В поговорке есть лишь намёк, а в пословице — вывод. Так что прав народ, говоря: «*Поговорка — цветочек, а пословица — ягодка*». В пословицах и поговорках заключается мудрость народа, его отношение к труду и лени, добру и злу, правде и лжи, мужеству и трусости, любви и ненависти. По любой пословице или поговорке можно составить целый рассказ, и, наоборот, смысл рассказа часто можно уместить в короткой пословице или поговорке.

Береги платье снову, а честь смолоду.

Не смейся над старым - и сам будешь стар.

Ученье свет, а неученье - тьма.

Слезами горю не поможешь.

Мир не без добрых людей.

Хлеб - батюшка, вода - матушка.

БЫЛИНЫ, РАССКАЗЫ

РУСЬ

М. Студеникин

Сложно выяснить происхождение названия нашей страны. Одни считают, что оно произошло от внешнего вида наших предков. Они были русоволосые, и поэтому их называли «русы», «русины». Другие полагают, что наших предков называли по имени местности, в которой они жили. Известно, что у притока Днепра и реки Рось жило славянское племя, которое называлось «рось» или «русь».

В Древней Руси люди занимались охотой на диких зверей. Торговали мехами и мёдом. Строили города. Среди жителей больше всего было крестьян. Они пахали землю, сеяли на ней рожь, пшеницу, разводили скот. Так было в мирное время.

Когда же на сёла и города нападали враги, все люди поднимались на защиту своей Родины.

О защитниках Руси слагались сказки, былины, длинные народные героические песни. Они передавались из уст в уста, от поколения поколению.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какой вариант происхождения названия нашей страны кажется вам более правильным? Почему?
2. Какие занятия были у наших предков?

БЫЛИНЫ

Бы́лина (от слова «быль») — это героико-патриотическая песня - сказание о богатырях и исторических событиях Древней Руси. Но в них много вымысла, фантастики.

Главная тема, которая объединяет большинство былин, - героическая борьба русского народа за независимость родной земли, за укрепление ее единства и могущества.

Герои былин - могучие богатыри – воплощают в себе лучшие качества народа: его любовь к родной земле, беззаветное мужество и стойкость. Самые известные среди них - Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Могучей силой, бесстрашием, отвагой и преданностью Родине отличается старший богатырь крестьянский сын Илья Муромец.

Мудрость, благородство помыслов и поступков, дальновидность и предусмотрительность характеризуют Добрыню Никитича.

Самый младший богатырь - Алеша Попович - смел, удал, хитер, в бою не уступает своим собратьям.

В течение многих веков былины передавались устно от одного к другому. Они исполнялись как песня, на особый мотив.

Пели их народные поэты - певцы - сказители. Повсюду пользовались они почетом и уважением. Позднее ученые, любители русской старины со слов народных певцов записали былины и напечатали.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Когда возникли былины?
2. Кем исполнялись былины?
3. О чем повествуется в былинах?
4. Прочитайте самостоятельно былинку «Вольга и Микула Селянинович».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

(былина)

1

Раным-рано выехал Илья из Мурома, и хотелось ему к обеду попасть в стольный Киев-град¹. Его резвый конь доскакивает чуть пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего. И скорым-скоро подъехал богатырь ко городу Чернигову. А под Черниговом стоит вражья сила несметная. Ни пешему проходу, ни конному проезду нет. Вражьи полчища к крепостным стенам подбираются, помышляют Чернигов полонить-разорить. Подъехал Илья к несметной рати и принялся бить захватчиков, как траву косить. И мечом, и копьём, и тяжёлой палицей², а конь богатырский топчет врагов. И вскорости прибил, притоптал ту силу вражью, великую.

¹В далекие времена главным стольным, т. е. столичным городом Руси был город Киев.

²*Палица*— боевая дубина.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Куда выехал Илья из Мурома?
2. Мимо какого города он проезжал?
3. В какую беду попали черниговцы? Прочитайте, как об этом написано в былине?
4. Как Илья сражался с врагами? Кто ему в этом помогал?
5. Как вы понимаете выражение *его резвый конь поскакивает чуть пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего*?
6. Какую иллюстрацию вы бы сделали к первой части былины? Как бы вы озаглавили рисунок?

2

Отворялись ворота в крепостной стене, выходили черниговцы, богатырю низко кланялись и звали его воеводой в Чернигов-град.

— За честь вам, мужики-черниговцы, спасибо, да не с руки мне воеводой сидеть в Чернигове, — отвечал Илья Муромец. — Тороплюсь я в стольный Киев-град. Укажите мне дорогу прямоезжую!

— Избавитель ты наш, славный русский богатырь, заросла, замуравела³ прямоезжая дорога в Киев-град. Окольным путём⁴ теперь ходят пешие и ездят конные. Возле Чёрной Грязи, у реки Смородинки, поселился Соловей-разбойник. Сидит разбойник на двенадцати дубах. Свищет злодей по-соловьему, кричит по-звериному, и от посвиста соловьего да от крика звериного трава-мурава пожухла вся, лазоревые цветы осыпаются, тёмные леса к земле клонятся, а люди замертво лежат! Не ездь той дорогой, славный богатырь!

³*Замуравела* – заросла муравой, т. е. травой.

⁴*Окольный путь* — путь в обход.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему Илья Муромец отказался быть воеводой Чернигова?
2. Какой дорогой богатырь хотел проехать в Киев? Почему?
3. Что ему ответили черниговцы?
4. Объясните, почему пешие и конные путники вынуждены были ехать в Киев «окольным путем».
5. О чем предупредили черниговцы Илью Муромца?
6. Почему, по их мнению, встреча с Соловьем-разбойником опасна? Найдите в былине подтверждение этим словам.
7. Замените выражение *прямоезжая дорога* современным литературным выражением.
8. Как вы понимаете выражение *дорога замуравела*. Найдите в былине выражение, близкое по значению.

Не послушал Илья черниговцев, поехал дорогой прямоезжею. Подъезжает он к речке Смородинке да ко Грязи Чёрной. Приметил его Соловей-разбойник и стал свистать по-соловьему, закричал по-звериному, зашипел злодей по-змеиному. Пожухла трава, цветы осыпались, деревья к земле приклонились, конь под Ильёй спотыкаться стал.

Рассердился богатырь, замахнулся на коня плёткой шелковой.

— Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаться стал? Не слышал, видно, посвисту соловьего, шипу змеиного да крику звериного?

Сам схватил тугой лук разрывчатый и стрелял в Соловья-разбойника, поранил правый глаз да руку правую чудовища, и упал злодей на землю. Приторочил⁵ богатырь разбойника к седельной луке⁶ и повёз Соловья по чисту полю мимо логова соловьего. Увидали сыновья да дочери, как везут отца, привязанного к седельной луке, схватили мечи да рогатины, побежали Соловья-разбойника выручать. А Илья их разметал, раскидал и, не мешкая, стал свой путь продолжать.

⁵*Приторочил* – привязал.

⁶*Седельная лука* – здесь: седло.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Подумайте и порассуждайте о том, почему Илья Муромец не послушал черниговцев. Расскажите, что из этого получилось.
2. Подтвердился ли рассказ черниговцев о свисте Соловья-разбойника? Как об этом рассказано в былине?
3. Сопоставьте рассказ черниговцев и впечатления богатыря об этом. Чем отличаются эти описания в тексте? Обратите внимание на поведение коня Ильи Муромца.
4. Почему Илья Муромец рассердился на своего коня? Как об этом сказано в былине?
5. Как вы понимаете выражения: *волчья сыть, травяной мешок, шип змеиный*?
6. Как пленил Илья Муромец Соловья-разбойника?
7. Кто попытался выручить Соловья-разбойника? Чем это окончилось?

Приехал Илья в стольный Киев-град, на широкий двор княжеский. А славный князь Владимир Красно Солнышко с князьями подколанными⁷, с боярами почётными да с богатырями могучими только что сядились за обеденный стол.

Илья поставил коня посреди двора, сам вошёл в палату столовую. Он крест клал по-писаному, поклонился на четыре стороны по-учёному, а самому князю великому во особицу.

Стал князь Владимир выпрашивать:

— Ты откуда, добрый молодец, как тебя по имени зовут, величают по отчеству?

Я из города Мурома, из пригородного села Карачарова, Илья Муромец. Давно ли, добрый молодец, ты выехал из Мурома?

Рано утром выехал из Мурома, — отвечал Илья, — хотел было к обедне поспеть в Киев-град, да в дороге, в пути призамешкался. А ехал я дорогой прямоезжею мимо города Чернигова, мимо речки Смородинки да Чёрной Грязи.

Насупился князь, нахмурился, глянул недобро:

Ты, мужик-деревенщина, в глаза над нами насмехаешься? Под Черниговом стоит вражья рать — сила несметная, и ни пешему, ни конному там ни проходу, ни проезду нет. А от Чернигова до Киева прямоезжая дорога давно заросла, замуравела. Возле речки Смородинки да Чёрной Грязи сидит на двенадцати дубах разбойник Соловей и не пропускает ни пешего, ни конного. Там и птице-соколу не пролететь!

⁷ *Подколанный* – подчинённый.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что собирался делать князь Владимир, когда приехал Илья Муромец?
2. Как Илья приветствовал князя? Почему?
3. Что рассердило князя? Как об этом сказано в былинке?
4. Почему князь не поверил богатырю? Что сказал он Илье? Прочитайте.

Отвечал на те слова Илья Муромец:

— Под Черниговом вражье войско всё побито-повоёвано лежит, а Соловей-разбойник на твоём дворе пораненный, к седлу притороченный.

Из-за стола князь Владимир выскочил, накинул кунью шубу на одно плечо, шапку соболью на одно ушко и выбежал на красное крыльцо. Увидел Соловья разбойника, к седельной луке притороченного:

— Засвищи-ка, Соловей, по-соловьиному, закричи-ка, собака, по-звериному, зашипипи, разбойник, по-змеиному!

— Не ты меня, князь, полонил, победил. Победил, полонил меня Илья Муромец. И никого, кроме него, я не послушаюсь.

— Прикажи, Илья Муромец, — говорит князь Владимир, — засвистать, закричать, зашипеть Соловью!

Приказал Илья Муромец:

— Засвищи, Соловей, во полсвиста соловьего, закричи во полкрика звериного, зашипипи во полшиппа змеиноного!

Но не послушался Соловей-разбойник Илья Муромца. Засвистел в полный свист по-соловьиному, закричал в полный крик по-звериному, зашипел в полный шип по-змеиноному. Тут маковки на теремах покривилися все люди, кто был во дворе, замертво лежат.

Владимир-князь стольнокиевский куньей шубой укрывается до окарачь⁸ ползёт. Рассердился Илья Муромец. Он садился на добра коня, вывез Соловья-разбойника во чисто поле:

Тебе полно, злодей, людей губить! — И отрубил Соловью буйну голову.

⁸*Окарачь* – на четвереньках.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что сделал князь Владимир? О чем он попросил Соловья-разбойника?
2. Почему Соловей-разбойник отказался выполнить волю князя?
3. Какой приказ дал Соловью-разбойнику Илья?
4. Послушал ли его Соловей-разбойник?
5. Какой эпизод былины вам интереснее всего читать?
6. Какие подвиги совершил Илья Муромец? Назовите их в той последовательности, в которой они представлены в былине.

БОГАТЫРИ

По А. Митяеву

Всё может родная земля: накормить своим хлебом, напоить из своих родников, удивить своей красотой. Вот только защищать сама себя не может. Защита родной земли — долг тех, кто ест её хлеб, пьёт её воду, любит её красотой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что нового вы узнали о жизни нашего народа в давние времена?
2. Каких героев былин, сказок запомнили?
3. Что вы знаете об их подвигах, как сражались они с врагами, как жили в мирное время?
4. Вспомните, каких животных и чудовищ использовал народ для образа своих врагов. Почему?
5. Почему народ так бережно хранит память о героях былин и сказок?
6. Прочитайте ещё раз текст «Русь», подумайте и скажите, кто в настоящей — несказочной — жизни был и остаётся защитником нашей Родины?

СКАЗКИ

Скáзка - повествовательное, народно - поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил. В волшебных сказках много необыкновенного, фантастического. Добрые и трудолюбивые герои сказок всегда награждаются, а злые да ленивые наказываются. Есть сказки, в которых действуют животные. Каждый поступок животного в этих сказках можно сопоставить с действиями человека. Есть сказки, в которых мало волшебного. Это бытовые сказки. В них рассказывается о крестьянах, солдатах, помещиках и др.

Язык сказок простой и понятный. Вот какие премудрости есть у народной сказки, а без них и сказка не сказка. Запомним их, будем замечать, какие есть в сказках *присказки, зачины, концовки, постоянные эпитеты, повторы* («жили-были», «ехали-ехали», «шёл-шёл»).

Прíсказка — ритмически организованная прибаутка, предшествующая зачину в сказках. Заканчивается она часто словами: «Это не сказка, а присказка, сказка будет впереди». Например: «Начинается, починается добрая повесть от Сивка-Бурка, вещего Каурка. Это не сказка, а присказка. Сказка будет в субботу, когда поешь мягкого хлеба».

Зачíн— начало сказки, он бывает различным (коротким или длинным). Зачин рассказывает о том, где происходило действие, когда и какие герои будут в сказке, например: «Жил да был крестьянин...», «Жили-были старик да старуха, у них была дочка Алёнушка да сынок Иванушка...», «За тридевять земель, в тридесятом царстве жил-был царь с царицею...», «В старые годы у одного царя было три сына...», «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были...», «Жил да был царь с царицею...».

Концо́вка— «После того они жили долго и счастливо», «Тут и сказке конец, а кто слушал, молодец», «Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец», «И стали они вместе жить - поживать да добра наживать».

Концовка — последние слова сказки, завершение, рассказ о том, чем закончилась история, рассказанная сказителем, но ещё чаще и обращение к слушателю («...а кто слушал, молодец») или рассказ сказочника о самом себе: «И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало».

Как они украшают сказку, помогают её запоминать, сохранять важную особенность сказки — напевность! Будем не рассказывать, не пересказывать, а *сказывать* её, как делали это сказочники.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие бывают сказки?
2. О чем рассказывается в волшебных и бытовых сказках?
3. Назовите особенности сказок.

ИВАН – КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

(русская народная сказка)

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик и старуха и было у них три сына. Младшего звали Иванушка.

Разнеслась вдруг в том царстве-государстве весть: собирается Чудо-юдо поганое на их землю напасть, всех людей истребить, города-села огнем спалить.

Взяли братья мечи булатные¹, взяли котомки с хлебом-солью, сели на добрых коней и поехали.

Подъезжают к самой реке Смородине, к калиновому мосту. Нашли братья пустую избушку и решили остановиться в ней.

—Ну, братцы, — говорит Иван, — заехали мы в чужедальнюю сторону, надо нам ко всему прислушиваться да приглядываться. Давайте по очереди на дозор²ходить, чтоб Чудо-юдо через калиновый мост не пропустить.

В первую ночь отправился в дозор старший брат. Прошел он по берегу, посмотрел на реку Смородину — все тихо. Лег под куст и заснул крепко.

А Иван лежит в избушке. Не спится ему. Как пошло время за полночь, взял он свой меч булатный и отправился к реке Смородине. Смотрит — под кустом старший брат спит. Не стал Иван его будить, спрятался под калиновый мост, стоит, переезд сторожит.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает Чудо-юдо о шести головах. Выехал он на середину калинового моста — конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади черный пес ощетинился.

Говорит Чудо-юдо шестиголовое:

—Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего ты, черный ворон, встрепенулся? Почему ты, черный пес, ощетинился? Или вы чувствуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он еще не родился, а если и родился — так на бой не сгодился. Я его на одну руку посажу, другой прихлопну!

Вышел тут Иван — крестьянский сын из-под моста и говорит:

—Не хвались, Чудо-юдо! Не подстрелив ясного сокола, рано перья щипать. Не узнав доброго молодца, нечего бранить его. Давай-ка лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они да ударились так, что кругом земля простонала.

Чуду-юду не посчастливилось: Иван — крестьянский сын с одного размаху сшиб ему головы. После рассек туловище на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся.

Поутру приходит старший брат. Спрашивает его Иван:

—Ну что, не видел ли чего?

—Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

Иван ему ни словечка на это не сказал.

На другую ночь отправился в дозор средний брат. Походил он, посмотрел по сторонам и успокоился. Забрался в кусты и заснул.

Иван и на него не понадеялся. Как пошло время за полночь, он снарядился, взял свой острый меч и пошел к реке Смородине. Спрятался и стал

караулить.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает Чудо-юдо девятиголовое. Только на калиновый мост въехал, конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади черный пес ощетинился.

—Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего, черный ворон, встрепенулся? Почему, черный пес, ощетинился? Или чувствуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он еще не родился, а если и родился — так на бой не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван — крестьянский сын из-под калинового моста:

—Погоди, Чудо-юдо, не хвались, прежде за дело примись! Еще неведомо, чья возьмет.

Как махнул Иван своим булатным мечом раз, два, так и снес у Чуда-юда шесть голов. А Чудо-юдо ударил — по колена Ивана в сырую землю вогнал. Иван — крестьянский сын захватил горсть песку и бросил своему супротивнику прямо в глазищи.

Пока Чудо-юдо глазищи протирал да прочищал, Иван срубил ему и остальные головы. Потом взял туловище, рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся, лег и заснул.

Утром приходит средний брат.

—Ну что, — спрашивает Иван, — не видел ли ты за ночь чего?

—Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар рядом не пищал.

—Ну, коли так, пойдемте со мной, братцы дорогие, я вам и комара, и муху покажу!

Привел Иван братьев под калиновый мост, показал им Чудо-юдовы головы.

—Вот, — говорит, — какие здесь по ночам мухи да комары летают. Вам не воевать, а дома на печке лежать!

Застыдились братья. На третью ночь собрался в дозор сам Иван.

—Я, — говорит, — на страшный бой иду, а вы, братцы, всю ночь не спите, прислушивайтесь: как услышите мой свист — выпустите моего коня и сами ко мне на помощь спешите.

Пришел Иван — крестьянский сын к реке Смородине, стоит под калиновым, дожидается.

Только пошло время за полночь, сыра земля закачалась, воды в реке взволновались, буйные ветры завывали, на дубах орлы закричали. Выезжает Чудо-юдо двенадцатиголовое. Только въехал Чудо-юдо на калиновый мост — конь под ним споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, черный пес позади ощетинился.

—Что ты, мой конь, споткнулся? Отчего, черный ворон, встрепенулся? Почему, черный пес, ощетинился? Или чувствуете, что Иван — крестьянский сын здесь? Так он еще не родился, а если и родился — так на бой не сгодился: только дуну — его и праху не останется!

Вышел тут из-под калинового моста Иван — крестьянский сын.

—Погоди хвалиться, как бы не осрамиться!

—А, так это ты, Иван — крестьянский сын! Зачем пришел?

—Я пришел насмерть воевать, от тебя, злодея, добрых людей избавить!

Размахнулся Иван своим острым мечом и срубил Чуду-юду три головы.

Плохо пришлось Ивану: Чудо-юдо свистом его оглушает, огнем жжет-палит, искрами осыпает, по колена в сырую землю вгоняет. А сам посмеивается:

—Не хочешь ли малость отдохнуть, Иван — крестьянский сын?

—Что за отдых! По-нашему, бей, руби, себя не береги, — говорит Иван.

Свистнул он, бросил свою правую рукавицу в избушку, где братья остались.

Рукавица все стекла в окнах повыбила, а братья спят, ничего не слышат...

Собрался Иван с силами, размахнулся еще раз сильнее прежнего и срубил Чуду-юду шесть голов. Кинулся он тут на Ивана — забил его по пояс в сырую землю.

Видит Иван: дело плохо. Снял левую рукавицу, запустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья все спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся Иван — крестьянский сын еще сильнее и срубил Чуду-юду девять голов. Бросился он тут на Ивана и вогнал его в землю по самые плечи...

Снял Иван свою шапку и бросил в избушку. От того удара избушка зашаталась. Тут только братья проснулись, бросились на конюшню, спустили коня и сами Ивану на помощь побежали.

Иванов конь прискакал, начал бить Чудо-юдо копытами. Засвистел Чудо-юдо, зашипел, стал искрами коня осыпать... А Иван — крестьянский сын вылез из земли и отсек Чуду-юду головы, туловище на мелкие части рассек и побросал все в реку Смородину.

Привели его братья в избушку, умыли, накормили, напоили и спать уложили.

* * *

Поутру ранешенько Иван отправился к реке Смородине, перешел на тот берег через калиновый мост и прокрался к Чудо-юдовым каменным палатам. Подошел к открытому окошку и стал слушать, не замышляют ли здесь еще чего.

Смотрит: сидят в палатах три Чудо-юдовы жены да мать, Старая Змеиха. Сидят они да сговариваются.

Старшая говорит:

—Отомщу я Ивану — крестьянскому сыну за моего мужа! Забегу вперед, когда он с братьями домой возвращаться будет, напущу жары, а сама оборочусь колодцем. Захотят они воды испить и с первого же глотка лопнут!

Вторая сказала:

—А я забегу вперед и оборочусь яблоней. Захотят они по яблочку съесть — тут их и разорвет на мелкие частички!

—А я, — говорит третья, — напущу на них сон да дрему, а сама забегу вперед и оборочусь мягким ковром с шелковыми подушечками! Захотят братья полежать, отдохнуть — тут-то их и спалит огнем!

Отвечает Змеиха:

—Ну, невестки³ мои любезные, если вы их не сгубите, то завтра я сама догоню их и всех троих проглочу!

Выслушал Иван — крестьянский сын все это и вернулся к братьям.

После того собрались братья и поехали домой. Едут они степями, едут лугами. А день такой жаркий, что терпенья нет, жажда измучила. Смотрят братья: стоит колодец, в колодце серебряный ковшик плавает. Говорят они Ивану:

—Давай, братец, остановимся, холодной водицы попьем и коней напоим.

—Неизвестно, какая в том колодце вода, — отвечает Иван. — Может, гнилая да грязная.

Соскочил он со своего коня доброго, начал этот колодец мечом сечь да рубить. Завыл колодец, заревел дурным голосом. Тут спустился туман, жара спала — и пить не хочется.

—Вот видите, братцы, какая вода в колодце была! — говорит Иван.

Поехали они дальше.

Долго ли, коротко ли ехали — увидели яблоньку. Висят на ней яблоки спелые да румяные.

Соскочили братья с коней, хотели было яблочки рвать, а Иван — крестьянский сын забежал вперед и давай яблоню мечом сечь да рубить. Завыла яблоня, закричала...

—Видите, братцы, какая это яблоня! Невкусные на ней яблоки.

Сели братья на коней и поехали дальше. Ехали они, ехали и сильно утомились. Смотрят: лежит на поле ковер мягкий, а на нем подушки пуховые.

—Полежим на этом ковре, отдохнем немного, — говорят братья.

—Нет, братцы, не мягко будет на этом ковре лежать, — отвечает Иван.

Рассердились на него братья:

—Что ты за указчик нам: того нельзя, другого нельзя!

Иван в ответ снял свой кушак⁴ и на ковер бросил. Вспыхнул кушак пламенем; ничего не осталось на месте.

—Вот и с вами то же было бы! — говорит Иван.

Подошел он к коврику и давай рубить мечом ковер да подушки на мелкие кусочки. Изрубил, разбросал в стороны и говорит:

—Напрасно вы, братцы, ворчали на меня! Ведь и колодец, и яблонька, и ковер этот — все это Чудо-юдовы жены были. Хотели они нас погубить, да не удалось им это: сами все погибли!

Поехали братья дальше.

Вдруг небо потемнело, ветер завыл, загудел: летит за ними сама Старая Змеиха. Разинула пасть от неба до земли — хочет Ивана с братьями проглотить. Тут Иван — крестьянский сын поднял Змеиху да со всего размаху ударил ее о сырую землю. Рассыпалась она мелким прахом, а ветер тот прах во все стороны развеял.

С тех пор все чуда-юда да змеи повывелись — без страху люди жить стали.

А Иван — крестьянский сын с братьями вернулся домой, к отцу, к матери.

Здесь и сказке конец.

¹*Булатные* - стальные.

²*Дозор* - осмотр территории.

³*Невестки* – жены сыновей.

⁴*Кушак* – широкий пояс, сшитый из ткани.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какая весть разнеслась в царстве-государстве о Чуде-юде поганом?
2. Кто вызвался защищать родину от Чуда-юда?
3. Расскажите о том, что произошло в первую ночь около реки Смородины.
4. Расскажите о том, что случилось с Иваном во вторую ночь.
5. Почему застыдились старшие братья перед Иваном?
6. Расскажите о бое Ивана с двенадцатоголовым Чудом-юдом.
7. Какими словами сопровождалась встреча чудищ с Иваном «на калиновом мосту»? Прочитайте и объясните их.
8. Что задумали Чудо-юдовы жены и Старая Змеиха, чтобы отомстить Ивану за гибель мужей и сыновей?
9. Как Иван справился с их колдовством?
10. Составьте план сказки. Перескажите ее.

ТРУДОВЫЕ ДЕНЬГИ

(кабардинская сказка)

Жил-был один крестьянин. От зари до зари трудился он в поле, очищал его от камней, сеял кукурузу, выхаживал её. Нелегко ему было работать, никто ему не помогал.

Был у того крестьянина сын, лентяй — второго такого во всём свете не сыскать! Отец выходил в поле до зари и возвращался, когда совсем стемнеет, а сын с утра до вечера бездельничал.

А к отцу тем временем старость подкралась, стали убывать его силы. Понял он, что хоть и поздно, а надо приучать сына к труду. Никак не мог он заставить сына работать на своем поле и решил отдать его в батраки¹.

Отвёз крестьянин сына в соседний аул² батрачить³ за один золотой в год.

Удивился хозяин, почему старик-крестьянин запросил за своего сына такую малую плату.

«Видно, он богач, — подумал хозяин, — неспроста этот человек отдал мне своего сына. Чтобы не обидеть старика, я не буду заставлять работать этого парня».

А лентяю только того и надо. Живёт лентяй в свое удовольствие — поздно встаёт, ест лучшие куски, наряжается да веселится.

Когда прошёл год, хозяин дал лентяю золотой и с почётом проводил его.

Пришёл лентяй домой.

— Как тебе жилось-работалось, сынок? — спрашивает отец.

— С утра до вечера трудился я не покладая рук. Хозяин остался мною

доволен.

Протянул сын золотой, а отец взял деньги и, даже не взглянув, бросил в огонь.

Ни слова не сказал лентяй. Не удивился, отчего это отец вдруг стал деньги в огонь бросать. Повернулся и пошёл себе спать. Подумаешь, деньги — один золотой!

Понял отец, что ничему не научился его сын, и решил отдать его другому хозяину. Отвёз он сына в другой аул.

Новый хозяин, как и первый, решил, что неспроста старик отдал своего сына в работники. И тоже не заставлял лентяя работать.

—И снова незаметно пролетел год. Опять лентяй получил золотой.

Приходит он к отцу.

—Работал я от зари до зари. Вот мой заработок, — рассказал сын.

—Дай-ка его сюда!

Протянул сын золотой, и снова отец взял деньги и, даже не взглянув, бросил в огонь. И опять ни слова не сказал лентяй. Даже не спросил, почему это отец деньги в огонь бросает. Повернулся и пошел себе спать. Подумаешь, деньги — один золотой!

Видит отец, что напрасно прошли два года.

Решил он в третий раз отдать сына в работники. Отвёз его в самый дальний аул, выбрал бедного крестьянина. В доме у него было много едоков, да мало работников.

—Вижу я, трудно тебе живётся, — говорит стариц-отец бедняку, — нет у тебя помощников. Оставлю тебе на год своего сына: научи его работать, как следует, а платы с тебя никакой не надо!

Новый хозяин с первого же дня заставлял лентяя работать наравне с собою.

Вставали они чуть свет, работали безпередыху и заканчивали, когда звёзды на небе зажгутся.

Медленно потянулись дни, каждый казался лентяю таким длинным! Трудно было ему с непривычки: пот катился градом по его лицу, а хозяин не разрешал утереться.

Не взвидел лентяй белого света, а потом стал привыкать к работе и вскоре уже не мог без дела сидеть. И снова быстро побежало время.

Кончился год.

Теперь парень уже не был похож на прежнего лентяя: нарядная одежда его поизносилась, на руках появились мозоли.

Пришла порой отпрапляться домой.

На прощание хозяин и говорит ему:

— Твой отец не просил с меня никакой платы, но ты хорошо потрудился! Вот тебе два золотых — купишь себе новый бешмет⁴.

Приходит сын к отцу.

— Ну, как, сынок, тебе работалось?

— Хорошо работалось.

— А заплатил ли тебе хозяин за твои труды?

Протянул сын отцу два золотых, а тот даже не взглянул на них — в огонь бросил.

Не выдержал тут сын, закричал, стал голыми руками раскаленные угли разгребать:

— Как же можно трудовые деньги в огонь бросать!

¹ **Батра́к** — человек, нанятый для выполнения сельскохозяйственных работ.

² **Ау́л** — селение на Кавказе, в Средней Азии.

³ **Батра́чить** — работать батраком.

⁴ **Беи́мёт** — верхняя одежда без застежек.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как вы думаете, почему только в третий раз сын достал свои деньги из огня?
2. Прочитайте, как жилось сыну-лентяю у каждого из хозяев.
3. Какова главная мысль сказки? В каких словах она заключена? Прочитайте.
4. Разделите сказку на части и подготовьте ее пересказ.
5. С какими сказками вы познакомились в этом разделе? Кто их придумал?

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СКАЗКИ

Сказки любят все. Особенно их любят дети. В сказках, написанных автором, как и в народных сказках, всегда присутствует фантазия, вымысел, волшебство. В них говорится о правде и лжи, смелости, честности, о хорошем и плохом, о победе добра над злом. Вы читаете в сказках, собранных в этом разделе, о том, как чернят душу неблагодарность, заносчивость, незаслуженный успех, и о том, как любовь и преданность превращают чудища в принцев.

Эти мудрые сказки навсегда поселяют в душе высокие представления о доброте и чести.

Литературная сказка — это сказка, которая (в отличие от народной) имеет своего автора — писателя или поэта.

Именно воображение автора, его представление о добре и зле создают особый мир литературной сказки. В некоторых из них использованы переработанные фольклорные сюжеты и образы, однако литературная сказка выражает в первую очередь взгляд на мир, присущий конкретному писателю, а не всему народу.

Большое место среди литературных сказок занимают **повести-сказки**. В основе их сюжета лежит история, с одной стороны, напоминающая сказочную, с другой стороны, повествующая о событиях действительной жизни. Реальное и чудесное тесно переплетаются: волшебные персонажи действуют с обыкновенными героями, а чудо перемещается в обыденную повседневность.

Литературные сказки бывают **поэтическими** и **прозаическими**, но могут быть разделены:

на **чудесные** (волшебные) — сказки, в которых очевидно волшебное присутствие, фантазия, происходят превращения и принимают участие волшебные персонажи (С. Аксаков «Аленький цветочек», П. Ершов «Конек-Горбунок»);

условно-бытовые — сказки, в которых волшебство и превращения отсутствуют (Ю. Олеша «Три толстяка»);

волшебно-бытовые — сказки с присутствием волшебства, но не ясно, действительно чудеса имели место в жизни героя или ему все лишь приснилось (А. Погорельский «Черная курица...», В. Губарев «Королевство кривых зеркал»).

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое литературная сказка?
2. Какие литературные сказки вы знаете?
3. Назовите имена писателей — авторов литературных сказок.

АНТОНИЙ ПОГОРЕЛЬСКИЙ (Алексей Алексеевич Перовский) (1787-1836)

Алексей Алексеевич Перовский был сыном графа А. К. Разумовского. Мальчик получил фамилию по названию подмосковного имения Перово, где он провел детство. А. А. Перовский был прекрасно образованным человеком. Он владел немецким и французским языками, свободно на них разговаривал.

В 1812 году он отправился добровольцем на фронт, принимал участие в партизанской войне.

В 40 лет он мог стать генералом, но военная карьера не прельщала его. А. А. Перовский вышел в отставку и поселился в своем маленьком имении — сельце Погорельцы. В это время началась его литературная деятельность под псевдонимом «Антоний Погорельский».

Одновременно с писательством А. А. Перовский занимался воспитанием племянника Алеши Толстого, который впоследствии стал знаменитым писателем и поэтом. Для развлечения племянника он написал увлекательную историю — знаменитую повесть-сказку «Черная курица, или Подземные жители».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вас больше всего привлекло в биографии писателя? Расскажите об этом.

ЧЕРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ

1

Лет сорок тому назад в Петербурге был пансион¹.

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алеша, которому тогда было не более девяти лет. Родители его, жившие далеко от Петербурга, привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив за несколько лет

вперед. Алеша был мальчик умненький, миленький, учился хорошо, и все его любили и ласкали. Однако ему часто скучно было в пансионе, а иногда даже грустно.

Дни учения для него проходили скоро и приятно, но когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алеша горько чувствовал свое одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг.

Другое занятие Алеша состояло в том, чтобы кормить курочек, которые жили около забора в домике и целый день бегали на дворе. Алеша с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их драки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти. Между курами он особенно любил одну черную хохлатую, названную Чернушкой.

Однажды в прекрасный и необыкновенно теплый день Алеше позволили поиграть на дворе. Не успел он присесть на бревно и только что начал манить их к себе, как вдруг увидел кухарку с большим ножом. Алеше никогда не нравилась эта кухарка — сердитая и бранчливая. Но с тех пор как он заметил, что она-то была причиною, что от времени до времени уменьшалось число его курочек, он еще менее стал ее любить.

— Алеша, Алеша! Помоги мне поймать курицу! — кричала кухарка.

Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нем сильно билось, между тем кухарка бегала по двору — то манила курочек, то бранила их.

Вдруг сердце у Алеша еще сильнее забилося: ему послышался голос любимой его Чернушки. Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Кудах, кудах, кудуху!

Алеша, спаси Чернуху!

Кудуху, кудуху,

Чернуху, Чернуху!

Алеша не мог более оставаться на своем месте. Он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала Чернушку за крыло.

Алеша так неожиданно бросился на шею кухарке, что она упустила из рук Чернушку, которая от страха взлетела на кровлю сарая и там продолжала кудахтать.

Между тем кухарка была вне себя от досады и хотела бежать к учителю, но Алеша не пустил ее. Он прицепился к полам ее платья и так умильно стал просить, что она остановилась.

Алеша вынул из кармана империял² составлявший все его имение, который берег пуще глаза своего, потому что это был подарок доброй его бабушки. Кухарка взяла монету.

Таким образом, Чернушка была спасена от жестокой и неминуемой смерти.

¹ *Пансион* — школа с общежитием для учеников.

² *Империял* — золотая монета.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите главного героя сказки. Найдите и прочитайте описание Алеши.
2. Чем занимался Алеша в пансионе?
3. Расскажите, как Алеша спас курицу Чернушку от смерти. Оцените его поступок.
4. Озаглавьте первую часть.

2

Алеша возвратился в дом и весь вечер просидел один в классных комнатах. Потом пошел в спальню, разделся, лег в постель и потушил огонь. Долго не мог он заснуть.

Ночь была месячная, и сквозь ставни, неплотно затворявшиеся, падал в комнату бледный луч луны. Алеша лежал с открытыми глазами и долго слушал.

Наконец все утихло. Он взглянул на стоявшую подле него кровать и заметил, что белая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Он пристальнее стал всматриваться... ему послышалось, как будто что-то под кроватью царапается, и немного погодя показалось, что кто-то тихим голосом зовет его:

— Алеша, Алеша!

Алеша испугался.

Вдруг белая простыня приподнялась, и из-под нее вышла... черная курица!

— Ах! Это ты, Чернушка! — невольно вскричал Алеша. — Как ты зашла сюда?

Чернушка захлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом:

— Это я, Алеша! Ты не боишься меня, не правда ли?

— Зачем я тебя буду бояться? — отвечал он. — Я тебя люблю; только для меня странно, что ты так хорошо говоришь: я совсем не знал, что ты говорить умеешь!

Если ты меня не боишься, — продолжала курица, — так поди за мною. Одевайся скорее!

Он последовал за нею. Они прошли через переднюю. Потом, пройдя чрез сени, спустились вниз по лестнице и долго-долго шли по разным переходам и коридорам. Иногда коридоры эти так были низки и узки, что Алеша принужден был нагибаться. Вдруг вошли они в залу, освещенную тремя большими хрустальными люстрами. Алеша со вниманием стал рассматривать залу, которая очень богато была убрана. Ему показалось, что стены сделаны из мрамора. Панели и двери были из чистого золота. В конце залы, под зеленым балдахином³ стояли кресла из золота. Алеша очень любовался этим убранством, но странным показалось ему, что все было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол.

Между тем как он с любопытством все рассматривал, отворилась боковая дверь и вошло много маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина⁴, в

нарядных разноцветных платьях. Вид их был важен: иные по одеянию казались военными, другие — гражданскими чиновниками. На всех были круглые с перьями шляпы. Они не замечали Алеши, прохаживались по комнатам и громко между собою говорили, но он не мог понять, что они говорили.

Долго смотрел он на них молча и только что хотел подойти к одному из них с вопросом, как отворилась большая дверь в конце залы... Все замолкли, стали к стенам в два ряда и сняли шляпы. В залу вошел человек с величественною осанкою, с венцом на голове, блестящими драгоценными камнями. На нем была светло-зеленая мантия ⁵, подбитая мышьяим мехом, с длинным шлейфом, который несли двадцать маленьких пажей в пунцовых платьях.

Алеша тотчас догадался, что это должен быть король. Он низко ему поклонился. Король отвечал на поклон его весьма ласково и сел в золотые кресла. Потом что-то приказал одному из стоявших подле него рыцарей, который, подойдя к Алеше, объявил ему, чтоб он приблизился к креслам. Алеша повиновался.

— Мне давно было известно, — сказал король, — что ты добрый мальчик; но третьего дня ты оказал великую услугу моему народу и за то заслуживаешь награду. Мой главный министр донес мне, что ты спас его от неизбежной и жестокой смерти.

Алеша взглянул на того, на которого указывал король, и тут только заметил, что между придворными стоял маленький человек, одетый весь в черное. На голове у него была особенного рода шапка малинового цвета, наверху с зубчиками, надетая немного набок, а на шее белый платок, очень накрахмаленный, отчего казался он немного синеватым. Он умильно улыбался, глядя на Алешу, которому лицо его показалось знакомым, хотя не мог он вспомнить, где его видал.

Сколь для Алеши ни было лестно, что приписывали ему такой благородный поступок, но он любил правду и потому, сделав низкий поклон, сказал:

— Господин король! Я не могу принять на свой счет того, чего никогда не делал. Третьего дня я имел счастье избавить от смерти не министра вашего, а черную нашу курицу.

— Что ты говоришь! — прервал его с гневом король. — Мой министр — не курица, а заслуженный чиновник!

Тут министр подошел ближе, и Алеша увидел, что это была его любезная Чернушка.

— Скажи мне, чего ты желаешь? — продолжал король. — Если я в силах, то непременно исполню твое требование.

— Я бы желал, — сказал он, — чтобы, не учившись, я всегда знал урок свой, какой мне ни задали.

Он махнул рукою, и паж поднес золотое блюдо, на котором лежало одно конопляное семечко.

— Возьми это семечко, — сказал король. — Пока оно будет у тебя, ты всегда будешь знать урок свой, какой бы тебе ни задали, с тем, однако, условием, чтоб ты ни под каким предлогом никому не сказывал ни одного слова о том, что ты здесь видел или впредь увидишь. Малейшая нескромность лишит тебя навсегда

наших милостей, а нам наделает множество хлопот и неприятностей.

Алеша взял конопляное семечко, завернул в бумажку и положил в карман, обещаясь быть молчаливым и скромным. Король после того встал с кресел и тем же порядком вышел из залы, приказав прежде министру угостить Алешу как можно лучше.

³ *Балдахин* – украшенный навес над тронном.

⁴ *Пол-аршин* – старинная мера длины равная 35 см.

⁵ *Мантия* – широкая длинная одежда в виде плаща.

Лишь только король удалился, как окружили Алешу все придворные и начали его всячески ласкать, изъявляя признательность свою за то, что он спас министра. Министр объявил, что сам будет показывать подземные редкости гостю.

Сначала повел он его в сад. Дорожки усеяны были крупными разноцветными камешками: брильянтами, яхонтами, изумрудами.

Деревья были разного цвета: красные, зеленые, коричневые, белые, голубые и лиловые.

Из сада пошли они в зверинец. Там показали Алеше диких зверей, которые привязаны были на золотых цепях. К удивлению своему он увидел, что дикие эти звери были не что иное, как большие крысы, кроты, хорьки и подобные им звери.

— Да расскажи мне, пожалуйста, кто вы таковы? — спросил Алеша.

— Неужели ты никогда не слыхал, что под землю живет народ наш? — отвечал министр. — Правда, немногим удается нас видеть, однако бывали примеры, что мы выходили на свет и показывались людям. Теперь это редко случается, потому что люди сделались очень нескромны. А у нас существует закон, что если тот, кому мы показались, не сохранит этого в тайне, то мы принуждены бываем немедленно оставить местопребывание наше и идти далеко-далеко, в другие страны. Ты легко представить себе можешь, что королю нашему не весело было бы оставить все здешние заведения и с целым народом переселиться в неизвестные земли. И потому убедительно тебя прошу быть как можно скромнее.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие чудеса произошли с Алешей ночью после спасения курицы Чернушки?
2. Найдите и прочитайте, что увидел Алеша в подземном царстве.
3. Как вы думаете, почему Алеше открылось подземное царство?
4. Расскажите о чудесном подарке, полученном Алешей от короля подземного царства.
5. Что рассказал министр Алеше о народе, который живет под землею?
6. Озаглавьте вторую часть.
- 7.

На следующее утро Алеша решил проверить Действие конопляного семечка. Исторический урок особенно его беспокоил: ему задано было выучить наизусть несколько страниц из всемирной истории, а он не знал еще ни одного слова!

Наконец его вызвали. Он открыл рот, сам еще не зная, что сказать, и безошибочно, не останавливаясь, проговорил заданное. Учитель очень его хвалил; однако Алеша не принимал его хвалу с тем удовольствием, которое прежде чувствовал он в подобных случаях. Внутренний голос ему говорил, что он не заслуживает этой похвалы, потому что урок этот не стоит ему никакого труда.

В продолжение нескольких недель учителя не могли нахвалиться Алешей. Все уроки без исключения знал он совершенно, все переводы с одного языка на другой были без ошибок, так что не могли надивиться чрезвычайным его успехам. Алеша внутренне стыдился этих похвал: ему совестно было, что ставили его в пример товарищам, тогда как он вовсе того не заслуживал.

Алеша сначала стыдился похвал, чувствуя, что вовсе их не заслуживает, но мало-помалу он стал к ним привыкать, и наконец самолюбие его дошло до того, что он принимал не краснея похвалы, которыми его осыпали. Он много стал о себе думать, важничал перед другими мальчиками и вообразил, что он гораздо лучше и умнее всех их. Нрав Алешин от этого совсем испортился: из доброго, милого и скромного мальчика он сделался гордым и непослушным.

Иногда он и принимал намерение исправиться; но, к несчастью, самолюбие так в нем было сильно, что заглушало голос совести, и он день от дня становился хуже, и день от дня товарищи менее его любили.

Притом Алеша сделался страшным шалуном. Не имея нужды твердить уроков, которые ему задавали, он в то время, когда другие дети готовились к классам, занимался шалостями, и эта праздность еще более портила его нрав.

Наконец он так надоел всем дурным своим нравом, что учитель серьезно начал думать о средствах к исправлению такого мальчика и для того задавал ему уроки вдвое и втрое большие, нежели другим; но и это несколько не помогало. Алеша вовсе не учился, а все-таки знал урок с начала до конца, без малейшей ошибки.

Однажды учитель, не зная, что с ним делать, задал ему выучить наизусть страниц двадцать к другому утру.

На следующий день в назначенный час учитель взял в руки книжку, из которой задан был урок Алеше, позвал его к себе и велел проговорить заданное... Алеша не сомневался в том, что и этот раз ему удастся показать свою необыкновенную способность; он раскрыл рот ... и не мог выговорить ни слова!

— Что ж вы молчите? — сказал ему учитель.

Алеша покраснел, потом побледнел, опять покраснел, начал мять свои руки, слезы у него от страха навернулись на глазах... все тщетно!

Алеша всунул руку в карман, чтоб ощупать семечко, но... не нашел!

Слезы градом полились из глаз его... он горько плакал и все-таки не мог сказать ни слова.

Алешу отвели в нижний этаж, дали ему книгу и заперли дверь ключом.

Вдруг... простыня у соседней кровати зашевелилась, подобно как в первый тот день, когда к нему явилась черная курица.

Он желал, чтоб Чернушка вышла опять из-под кровати.

—Чернушка! Чернушка! — сказал он наконец вполголоса. Простыня приподнялась, и к нему на постель взлетела черная курица.

—Ах, Чернушка! — сказал Алеша вне себя от радости. — Я не смел надеяться, что с тобою увижусь! Ты меня не забыла?

—Нет, — отвечала она, — я не могу забыть оказанной тобою услуги, хотя тот Алеша, который спас меня от смерти, не похож на того, которого теперь перед собою вижу. Ты тогда был добрый мальчик, скромный и учтивый, и все тебя любили, а теперь... я не узнаю тебя!

Алеша горько заплакал, а Чернушка продолжала давать ему наставления. Долго она с ним разговаривала и со слезами упрашивала его исправиться.

—Теперь я должна тебя оставить, Алеша! Вот конопляное семечко, которое выронил ты на дворе. Напрасно ты думал, что потерял его невозвратно. Король наш слишком великодушен, чтоб лишить тебя этого дара за твою неосторожность. Помни, однако, что ты дал честное слово сохранять в тайне все, что тебе о нас известно... Алеша, к теперешним худым свойствам твоим не прибавь еще худшего — неблагодарности!

Алеша с восхищением взял свое семечко и обещался употребить все силы свои, чтоб исправиться.

—Ты увидишь, милая Чернушка, — сказал он, — что я сегодня же совсем другой буду.

—Не полагай, — отвечала Чернушка, — что так легко исправиться от пороков, когда они уже взяли над нами верх. Пороки обыкновенно входят в дверь, а выходят в щелочку, и потому если хочешь исправиться, то должен беспрестанно и строго смотреть за собою. Но прощай, пора нам расстаться!

Когда поутру собрались дети в классы, Алешу позвали наверх. Он вошел с веселым и торжествующим видом.

—Знаете ли вы урок ваш? — спросил учитель, взглянув на него строго.

—Знаю, — отвечал Алеша смело. — Я выучил его сегодня поутру!

Но тут вдруг все дети, огорченные его надменностью, закричали в один голос:

—Он неправду говорит, он и книги в руки не брал сегодня поутру!

Алеша вздрогнул, потупил глаза в землю и не сказал ни слова.

—Отвечайте же! — продолжал учитель. — Когда выучили вы урок?

Принесли розги... Алеша был в отчаянии! В первый еще раз с тех пор, как существовал пансион, наказывали розгами, и кого же — Алешу, который так много о себе думал, который считал себя лучше и умнее всех! Какой стыд!..

Он, рыдая, бросился к учителю и обещался совершенно исправиться. Алеша совершенно потерял голову... он забыл обещание, данное подземному

королю и его министру, и начал рассказывать о черной курице, о рыцарях, о маленьких людях...

И бедного Алешу высекли!

С поникшею головою Алеша пошел в спальные комнаты. Стыд и раскаяние наполняли его душу. Когда через несколько часов он немного успокоился и положил руку в карман ... конопляного семечка в нем не было! Алеша горько заплакал, чувствуя, что потерял его навсегда!

Около полуночи пошевелилась опять простыня у соседней кровати... Алеша, который накануне этому радовался, теперь закрыл глаза: он боялся увидеть Чернушку! Совесть его мучила.

Несколько времени лежал он с закрытыми глазами. Ему слышался шорох от поднимающейся простыни... Кто-то подошел к его кровати, и назвал его по имени:

—Алеша, Алеша!

Но он стыдился открыть глаза, а между тем слезы из них катились и текли по его щекам...

Вдруг кто-то дернул за одеяло. Алеша невольно взглянул: перед ним стояла Чернушка — не в виде курицы, а в черном платье, в малиновой шапочке с зубчиками и в белом накрахмаленном шейном платке, точно, как он видел ее в подземной зале.

—Алеша! — сказал министр, — я вижу, что ты не спишь... Прощай! Я пришел с тобою проститься, более мы не увидимся!

Алеша громко зарыдал.

—Прощай! — воскликнул он, — прощай! И, если можешь, прости меня! Я знаю, что виноват перед тобою.

—Алеша! — сказал сквозь слезы министр. — Я тебя прощаю; не могу забыть, что ты спас жизнь мою, и все тебя люблю, хотя ты сделал меня несчастным, может быть, навеки!.. Прощай! Мне позволено видеться с тобой на самое короткое время. Еще в течение нынешней ночи король с целым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слезы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо, так покойно!

Алеша бросился целовать маленькие ручки министра. Схватив его за руку, он увидел на ней что-то блестящее.

— Что это такое? — спросил он с изумлением. Министр поднял обе руки кверху, и Алеша увидел, что они были скованы золотою цепью. Он ужаснулся.

— Твоя нескромность причиною, что я осужден носить эти цепи, — сказал министр с глубоким вздохом, — но не плачь, Алеша! Твои слезы помочь мне не могут. Одним только ты можешь меня утешить в моем несчастии: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде. Прощай в последний раз!

Министр пожал Алеше руку и скрылся под соседнюю кровать.

Во всю ночь не мог он сомкнуть глаз ни на минуту. За час перед рассветом послышалось ему, что под полом что-то шумит. Он встал с постели, приложил к полу ухо и долго слышал стук маленьких колес и шум, как будто проходило множество маленьких людей. Между шумом этим слышен был также плач женщин и детей.

На другой день поутру дети, проснувшись, увидели Алешу, лежащего на полу без памяти. Его подняли, положили в постель и послали за доктором, который объявил, что у него сильная горячка.

Недель через шесть Алеша выздоровел, и все происходившее с ним перед болезнью казалось ему тяжелым сном. Ни учитель, ни товарищи не напоминали ему ни слова ни о черной курице, ни о наказании, которому он подвергся. Алеша же сам стыдился об этом говорить и старался быть послушным, добрым, скромным и прилежным. Все его снова полюбили и стали ласкать, и он сделался примером для своих товарищей.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Расскажите, как Алеша проверял действие конопляного семечка.
2. Почему Алеша стыдился своих успехов и похвал?
3. Как вы думаете, почему стал портиться характер Алеши?
4. О чем просила Чернушка Алешу, когда тот потерял конопляное семечко? Объясните выражение Чернушки: *«Пороки входят в дверь, а выходят в щелочку»*.
5. Расскажите о предательстве Алеши. Подумайте, как получилось, что вначале Алеша спас Чернушку, а потом он же погубил своего друга?
6. Какие мысли в сказке показались вам самыми главными? Какой урок Алеша извлек из случившегося?
7. Озаглавьте третью часть.
8. Кратко перескажите сказку.

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Писатели и поэты XIX века считаются классиками русской литературы. Это И. А. Крылов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков - Щедрин, А. П. Чехов и другие. Они черпали темы своих произведений из жизни, изучали её, писали о судьбах людей в России, о человеческих переживаниях, выражали своё отношение к происходящим событиям.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

(1769 —1844)

Иван Андреевич Крылов родился в Москве в семье бедного армейского офицера. Его детские годы прошли сначала на Урале, потом в Твери, куда семья переехала после выхода отца в отставку. Мать И. А. Крылова была без всякого образования, но умная от природы. Она сама руководила учебой сына. Но семья была малообеспеченной, и после смерти отца девятилетнему мальчику пришлось работать, чтобы обеспечить мать и младшего брата. Но он не унывал. С детства И. А. Крылов полюбил чтение, обладал прекрасными способностями и был настойчив в овладении знаниями. В дальнейшем, в зрелые годы И. А. Крылов прослыл одним из самых просвещенных людей своего времени.

В 14 лет он начал писать стихи, написал несколько пьес для театра. Долгое время они не получали признания, а когда успех пришел к И. А. Крылову, сатирическая направленность его произведений не понравилась театральному руководству. Спасаясь от преследований, И. А. Крылов был вынужден покинуть Петербург и скитаться «по городам и весям». Только через 10 лет он смог окончательно поселиться в Петербурге. В 1805 году в журнале «Зритель» появились его первые басни, которые встретили восторженный прием у читателей и литературных критиков. И это неслучайно, потому что сюжеты басен напоминают сказки, в них действуют люди и звери, наделенные человеческими чертами. События в баснях разворачиваются стремительно, их легко пересказать.

Бáсня — короткий рассказ в стихах или прозе с прямо сформулированной моралью, нравоучением.

Басни пришли из глубокой древности. Одним из первых баснописцев был грек Эзоп. И в России басни писали разные авторы.

Басни Крылова отличались от басен других авторов тем, что они написаны живым, непринужденным, почти разговорным языком. Персонажи басен — звери, злые и добрые, глупые и умные, хитрые и простодушные. И. А. Крылов не любил объяснять, что или кого он имел в виду, когда писал басню. Он уверял, что изображал просто животных. Однако современники легко угадывали, что высмеивал И. А. Крылов.

Для создания басни он широко использовал прием иносказания. Каждый из героев басни является воплощением определенной мысли или качества (так,

в басне «Свинья под дубом» свинья — воплощение невежества, в «Волке и ягненке» волк — сама жестокость, ягненок — беззащитность).

Самой большой индивидуальностью в баснях наделен автор-рассказчик, наблюдательный и мудрый. Именно его умению метко и с юмором называть вещи своими именами мы обязаны появлению множества крылатых слов, пословиц и поговорок, пришедших из басен: «Демьянова уха», «У сильного всегда бессильный виноват», «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться» и т. д.

Слава И. А. Крылова постоянно росла — всего им было написано более 200 басен и выпущено 9 книг.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Расскажите о жизни И. А. Крылова.
2. Как началась деятельность Крылова-баснописца?
3. Когда появились басни? Кого из первых баснописцев вы знаете?
4. Что такое басни? Почему басни пользуются успехом?
5. Расскажите о жизни И.А. Крылова. Как началась деятельность Крылова-баснописца?
6. Какие произведения прославили имя И.А. Крылова? Вспомните названия басен, изучавшихся ранее. О чем они?
7. В чем состоит своеобразие басен И.А. Крылова?

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только му́ка¹.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав — судить не нам;
Да только воз и ныне там.
1814

¹Му́ка- мучение, страдание, терзание.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. О чем эта басня?
2. Из скольких частей состоит басня?
3. В какой части басни передается ее основное содержание? Прочитайте.

4. В какой части басни сделан вывод? Прочитайте его. Приведите различные случаи, ситуации, когда можно использовать мораль этой басни.
5. Почему воз остался на месте?
6. Какие строки басни стали пословицей?
7. Выучите басню наизусть.

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это Дереву вредит, —
Ей сДубу Ворон говорит. —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
«Пусть сохнет, — говорит Свинья: —
Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею».
«Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут. —
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут».

Невежда так же в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

1823

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Перескажите содержание басни.
2. Как поступок Свиньи охарактеризовали Ворон и Дуб?
3. Прочитайте вывод, который делает автор. Как он соотносится с содержанием басни? Приведите различные случаи, ситуации, когда можно использовать мораль этой басни.
4. Прочитайте басни И. А. Крылова: «Демьянова уха», «Лисица и виноград».

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

(1799 — 1837)

Слушая сказки Пушкина, мы с малых лет учимся ценить чистое, простое, чуждое преувеличения и напыщенности слово...

С. Я. Маршак

В старой московской церкви Богоявления, что в Елохове, 8 июня 1799 года дьячок вывел гусиным пером старинной вязью: «У майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещён июня 8 дня...» Метрическая запись о рождении гениального русского поэта была помечена днём позже, как он родился, 26 мая (6 июня по новому стилю) после захода солнца.

В Москве прошло детство поэта, в доме его родителей собирались самые известные писатели. Будущий поэт рано ознакомился с русской и французской литературой: в доме его отца была большая библиотека.

Воспитанный в литературной среде (отец и дядя писали стихи), будущий поэт рано удивил всех своими стихами. В письмах друзей дома можно прочитать замечательные слова: «Три Пушкина в Москве, и все они поэты».

Сергей Львович, отец поэта, был прекрасным актёром, играл в домашних спектаклях, мастерски читал пьесы французского писателя Мольера. Известным поэтом своего времени был дядя, Василий Львович. Писал стихи и дальний родственник — Алексей Михайлович Пушкин. Стихи слагали старшая сестра Александра Сергеевича Ольга и младший брат Лев.

Брат Пушкина, Лев Сергеевич, рассказывал, что «страсть к поэзии» появилась у будущего поэта рано, на восьмом году он уже сочинял на французском языке маленькие комедии, проводил бессонные ночи в кабинете отца и «там пожирал книгу одну за другой», что он был одарён памятью невероятной, на одиннадцатом году «знал наизусть всю французскую литературу».

Благотворное влияние оказали на юного Пушкина бабушка Мария Алексеевна и няня Арина Родионовна, которые познакомили его с устным народным творчеством.

Вспомним пушкинские сказки: «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о царе Салтане...». О чём эти сказки? Когда вы их читали? В этом году мы ещё раз вернёмся к пушкинскому «Прологу» к «Руслану и Людмиле»: «У лукоморья дуб зелёный...» — как бы собирательной картине всех сказок. О каких героях напоминает нам поэт, что вспоминаем мы, когда читаем строки о зелёном дубе с золотой цепью, по которой ходит кот учёный? Мы читаем завораживающие музыкой стиха строки, чувствуем улыбку поэта, верим и не верим в рассказанные им чудеса...

«Пушкинская сказка — прямая наследница народной», — утверждал детский писатель С. Я. Маршак. Прочитаем внимательно сказки А. С. Пушкина, попробуем вместе подтвердить или опровергнуть его слова.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чем особый уклад семьи Пушкиных повлиял на раннее развитие Пушкина-читателя, Пушкина-поэта?
2. Назовите свои любимые произведения.

ОСЕНЬ

(отрывок)

1

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча, еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей.

2

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Суровую зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

3

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест.

4

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда бы не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

5

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной

К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго...

7

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

1833

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. О каких временах года идет речь в этом стихотворении?
2. Какие признаки осени отмечает А.С. Пушкин?
3. Как он отзывается о других временах года?
4. Почему он восторгается зимой? Ответ подтвердите строками из стихотворения.
5. За что А. С. Пушкин не любит лето?
6. О каких проводах зимы вспоминает поэт?
7. Чем мила осень для поэта? С кем он ее сравнивает?
8. Какие слова использует А. С. Пушкин для описания красоты осени, ее очарования?
9. Выучите наизусть отрывок по выбору.

У ЛУКОМОРЬЯ...¹

(отрывок из поэмы «Руслан и Людмила»)

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых⁴ дорожках
Следы невиданных зверей;
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений³ полны;

Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей ⁴ прекрасных
Чредой ⁵ из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет ⁶ грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет ⁷;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил...

¹ *Лукоморье* – излучина морского берега (от слов лука – изгиб – и море).

² *Неведомый* – неизвестный (ведать означает «знать»).

³ *Видение* – призрак, привидение.

⁴ *Витязь* – воин, богатырь.

⁵ *Чредой (чередой)* – один за другим.

⁶ *Пленяет* – здесь: берёт в плен.

⁷ *Чахнуть* – становиться слабым, болезненным, хилым.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. О каких чудесах, необыкновенных героях знаете вы из народных сказок? Приведите пример чудесных превращений героев.
2. Каково общее настроение этого отрывка?
3. Какие картины возникают в вашем воображении, когда вы читаете: *там леший бродит, следы невиданных зверей, лес и дол видений полны, и тридцать витязей прекрасных чредой из вод выходят ясных, королевич мимоходом пленяет грозного царя, царь Кащей над златом чахнет?* Расскажите об этом.
4. Какие народные и литературные сказки вспоминаете вы, когда читаете пролог к «Руслану и Людмиле» - «У лукоморья дуб зелёный...»? В каких строках сочетается юмор и фантастика?
5. Выучите отрывок наизусть.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

(1814 — 1841)

Лермонтов Михаил Юрьевич - поэт, прозаик, драматург.

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве в 1814 году. Детство прошло в Тарханах - имении бабушки, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Мать Лермонтова умерла, когда ему не было еще трех лет.

В Тарханах поэт узнал и навсегда полюбил красоту родной природы, русские песни. Бабушка очень любила своего внука и заботилась о его воспитании. Он владел английским, немецким языком, занимался живописью, играл на скрипке и рояле, прекрасно читал стихи.

В 1830 году Лермонтов поступает в Московский университет, пишет стихи. В 1832 году он оставляет университет и сдает экзамены в Школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. В 1835 году он закончил Школу и был выпущен корнетом¹ в лейбгвардии гусарский полк. В этом году появляется в печати его поэма «Хаджи - абрек». Имя поэта стало широкоизвестно в январе 1837 года, в дни гибели Пушкина. Лермонтов написал стихотворение «На смерть поэта», в котором назвал истинных виновников гибели Пушкина. Лермонтов выразил боль и негодование целого поколения России. «Смерть поэта» мгновенно распространилась в списках. Заключительные 16 строк стихотворения были восприняты при дворе царя как призыв к революции. Лермонтов был арестован. Будучи под арестом, поэт пишет несколько стихотворений, таких как: «Узник», «Соседка».

В марте 1837 года Лермонтов выехал из Петербурга на Кавказ. Началась первая кавказская ссылка. Уже в январе 1838 года он возвращается в Петербург. Увидела свет его «Песня про царя Ивана

Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» В 1839 году поэт пишет поэму «Мцыри».

За участие в дуэли в марте 1840 года Лермонтов был отправлен в действующую армию на Кавказ. Он был отчаянно храбр.

В Пятигорске на одном из вечеров в семействе Верзилиных шутка Лермонтова задела Мартынова. Ссора повлекла за собой вызов: не придавая значения размолвке, поэт принял его, твердо решив не стрелять в товарища. Поэт был убит на дуэли 15 июля 1841 года.

Смерть Лермонтова была тяжелым ударом для русской литературы. Ее рассматривали как убийство. Творческая жизнь поэта продолжалась 13 лет. Красота и человечность лермонтовских стихов пленяют всех своею силой.

¹ *Корнёт* – младший офицерский чин (низший офицерский чин) в Российской империи; звание, существовавшее в кавалерии в некоторых государствах с XV до начала XX века.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чем сходство судьбы Лермонтова с судьбой Пушкина?
2. Какие стихи Лермонтова вы знаете наизусть? Прочитайте.

ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы ...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое чувство вызывает у вас это стихотворение?
2. Что ищет в жизни поэт?
3. Какие мотивы звучат в этом стихотворении?
4. Послушайте романс П. Булахова на стихи Лермонтова «Выхожу один я на дорогу».
5. Прочитайте стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива», «Поле Бородина», поэму «Мцыри».

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас¹.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет², вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..

1830

¹ *Глас* (устар.) – голос.

² *Лепетать* – говорить несвязно, неразборчиво.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. О каких событиях биографии М.Ю. Лермонтова можно узнать из этого стихотворения?
2. За что поэт любит Кавказ?
3. О какой природе Кавказа вспоминает поэт?
4. Рассмотрите иллюстрацию и подберите к ней слова из стихотворения.
5. Что напоминали поэту вершины скал?
6. Какие слова постоянно повторяются в стихотворении?

НИКОЛАИ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ (1809 — 1852)

Николай Васильевич Гоголь - прозаик, драматург, критик, публицист.

Николай Васильевич Гоголь родился 1 апреля 1809 года в местечке Большие Сорочинцы Полтавской губернии в семье небогатого помещика. Детство писателя прошло в селе Васильевна на Украине.

Отец писателя Василий Афанасьевич был человеком талантливым. Он писал стихи и комедии в стихах, ставил свои пьесы на сцене домашних театров и часто выступал в них как актёр. Мать Мария Ивановна была замечательной красавицей, добрым, нежным и любящим человеком.

В детстве Гоголь наблюдал жизнь простых людей, с удовольствием слушал их песни на праздниках и гуляниях, посещал ярмарки. У него было ещё одно увлечение — работа в саду, где он помогал садовнику ухаживать за растениями.

Николай Васильевич рос серьёзным, задумчивым и очень наблюдательным мальчиком. «В те годы, когда я стал задумываться о моём будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали ещё об играх), мысль о писателе мне никогда не входила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня

ожидает просторный круг действий, и что я сделаю даже что-то для общего добра», — писал он впоследствии.

В десять лет мальчик поступил в Полтавское уездное училище, а спустя два года был принят в Нежинскую гимназию высших наук.

В гимназии Н. В. Гоголь в складчину с товарищами выписывал журналы и книги. Среди них были произведения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина... По воспоминаниям современников, Гоголь берёт книги как драгоценность.

В гимназии Гоголь часто играл в любительских спектаклях, сам сочинял комедии, которые очень нравились публике. Известно, что он написал сатиру на жителей города Нежина, в ней он создал образы людей, принадлежащих к разным слоям общества. В эти годы он завёл записную книжку под названием «Книга всякой всячины», куда записывал свои впечатления от знакомств с новыми людьми. Увлекался он и живописью и очень любил изображать природу.

Глубокий след в душе Гоголя оставило восстание декабристов. Он с увлечением читал стихи Рыльева и Пушкина, слушал лекции профессоров, провозглашавших свободололюбивые идеи.

После окончания гимназии Гоголь приезжает в Петербург. Город встретил его сурово. Из-за отсутствия средств он жил очень скромно, отказывая себе во всём, даже в посещении театра, который очень любил. Казённая служба, на которую он поступил, очень тяготила Гоголя. Некоторое время он посещал класс Академии художеств, где с увлечением учился живописи. Знакомство с художниками обогащает его, он очень ценит их простоту в общении.

В этот период Гоголь пишет «Вечера на хуторе близ Диканьки». Сборник рассказов не остался незамеченным. Гоголь знакомится с известными поэтами В. А. Жуковским, А. А. Дельвигом, с А. С. Пушкиным. В Петербурге Гоголь создаёт историческую повесть «Тарас Бульба».

Николай Васильевич Гоголь прожил недолгую жизнь. «Гоголь умер!.. Какую русскую душу не потрясут эти два слова? Он умер... Потеря наша так жестока, так внезапна, что нам ещё не хочется ей верить... Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право — горькое право, данное нам смертью, — назвать великим...»—писал И. С. Тургенев.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вас больше всего привлекло в биографии писателя? Расскажите об этом.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Литературный пейзаж - словесное описание природы в литературном произведении.

Н. В. Гоголь, описывая величие и красоту Днепра, выступает как мастер словесной живописи, создает удивительно яркий образ реки. Он описывает прелесть Днепра в тихую погоду, в теплую летнюю ночь и в бурю. Любование и любовь к природе, восхищение, изумление и восторг - все эти чувства

переполняют душу автора. У Гоголя все словно нарисовано. Кажется, словно видишь перед собой большую величавую реку. Для яркого красочного восприятия описания Днепра автор использует и сравнения, и эпитеты, и олицетворения, и гиперболы. Все в его описаниях сказочно - великолепно, необыкновенно таинственно и достоверно.

Сравнение - сопоставление двух предметов или явлений с целью пояснить один из них при помощи другого; в художественной литературе широко распространены развернутые сравнения.

Эпитет - образное определение, дающее дополнительную художественную характеристику предмета или явления в виде скрытого сравнения («чистое поле», «парус одинокий»).

Метафора - переносное значение слова, выражения на основе аналогии, сходства, сравнения.

Гипербола - намеренное преувеличение.

ЧУДЕН ДНЕПР

(из «Вечеров на хуторе близ Диканьки»)

Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелхнет; ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идет или не идет его величавая² ширина, и чудится³, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет⁴ и вьется по зеленому миру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод и прибережным лесам ярко отсветиться в водах. Зеленокудрые! Они толпятся вместе с полевыми цветами к водам и, наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмеваются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями. В середину же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него. Редкая птица долетит до середины Днепра! Пышный! Ему нет равной реки в мире.

Чуден Днепр и при теплой летней ночи, когда все засыпает — и человек, и зверь, и птица; а бог один величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу. От ризы⁵ сыплются звезды. Звезды горят и светят над миром и все разом отдаются в Днепре. Всех их держит Днепр в темном лоне⁶ своем. Ни одна не убежит от него; разве погаснет на небе. Черный лес, униженный спящими воронами, издревле разломанные горы, свесясь, селятся закрыть его, хотя длинную тенью своею, — напрасно! Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Синий, синий, ходит он плавным разливом и середь ночи, как середь дня; виден за столько вдаль, за сколько видеть может человечесь око. Нежась и прижимаясь ближе к берегам от ночного холода, дает он по себе серебряную струю; и она вспыхивает, будто полоса дамасской сабли; а он, синий, снова заснул. Чуден и тогда Днепр, и нет реки, равной ему в мире!

Когда же пойдут горами по небу синие тучи, черный лес шатается до корня, дубы трещат и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр! Водяные холмы гремят, ударяясь о горы, и с

блеском и стоном отбегают назад, и плачут, и заливаются вдали. Так убивается старая мать козака, выпроваживая своего сына в войско. Разгульный и бодрый, едет он на вороном коне, подбоченившись и молодецки заломив шапку; а она, рыдая, бежит за ним, хватая его за стремя⁷, ловит удила⁸, и ломает над ним руки, и заливаются горячими слезами.

Дико чернеют промеж ратующими волнами обгорелые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьется об берег, поднимаясь вверх и опускаясь вниз, пристающая лодка. Кто из Козаков осмелился гулять в челне, когда рассердился старый Днепр?...

¹*Чуден* - очень хороший, прелестный, очаровательный.

²*Величавый* - внушающий почтение, величественный.

³*Чудится* - кажется, мерещится.

⁴*Рéет* - плавно парит, летает, развеивается, плывет.

⁵*Рiза* - парчовая одежда священника, облачение.

⁶*Лóно* - (здесь: в глубине вод).

⁷*Стрéмя* – железная дужка, подвешиваемая к седлу для упора ног всадника.

⁸*Удила́* - часть сбруи - металлические стержни, вкладываемые в рот.

упряжного животного.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите сравнения, эпитеты, олицетворения, гиперболы, при помощи которых Гоголь изображает Днепр в тихую погоду, в теплую летнюю ночь и в буре.
2. Выучите наизусть и выразительно прочтите отрывок: «Чуден Днепр при тихой погоде».
3. Прочитайте книгу Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

(1818 — 1883)

Иван Сергеевич Тургенев родился в 1818 году в богатой барской семье в Орловской губернии, в Спасском – Лутовинове. Отец писателя, Сергей Николаевич Тургенев, гвардейский офицер в отставке мало вмешивался в домашние дела. Был он со всеми равнодушно ласков, жил спокойно и празднично. Главным лицом в доме была мать Ивана Сергеевича Варвара Петровна. Она была очень богата - ей принадлежала усадьба и тысячи крепостных душ. Несмотря на свой ум и образованность, она была жестокой помещицей - крепостницей. Дети боялись и ненавидели ее, она приказывала часто сечь детей и крепостных за малейшую провинность.

Русской грамоте Ваню очень рано научил крепостной человек Серебряков. Детей учили домашние учителя - гувернеры. Мальчики учились иностранным языкам, читали. Когда Ивану исполнилось девять лет, семья переехала в Москву, Иван вместе с братом Николаем были определены в пансион. В 11 лет его забрали домой, и стали готовить к университетским

экзаменам. В 15 лет И. С. Тургенев блестяще выдержал экзамен и поступил на словесное отделение Московского университета. Осенью 1834 года он перевелся на филологическое отделение петербургского университета. В Петербург переехала и вся семья. Отец последние годы прихварывал и вскоре после переезда скончался.

После смерти отца в жизни семьи и в характере матери мало что изменилось. Лето проводили в своем имении Спасском. Очень часто Тургенев со своей собакой уходил на охоту и с раннего утра до поздней ночи бродил по окрестным лесам и лугам. С каждым годом все больше и больше его увлекала охота; в этом была для него не только радость от близости с родной природой, но и желание лучше узнать жизнь своего народа.

В 1837 году Тургенев выдержал экзамены на кандидатскую степень и через год уехал за границу, поступил в Берлинский университет доучиваться. Ему шел двадцатый год. Был он огромного роста, мягкий, очень добрый и блестяще остроумный. То он решал стать педагогом, то мечтал об ученой деятельности.

В 1841 году он окончил университет и вернулся в Россию. Все меньше мечтал И. С. Тургенев об ученой деятельности и все больше мечтал о литературе, писал стихи. И вот, наконец, написал он большой рассказ в стихах о жизни уездной барышни - парашки. В то время Тургенев был очень беден, мать не давала ему денег, ее возмущало, что ее сын стал писателем. По настоянию матери он поступил на службу, но чиновником оказался плохим. На службе скучал и вскоре подал в отставку и занялся литературной работой.

В 1846 году появилась в печати его поэма «Помещик». Скоро вместо стихов он стал писать прозу. Чем старше становился И. С. Тургенев, тем труднее ему было выносить страдания крепостного народа, и он уехал за границу. Тургенев пишет рассказы «Бурмистр», «Контора», «Хорь и Калиныч».

Познакомившись с французской певицей Полиной Виардо еще в Петербурге, он живет в Париже в семье этой певицы, которую глубоко и навсегда полюбил и стал ее преданным другом на всю жизнь. Он так и не создал своей семьи, часто приезжал в Россию, по которой очень скучал, писал свои знаменитые рассказы, повести. Романы, в которых правдиво описывал жизнь русских помещиков - крепостников и бесправное бедственное положение простого народа. Тургенев пишет пьесы, которые ставились на сцене в России, рассказы «Муму», «Певцы», «Бежин луг», статью на смерть Гоголя. Царь Николай I за издание этой статьи приказал посадить его на месяц под арест и выслать на жительство па родину.

Царскому правительству не могли нравиться рассказы Тургенева. С первых дней ссылки он принимается за работу. В 1852 в Москве вышла его книга «Записки охотника». Летом 1855 года он начал писать роман «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети» и др. Он часто ездит за границу, но ни одной строчки он не написал не по-русски. В 1860 году он почувствовал себя тяжело больным, но ему не хотелось сдаваться. Тургенев тосковал по родине. «Когда вы будете в Спасском, - просил он одного из друзей, - поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, - родине, о которой не переставал думать».

Тургенев умер 22 августа 1883 года в Бужавиле. Из Франции тело было

перевезено в Петербург и погребено на Волковом кладбище. Его литературное наследие высоко оценено русским народом и широко известно во всем мире.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Где родился И. С. Тургенев?
2. Расскажите о семье писателя.
3. Каким было детство писателя?
4. Какое образование получил И. С. Тургенев?
5. Какие произведения И. С. Тургенева вы читали? Назовите их.

БЕЖИН ЛУГ

(из истории создания рассказа)

В один прекрасный июльский день Тургенев со своей собакой Дианкой охотился за тетеревами. Он настрелял много дичи, устал, решил вернуться домой, но заблудился. Приближалась ночь, долго бродил он и, наконец, добрал до высокого холма и увидел под самой кручей огонёк. Он узнал местность - Бежин луг. Тургенев спустился вниз.

Лохматые собаки с лаем бросились на наго, раздались звонкие голоса, с земли поднялись несколько мальчиков. Это были крестьянские ребята из соседних деревень, которые стерегли табун. Они сидели у костра, варили картошку и рассказывали друг другу разные истории. Тургенев сказал, что заблудился, подсел к ребятишкам, потом прилег под куст и притворился спящим.

Мальчиков было пятеро. Старший Федя, лет четырнадцати, по-видимому, из богатой семьи, лежал у костра, опершись на локоть, и почти не вмешивался в разговор. Костя сидел рядом с Илюшей и глядел куда-то вдаль. Павлуша, стоя на коленях, наблюдал за небольшим котелком с картошкой, который висел над огнем. Самого младшего, пятого, Тургенев сначала не заметил; он лежал под рогожей, и только раз выставил из-под нее русую, кудрявую головку.

Мальчики понемногу разговорились. Больше других говорил Илюша - он уже работал на бумажной фабрике, знал много поверий, рассказывал самые страшные истории о мертвецах, которые выходят из могил искать разрыв - траву, о леших, о домовых. Костя был совсем другой, и рассказы у него были совсем другие - жалостливые, поэтические. Но больше всех понравился Тургеневу Павлуша. Он не рассказывал никаких страшных историй, хотя и верил в них, как и другие мальчики. Он умел объяснить и ночные звуки, которые казались мальчикам такими таинственными и страшными, знал, как кричат разные птицы, рассказывал, что они осенью улетают в теплые страны, где нет зимы. Но что ожидает в будущем этих ребят? Ведь это крепостные дети, и в любой момент их может обменять на щенка, продать, избить до смерти тот помещик, которому они принадлежат. Справедливо ли это?

Так появился превосходный рассказ Тургенева «Бежин луг».

БЕЖИН ЛУГ

(из «Записок охотника»)

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскалённое, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное¹ - мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый её туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка; засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны², как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, лёгкий, бледно-лиловый³, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределённые, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно вошло на небо, алое сияние⁴ стоит недолгое время над потемневшей землёй, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится⁵ на нём вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не ярки; на всём лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силён, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несомненный признак постоянной погоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде Тульской губернии. Я нашёл и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ⁶ немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, ещё светлом, хотя не озарённом более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решил, наконец, вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошёл я длинную «площадь»⁷ кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне неизвестные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся... «Эге! — подумал я. — Да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», — и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма.

Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошёл в

погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью; ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошёл, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша в своё гнездо. «Вот как только я выйду на тот угол, — думали про себя, — тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!»

¹ *Лучезáрное* – сверкающее, сияющее.

² *Лазу́рный* – цвета лазури, светло-синий.

³ *Лило́вый* – цвет сирени, фиолетовый.

⁴ *А́лое сия́ние* – ярко-красное сияние.

⁵ *Тéплится свéчка* – горит слабым пламенем, слабо светится.

⁶ *Ягдта́ш* – охотничья сумка для дичи.

⁷ *Пло́щадь* – большой сплошной массив кустов.

Я добрался, наконец, до угла леса, но там не было никакой дороги; какие-то некошеные, низкие кусты широко расстились передо мною, а за ними далеко-далеко виднелось пустынное поле. Я опять остановился. «Что за притча?.. Да где же я?» Я стал припоминать, как и куда ходил в течение дня... «Э! да это Парахинские кусты! — воскликнул я, — точно! вон это, должно быть, Синдеевская роща... Да как же это я сюда зашёл? Так далеко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошёл вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попала какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперёд. Всё кругом быстро чернело и утихало, — одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону.

Я вышел на опушку кустов и побрёл по полю межой. Уже я с трудом различал отдалённые предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синева ночи. Звездочки замелькали, зашевелились на нём.

Что я было принял за рощу, оказалось тёмным и круглым бугром. «Да где же это я?» — повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую жёлто-пегую собаку Дианку, решительно умнейшую из всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не, подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперёд, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине. Странное чувство тотчас овладело мной.

Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне её торчало стоямя несколько больших белых камней, — казалось, они

сползлись туда для тайного совещания, — и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверок слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я всё ещё не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошёл себе прямо, по звёздам — наудалую... Около получаса шёл я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонёк, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я всё шёл и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдёрнул занесённую ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала её уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцающая, обозначали её течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертанья отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, тёмным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокругних копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой и кудрявой головы...

Я узнал, наконец, куда я зашёл. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков⁸, дожидаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю, ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней: два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошёл к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребяташки из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днём мухи и оводы не дали бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун — большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с весёлым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Лёгкая пыль жёлтым столбом поднимается и несётся по дороге; дружный топот, лошади бегут, наострив уши; впереди всех, задравши хвост и беспрестанно меняя ногу, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейниками в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилёг под

обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огня дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнёт голые сучья лозняка и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновение, в свою очередь добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной, или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещённого места трудно разглядеть, что делается в потёмках, и потому вблизи всё казалось задёрнутым почти чёрной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса.

Тёмное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума... Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснёт большая рыба, и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг костра; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они ещё долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо шурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалея о невозможности исполнить своё желанье. Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя.)

Первому, старшему из всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувесёлой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для забавы. На нём была пёстрая ситцевая рубаха с жёлтой каёмкой; небольшой новый армячок⁹, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовские.

У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, чёрные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котёл, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый — что и говорить! — а; всё-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной рубахи¹⁰ да из заплатанных портов.

Лицо третьего, Илюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную

заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились — он словно всё шурился от огня. Его жёлтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нём были новые лапти и онучи¹¹, толстая верёвка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную чёрную свитку. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвёртый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал моё любопытство своим задумчивым и печальным взором. Всё лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки; губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, чёрные, жидким блеском блестящие глаза; они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, — на его языке, по крайней мере, — не было слов. Он был маленького роста, сложенья тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смирённо прикорнувшись под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под неё свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

⁸ *Гуртовщик* — хозяева и погонщики стада скота, которое гонят на продажу.

⁹ *Армячок* — старинная мужская долгополая верхняя одежда из толстого сукна.

¹⁰ *Замáшная рубáха* — рубаха из замашки (холста).

¹¹ *Онучи* — обмотки для ног под сапог или лапоть, портянки.

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Небольшой котёлчик висел над одним из огней; в нём варились картошки. Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал щепкой в закипавшую воду. Федя лежал, опершись на локоть и раскинув полы своего армяка. Илюша сидел рядом с Костей и всё так же напряжённо шурился. Костя понурил немного голову и глядел куда-то вдаль, Ваня не шевелился под своей рогожей¹². Я притворился спящим. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о том и сём, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Илюше и, как бы возобновляя прерванный разговор, спросил его:

— Ну, и что ж ты, так и видел домового?

— Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, — отвечал Илюша сиплым и слабым голосом, звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица, — а слышал... Дайне я один.

— А он у вас где водится? — спросил Павлуша.

— В старой рольне¹³.

— А разве вы на фабрику ходите?

— Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках¹⁴ состоим.

— Вишь ты — фабричные!..

— Ну, так как же ты его слышал? — спросил Федя.

— А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Фёдором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да ещё с Ивашкой Сухоруковым, да ещё были там другие ребята; всех было нас ребяток человек десять — как есть вся смена; но а пришлось нам

в рольне заночевать, то есть не то чтобы этак пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил; говорит: «Что, мол, вам, ребятам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите». Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придёт?..И не успел он, Авдей-то, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил; но, а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошёл он через наши головы; вода вдруг по колесу так зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится; но а заставки у дворца-то ¹⁵ спущены. Дивимся мы: кто ж это их поднял, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось да и стало. Пошёл тот опять к двери наверху, да по лестнице спускаться стал, и этак спускается, словно не торопится; ступеньки под ним так даже и стонут... Ну, подошёл тот к нашей двери, подождал, подождал — дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим — ничего... Вдруг, глядь, у одного чана¹⁶ форма¹⁷ зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошёл, да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напужались о ту пору!

— Вишь как! — промолвил Павел. — Чего ж он раскашлялся?

— Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

— А что, — спросил Федя, — картошки сварились?

Павлуша пощупал их.

— Нет, ещё сыры... Вишь, плеснула, — прибавил он, повернув лицо в направлении реки, — должно быть, щука... А вон звёздочка покатила.

— Нет, я вам что, братцы, расскажу, — заговорил Костя тонким голоском, — послушайте-ка, намеднись что тятя при мне рассказывал.

— Ну, слушаем, — с покровительствующим видом сказал Федя.

— Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну да; знаем.

— А знаете ли, отчего он такой всё невесёлый, всё молчит, знаете? Вот отчего он такой невесёлый: пошёл он раз, тятенька говорил, пошёл он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошёл он в лес по орехи и заблудился; зашёл, бог знает, куды зашёл. Уж он ходил, ходил, братцы мои, — нет! не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, — присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовёт. Смотрит — никого. Он опять задремал — опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовёт, а сама помирает со смеху, смеётся... А месяц-то светит сильно, так сильно, явственно светит месяц — всё, братцы мои, видно. Вот зовёт она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, а то вот ещё карась бывает такой белесоватый, серебряный... Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она, знай, хохочет да его всё к себе этак рукой зовёт. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, знать, Господь его надомил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно

крест-то класть, братцы мои; говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у неё зелёные, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на неё Гаврила, да и стал её спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, говорит, человеке, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятствено стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор вот он всё невесёлый ходит.

— Эка! — проговорил Федя после недолгого молчанья, — да как же это может такая лесная нечисть христианскую душу спортить, он же её не послушался?

— Да вот поди ты! — сказал Костя. — И Гаврила баил, что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы.

— Твой батька сам это рассказывал? — продолжал Федя.

— Сам. Я лежал на полатах, всё слышал.

— Чудное дело! Чего ему быть невесёлым?.. А, знать, он ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! — подхватил Илюша. — Как же! Защекотать она его хотела, вот что она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

— А ведь вот и здесь должны быть русалки, — заметил Федя.

— Нет, — отвечал Костя, — здесь место чистое, вольное. Одно — река близко.

Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стнящий звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся, наконец, как бы замирая. Прислушаешься — и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— С нами крестная сила! — шепнул Илья.

— Эх вы, вороны! — крикнул Павел, — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Все пододвинулись к котельчику и начали есть дымящийся картофель; один Ваня не шевельнулся.) Что же ты? — сказал Павел.

Но он не вылез из-под своей рогожи. Котельчик скоро весь опорожнился.

— А слышали вы, ребятки, — начал Илюша, — что наемднись у нас на Варнавицах приключилось?

— На плотине-то? — спросил Федя.

— Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом всё такие буераки, овраги, а в оврагах всё казюли¹⁸ водятся.

— Ну, что такое случилось? сказывай...

— А вот что случилось. Ты, может быть, Федя, не знаешь, а только там у

нас утопленник похоронен; а утопился он давным-давно, как пруд ещё был глубок; только могилка его ещё видна, да и та чуть видна: так — бугорочек... Вот на днях зовёт приказчик псаря Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту». Ермил у нас завсегда на пошту ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псарь он хороший, всем взял. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад уж он хмельён. А ночь, и светлая ночь: месяц светит... Вот и едет Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла. Едет он этак, псарь Ермил, и видит: у утопленника на могиле барашек, белый такой, кудрявый, хорошенький похаживает. Вот и думает Ермил: «Сем возьму его, что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки... Но а барашек — ничего. Вот идёт Ермил к лошади, алошадь от него тарашится, храпит, головой трясёт; однако он её отпрукал, сел на неё с барашком и поехал опять, барашка перед собой держит. Смотрит он на него, и барашек ему прямо в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего; стал он его этак по шерсти гладить, говорит: «Бяша, бя- ша!» А баран-то вдруг как оскалит зубы, да ему тоже: «Бяша, бяша...»

Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись, ссудорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке.

Все мальчики перепугались. Ваня выскочил из-под своей рогожи. Павлуша с криком бросился вслед за собаками. Лай их быстро удалялся... Послышалась беспокойная беготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричал: «Серый! Жучка!..» Через несколько мгновений лай замолк; голос Павла принёсся уже издалека... Прошло ещё немного времени; мальчики с недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет... Внезапно раздался топот скачущей лошади; круто остановилась она у самого костра, и, уцепившись за гриву, проворно прыгнул с неё Павлуша. Обе собаки также вскочили в кружок света и тотчас сели, высунув красные языки.

— Что там? Что такое? — спросили мальчики.

— Ничего, — отвечал Павел, махнув рукою на лошадь, — так, что-то собаки зачужали. Я думал, волк, — прибавил он равнодушным голосом, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживлённое быстрой ездой, горело смелой удалью и твёрдой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волка... «Что за славный мальчик!» — думал я, глядя на него.

— А видали их, что ли, волков-то? — спросил трусишка Костя.

— Их всегда здесь много, — отвечал Павел, — да они беспокойны только зимой.

Он опять прикорнул перед огнём. Садясь на землю, уронил он руку на мохнатый затылок одной из собак, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, с признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился под рогожку.

— А какие ты нам, Илюшка, страхи рассказывал, — заговорил Федя, которому, как сыну богатого крестьянина, приходилось быть запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить своё достоинство). — Да и собак тут нелёгкая дёрнула залаять... А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

— Варнавицы?... Ещё бы! Ещё какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали — покойного барина. Ходит, говорят, в кафтанедолгополом и всё это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка Иван Иванович, изволишь искать на земле?»

— Он его спросил? — перебил изумлённый Федя.

— Да, спросил.

— Ну, молодец же после этого Трофимыч... Ну, и что ж тот?

— Разрыв-травы¹⁹ говорит, ищу. Да так глухо говорит, глухо: — разрыв-травы. — А на что тебе, батюшка Иван Иванович, разрыв-травы? — Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...

— Вишь какой! — заметил Федя. — Мало, знать, пожил.

— Экоедиво! — промолвил Костя. — Я думал, покойников можно только в родительскую субботу видеть.

— Покойников во всяк час видеть можно, — с уверенностью подхватил Илюша, который, сколько я мог заметить, лучше других знал все сельские поверья... — Ноа в родительскую субботу²⁰ ты можешь и живого увидеть, за кем, то есть, в том году очередь помирать. Стоит только ночью сесть на паперть²¹ на церковную да всё на дорогу глядеть. Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому, то есть, умирать в том году. Вот у нас в прошлом году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видела она кого-нибудь? — с любопытством спросил Костя.

— Как же. Перво-наперво она сидела долго, долго, никого не видела и не слыхала... только всё как будто собачка этак залает, залает где-то... Вдруг, смотрит: идёт по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она приглянулась — Ивашка Федосеев идёт...

— Тот, что умер весной? — перебил Федя.

— Тот самый. Идёт и головушки не подымает... А узнала его Ульяна... Но а потом смотрит: баба идёт. Она вглядываться, вглядываться — ах ты, Господи! — сама идёт по дороге, сама Ульяна.

— Неужто сама? — спросил Федя.

— Ей-богу, сама.

— Ну что ж, ведь она ещё не умерла?

— Да году-то ещё не прошло. А ты посмотри на неё: в чём душа держится.

Все опять притихли. Павел бросил горсть сухих сучьев на огонь. Резко зачернелись они на внезапно вспыхнувшем пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожжённые концы. Отражение света ударило, порывисто дрожа, во все стороны, особенно кверху. Вдруг откуда ни возьмись белый голубок, — налетел прямо в это отражение, пугливо повертелся на одном месте, весь обливаясь горячим блеском, и исчез, звеня крыльями.

¹² *Рого́жа* - грубая хозяйственная ткань. Первоначально производилась из волокон растения рогоз (отсюда и название), а позже и из лыка (мочала). Из такой ткани изготовлялись рогожные мешки, половики, грубая рабочая одежда и т. д.

¹³ *Рольней и черпальней* на бумажных фабриках называется то строение, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом. (Примечание И. С. Тургенева.)

¹⁴ *Лисови́чки* — гладят, скоблят бумагу. (Примечание И.С. Тургенева.)

¹⁵ *Дворцо́м* называется у нас место, по которому вода бежит на колесо. (Примечание И. С. Тургенева.)

¹⁶ *Чан* — большая деревянная или металлическая кадка.

¹⁷ *Форма* — сетка, которой бумагу черпают. (Примечание И. С. Тургенева.)

¹⁸ *Казю́ли* — змеи.

¹⁹ *Разры́в-трава́* — по народным поверьям, в народных сказках волшебная трава, с помощью которой открываются любые замки и запоры.

²⁰ *Родите́льская суббо́та* — одна из суббот в октябре, которая, по старому русскому обычаю, посвящалась поминанию умерших родственников.

²¹ *Па́перть* — площадка перед входом в церковь.

— Знать, от дому отбился, — заметил Павел. — Теперь будет лететь, покуда на что наткнётся, и где ткнёт, там и ночует до зари.

— А что, Павлуша, — промолвил Костя, — не праведная ли это душа летела на небо, ась?

Павел бросил другую горсть сучьев на огонь.

— Может быть, — проговорил он, наконец.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — начал Федя, — что у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное²²?

— Как солнца-то не стало видно? Как же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напередки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на́ поди. А на дворовой избе баба стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопреставление». Так шти и потекли. А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку увидят.

— Какого это Тришку? — спросил Костя.

— А ты не знаешь? — с жаром подхватил Илюша, — ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне сидят, вот уж точно сидни! Тришка — эвто будет такой человек удивительный, который придёт; а придёт он, когда наступят последние времена и будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне: выдут на него с дубьём, оцепят его, но а он им глаза отведёт — так отведёт им глаза, что они же сами друг другу побьют. В острог его посадят, например, — он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а

он нырнёт туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по сёлам да по городам; и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ христианский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек.

— Ну да, — продолжал Павел своим неторопливым голосом, — такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнётся, так Тришка и придёт. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждёт, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят — вдруг от слободки с горы идёт какой-то человек, такой мудрёный, голова такая удивительная... Все как крикнут: «Ой, Тришка идёт! Ой, Тришка идёт!» — да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овёс, присел, да и давай кричать перепелом: «Авось, мол, хоть птицу-то, враг, душегубец, пожалеет». Таково-то все переполошились!.. А человек-то это шёл наш бочар, Вавила: жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел.

Все мальчишки засмеялись и опять приумолкли на мгновение, как это часто случается с людьми, разговаривающими на открытом воздухе. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и ещё долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; ещё много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звёзды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли... Станный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой и спустя несколько мгновений повторился уже далее...

Костя вздрогнул. «Что это?»

— Это цапля кричит, — спокойно возразил Павел.

— Цапля, — повторил Костя... — А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером, — прибавил он, помолчав немного, — ты, может быть, знаешь...

— Что ты слышал?

— А вот что я слышал. Шёл я из Каменной Гряды в Шашкино; а шёл сперва всё нашим орешником, а потом лужком пошёл — знаешь, там, где он сугибелью²³ выходит, там ведь есть бучило²⁴; знаешь, оно ещё всё камышом заросло; вот пошёл я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страх такой меня взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезненный. Так вот, кажется, сам бы и заплакал... Что бы это такое было? Ась?

— В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры, — заметил Павлуша, — так, может быть, его душа жалобится.

— А ведь и то, братцы мои, — возразил Костя, расширив свои и без того огромные глаза... — Я и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы ещё не так напужался.

— А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, — продолжал Павел, — которые так жалобно кричат.

— Лягушки? Ну нет, это не лягушки... какие это... (Цапля опять прокричала над рекой.) — Эх её! — невольно произнёс Костя, — словно леший кричит.

— Леший не кричит, он немой, — подхватил Илюша, — он только в ладоши хлопает да трещит...

— А ты его видал, лешего-то, что ли? — насмешливо перебил его Федя.

— Нет, не видал, и сохрани Бог его видеть; а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошёл: водил, водил его по лесу, и всё вокруг одной поляны... Едва-те к свету домой добился.

— Ну, и видел он его?

— Видел. Говорит, такой стоит большой, большой, тёмный, окутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберёшь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает...

— Эх ты! — воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передёрнув плечами, — пфу!..

— И зачем этапóгань в свете развелась? — заметил Павел. — Не понимаю, право!

— Не бранись: смотри, услышит, — заметил Илья.

Настало опять молчание.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдруг детский голос Вани, — гляньте на божьи звёздочки, — что пчёлки роятся!

Он выставил своё свежее личико из-под рогожи, оперся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня, — ласково заговорил Федя, — что, твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова, — отвечал Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи — что она к нам, отчего не ходит?..

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дам.

— А мне дашь?

— И тебе дам.

Ваня вздохнул:

— Ну, нет, мне не надо. Дай уж лучше ей: она такая у нас добренькая.

И Ваня опять положил свою голову на землю. Павел встал и взял в руки пустой котёльчик.

— Куда ты? — спросил его Федя.

— К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить.

Собаки поднялись и пошли за ним.

— Смотри, не упади в реку! — крикнул ему вслед Илюша.

— Отчего ему упасть? — сказал Федя, — он остережётся.

— Да, остережётся. Всяко бывает: он вот нагнётся, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал,

дескать, малый в воду... А какое упал?.. Во-вон, в камыши полез, — прибавил он, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас...

— А правда ли, — спросил Костя, — что Акулина дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

— С тех пор... Какова теперь! Говорят, прежде красавица была. Водяной её испортил. Знать, не ожидал, что её скоро вытащут. Вот он её, там у себя на дне, и испортил.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с чёрным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно; оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.

— А говорят, — продолжал Костя, — Акулина оттого в реку и кинулась, что её любовник обманул.

— От того самого.

— А помнишь Васю? — печально прибавил Костя.

— Какого Васю? — спросил Федя.

²²Так мужики называют у нас солнечное затмение. (Примечание И. С. Тургенева.)

²³*Сугибель* — крутой поворот в овраге. (Примечание И. С. Тургенева.)

²⁴*Бучило* — глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом. (Примечание И. С. Тургенева.)

— А вот того, что утонул, — отвечал Костя, — в этой вот самой реке. Уж какой же мальчик был! И-их, какой мальчик был! Мать-то его, Феклиста, уж как же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Феклиста-то, что ему от воды гибель произойдёт. Бывало, пойдёт-от Вася с нами, с ребятами, летом в речку купаться, — она так вся и встрепещется. Другие бабы ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: «Вернись, мол, вернись, мой светик! Ох, вернись, соколик!» И как утонул, Господь знает. Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, — глядь, а только уж одна Васина шапонька по воде плывёт. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своём уме: придёт да и ляжет на том месте, где он утоп; ляжет, братцы мои, да и затахнет песенку, — помните, Вася-то всё такую песенку певал, — вот её-то она и затахнет, а сама плачет, плачет, горько Богу жалится...

— А вот Павлуша идёт, — молвил Федя.

Павел подошёл к огню с полным котельчиком в руке.

— Что, ребята, — начал он, помолчав, — неладно дело.

— А что? — торопливо спросил Костя.

— Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

— Что ты, что ты? — пролепетал Костя.

— Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня так Васиним голоском и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушаю; а тот опять зовёт: «Павлуша, подь сюда». Я отошёл. Однако воды зачерпнул.

— Ах ты, Господи! Ах ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь.

— Ведь это тебя водяной звал, Павел, — прибавил Федя... — А мы только что о нём, о Васе-то, говорили.

— Ах, это примета дурная, — с расстановкой проговорил Илюша.

— Ну, ничего, пушай! — произнёс Павел решительно и сел опять, — своей судьбы не минуешь. Мальчики приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться перед огнём, как бы собираясь спать.

— Что это? — спросил вдруг Костя, приподняв голову.

Павел прислушался.

— Это кулички летят, посвистывают.

— Куда же они летят?

— А туда, где, говорят, зимы не бывает.

— А разве есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за тёплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трёх часов протекло с тех пор, как я присоседился к мальчикам. Месяц взошёл наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как и прежде... Но уже склонились к тёмному краю земли многие звёзды, ещё недавно высоко стоявшие на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, предрассветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, — в нём снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи!.. Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки даже дремали, лошади, сколько я мог различить при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звёзд, тоже лежали, понутив головы... Сладкое забытьё напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро začínалось. Ещё нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звёзды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошёл бродить и порхать над землёю. Тело моё ответило ему лёгкой, весёлой дрожью. Я проворно встал и подошёл к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошёл восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух вёрст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обагрённым кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редяющего тумана, — полились сперва алые, потом

красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убился, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Вы прочитали произведение И. С. Тургенева – «Бежин луг». Каково ваше впечатление? Что вам особенно понравилось в нём: мальчики, их рассказы, пейзаж?
2. Чем вы объясните суеверия мальчиков, их страх перед природой?
3. Какие описания природы даны в рассказе?
4. Найдите и прочитайте описание июльского дня, июльской ночи, раннего утра.
5. Найдите и прочитайте описание мальчиков. Чем они отличаются друг от друга? Что их сближает? Кто из мальчиков наиболее понравился писателю? Почему?
6. Кого бы из мальчиков вы больше всего хотели иметь товарищем и почему?
7. Что ожидает в будущем этих мальчиков?

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

(1803- 1873)

Тютчев родился и вырос в деревне, в имении своего отца возле села Овстуг, Орловской губернии. Рано научился он любить природу.

Когда мальчику пошел десятый год, к нему пригласили учителя Семена Егоровича Раича. Раич очень привязался к своему ученику, да и нельзя было не любить его. Это был ласковый, спокойный, очень талантливый мальчик. Раич - человек хорошо образованный, поэт, переводчик - первый пробудил в своем ученике любовь к поэзии. Он научил его понимать литературу, поощрял его желание писать стихи.

В пятнадцать лет Тютчев уже был студентом московского университета. На восемнадцатом году он прекрасно окончил университет и через несколько месяцев уехал на службу в русское посольство за границу.

Двадцать два года прожил он в чужих краях, вдали от родины, но не переставал думать о ней, посвящать ей свои стихи. «Я более всего любил в мире отечество и поэзию», - писал Тютчев в одном из писем с чужбины.

Но стихов своих Тютчев почти не печатал, и очень долго имя его как поэта было неизвестно в России. Однажды один из друзей Тютчева передал Пушкину тетрадь его стихов. Пушкину стихи очень понравились, и он напечатал их в журнале «Современник», который тогда издавал.

Это было в 1836 году. С тех пор стихи Тютчева стали появляться в «Современнике», который тогда широко расхвалился по всей России. А отдельной книжкой они вышли только в 1854 году. Книжка эта была маленькая, скромная; в ней было всего сто стихотворений, но о ней сразу все

заговорили - такие это были прекрасные стихи.

Тютчев оставил нам небольшое литературное наследство – чуть больше трехсот стихотворений. Знакомясь с творчеством Ф. И. Тютчева, понимаешь, что только такими простыми, точными и душевными словами можно говорить о весне, о первых грозах, о прозрачных днях «осени первоначальной» - о родной русской природе.

Читая стихотворения, можно легко убедиться, что природа у Тютчева — живой, чувствующий организм. Она может «принахмуриться», её «раскаты громовые» могут стать смелыми и сердитыми, а солнце—взглянуть на землю «исподлобья». Читатель словно видит, как живёт природа, как она дышит, что совершается в ней. Так Ф. И. Тютчев приоткрывает для нас тайны природы, помогая постигать их.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вы узнали о жизни Ф. И. Тютчева?
2. Расскажите о Ф. И. Тютчеве как о поэте. О чём его стихотворения?

Ф. Тютчев

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора -
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны¹ вечера....

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все - простор везде, -
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле.
Но далеко еще до первых зимних бурь-
И льется чистая и теплая лазурь²
На отдыхающее поле.

1857

¹ *Лучезáрный*– сверкающий, сияющий.

² *Лазу́рь*– один из оттенков голубого цвета, светло-синий.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каким настроением проникнуто это стихотворение, и какие чувства оно у вас вызывает?

2. Найдите слова, благодаря которым изображенная автором природа воспринимается как живая. Назовите эпитеты, сравнения.
3. Нарисуйте словесную картину по содержанию этого стихотворения.
4. Выучите стихотворение наизусть.
5. Прочитайте стихотворения Тютчева «Нам не дано предугадать» и «Умом Россию не понять».

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ (1821 - 1877)

На берегу Волги, недалеко от города Ярославля, возле села Грешнево, стоял серый, скучный дом, окруженный большим тенистым садом. В этом доме провел свое детство Николай Алексеевич Некрасов. Детство было невеселое. Отец помещик, грубый человек — жестоко обращался с крестьянами, притеснял домашних, обижал жену.

Маленький Некрасов не любил отца, боялся его. Он видел, как часто плакала мать от обиды па отца, и очень жалел и любил ее. Матери написал он в семь лет свои первые стихи. Мальчик часто убегал из мрачного лома к крестьянским ребятишкам, хотя отец и запрещал ему играть с ними. Ему весело было в лесу, в поле, на берегу Волги.

На берегу Волги Некрасов испытал и первое большое горе. В то время вдоль высоких волжских берегов, вверх по реке, бурлаки тянули баржи с товарами. Это была тяжелая, изнурительная работа. И вот однажды услышал мальчик, как один бурлак, больной и усталый, говорил, что ему хотелось бы умереть, не дожив до утра. Мальчика поразили эти слова.

На одиннадцатом году Некрасова отдали в Ярославскую гимназию. Коренастый, небольшого роста, живой. Общительный мальчик, он быстро подружился с товарищами. Много читал и особенно любил стихи Пушкина; очень рано и сам начал писать стихи.

Учебное заведение Некрасов не окончил. В пятом классе он заболел и пролежал несколько месяцев. Ему пошел семнадцатый год, и отец отправил его в Петербург, в военную школу. В военную школу он решил не поступать - ему хотелось учиться в университете, писать стихи, быть поэтом. Когда отец узнал, что сын не поступил в военную школу, то отказался посылать ему деньги.

Некрасов очутился один в чужом городе, без друзей, без помощи. Он переписывал актерам роли, писал для газет и журналов стихи, статейки. За работу платили мало. «Я боролся с нищетой, видел лицом к лицу голодную смерть, в двадцать четыре года я уже был надломлен работой из-за куска хлеба», - вспоминал много лет спустя Некрасов.

Но характер у него был упорный, настойчивый; учился, писал стихи, познакомился со многими писателями.

В 1845 году Некрасов написал стихотворение «В дороге». Это был простой, правдивый и печальный рассказ крепостного крестьянина о его горькой доле. С детства его мучили «страдания русского мужика от холода, голода и всяких жестокостей», и часто думал о несправедливости помещиков.

Позднее, в городе, он узнал жизнь городской бедноты, увидел жалкие чердаки и подвалы, где жили оборванные, голодные ребятишки, которых родители из-за куска хлеба вынуждены были отдавать работать на фабрики. Вспомните стихотворения «В полном разгаре страда деревенская», «Несжатая полоса», «Генерал Топтыгин» ... Вы представите себе сумрачный день поздней осени, одинокую несжатую полосу и знаете, что где - то в бедной избе лежит больной пахарь. Разве можно спокойно читать о деревенской страде? А разве веселая история произошла со стационарным зрителем, который испугался Топтыгина, потому что принял его за важного чиновника, который был не раз с ним жесток?

Очень много произведений посвятил Некрасов тяжелой жизни людей в царской России. Он стремился писать просто, понятно. Русский народный язык он знал превосходно. И стихи его доходили до самого сердца людей и будили ненависть к угнетателям, любовь к родине, к ее простым хорошим людям, к ее природе. Природу Некрасов любил нежною любовью, чувствовал в ней свое родное, русское. И какие замечательные стихи писал он всегда о русской зиме, с ее глубокими сугробами снега, о весне, о золотых колосьях в поле, о пчелах, птицах, животных. Охотник он был неутомимый. Летом, в деревне, часто с утра до ночи бродил с ружьем и собакой по полям и болотам, ночевал в первой попавшейся избе, шалаше, лесной сторожке. Много было у него друзей среди крестьян.

Очень любил Н. Некрасов крестьянских ребятишек. Он верил в их «славный путь», видел в них светлое будущее своей Родины. В непрестанных трудах проходили его годы, шла жизнь. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» так и осталась неоконченной. Поэт тяжело и безнадежно заболел. Со всех концов России к нему стали приходить письма, телеграммы. У дверей квартиры постоянно стояла толпа, чтобы только услышать несколько слов о его здоровье.

27 декабря 1877 года Некрасов скончался. Его хоронили в ясный морозный день, гроб всю дорогу несли на руках, за гробом шли больше четырех тысяч студентов, писателей, молодежи.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вы узнали о жизни Н. А. Некрасова?
2. Какие события и жизненные впечатления детства и юности повлияли на творчество поэта?

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогоднего,
Слава богу, добираемся.

- Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! Пустая эта думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может, и размыкаю. -
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

"Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные¹...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да недолги были радости.
Воротился сын больнёхонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: "Поправлюсь, матушка!"
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился..."

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная².
- Да с чего же привязалась
К парню хворость³ окаянная?

Хилый, что ли, был с рождения?...-
Встрепенулася Оринушка:
"Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское⁴ присутствие
Привели его раздетого...

На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...

И вилися у Иванушки
Русы кудри, как шелковые..."

И опять молчит несчастная...
- Не молчи — развей кручинушку!
Что сгубило сына милого -
Чай, спросила ты детинушку?-

"Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

¹ *Бессрочные* - бессрочный отпуск с солдатской службы.

² *Бесталанный* - несчастный, обездоленный человек.

³ *Хворость* - болезнь.

⁴ *Рэкрут* - лицо, принятое на военную службу по найму или повинности.

Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать.

Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ванину!

Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне, умираючи.

Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,
Избу ветхую обхаживал,
Огород обнес забориком;

Перекрыть сарай задумывал,
Не сбылись его желания:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

Поглядеть на солнце красное
Пожелал, - пошла я с Ванею:

Попрощался со скотинкою,
Попрощался с рíгой⁵, с банею.

Сенокосом шел — задумался,
- Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя вомладости! -
И заплакал мой Иванушка!

Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу,
"Не белы снежки", закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

Не стояли ноги резвые,
Не держалася головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

⁵*Ríga* — хозяйственная постройка с печью для сушки и обмолота снопов зерновых культур, используемая в сельском хозяйстве

Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

Ходит, чистит амуни́цию⁶,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

Артику́л⁷ ружьем выкидывал
Так, что весь домишка вздрагивал:
Как журавль стоял на ноженьке
На одной — носок вытягивал.

Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: "Ваше благородие!
Ваше!.." - вижу — задыхается;

Я к нему. Утих, послушался -
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

Прошептал: "Прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!.."

Я над Ваней наклонилась,
Покрестила, попросилась,
Восковая, предыконная..."

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

1863

⁶*Амуні́ция* - совокупность вещей, составляющих снаряжение военнослужащего.

⁷*Артику́л*- один из «ружейных приёмов», военных упражнений.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. О чем рассказала Орина поэту?
2. Каким был в юности сын Орины?
3. Что сгубило Иванушку?
4. Почему он стал негоден к службе?
5. Найдите и прочитайте строки, в которых говорится о том, что Иванушку замучили, забили злые начальники.
6. Передайте содержание стихотворения.
7. Какое чувство вызывает у вас Иванушка? Найдите и прочитайте, какие образные выражения, прибаутки, пословицы использовал автор.
8. Прочитайте поэму Некрасова «Мороз, Красный нос».

МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ САТЫКОВ – ЩЕДРИН (1826— 1889)

Николай Щедрин - литературный псевдоним Михаила Салтыкова.

В тверской губернии, среди болот и лесов, раскинулось родовое поместье Салтыковых - село Спас-Угол. Здесь в 1826 году родился Михаил Евграфович - будущий великий писатель.

Его отец, Евграф Васильевич, принадлежал к старинному дворянскому роду. Однако материальное положение семьи было далеко не блестящим. Евграф Васильевич женился на Ольге Михайловне Забелиной, дочери московского купца. Она отличалась прямым и властным характером, практичностью, неуёмной энергией - качествами, которыми совсем не был наделен ее муж.

«Я вырос на лоне крепостного права...» - вспоминал писатель впоследствии. Все ужасы крепостной действительности в самом неприглядном и обнаженном виде прошли перед глазами наблюдательного и впечатлительного мальчика.

Учеба началась очень рано. Первые познания во французском языке он приобрел еще в четырехлетнем возрасте, позднее стал заниматься немецким языком. С русской грамотой познакомил его крепостной живописец Павел,

затем учила старшая сестра Надежда. В возрасте 7 - 8 лет он пристрастился к чтению. Затем Салтыков поступил в третий класс Московского дворянского института. В числе лучших учеников Салтыкова вскоре направили в Царскосельский лицей. В лицее началась его литературная деятельность.

После выхода из лицея, весной 1845 года, начинается его служба в канцелярии Военного министерства, обострившая в нем чувство справедливости, мечту о социальном равенстве. Появляются первые повести - «Противоречия», «Запутанное дело».

В повести «Запутанное дело» власти усмотрели «вредное направление», и писатель был сослан в Вязку, где пробыл долгих восемь лет. В своих последующих произведениях повестях, сказках. Салтыков - Щедрин остается верным обездоленному народу.

Сказки Салтыкова-Щедрина - произведения иносказательные¹, в них он выражал свои мысли путем намеков, выражений, содержащих скрытый смысл. Литературная сказка Щедрина и похожа на народную и отличается от нее.

Николай Щедрин - знаменитый писатель, взявшийся за нелегкое ремесло сатирика, сотрудник известных литературных журналов. создатель «Истории одного города». «Господ Головлевых», «Сказок для детей изрядного возраста» и других произведений.

Свое служебное положение и литературу он хотел сделать орудиями борьбы за справедливость, чтобы защитить угнетенных и слабых, обиженных, наказать зло, жестокость, предательство, глупость.

Сердце и силы свои Салтыков - Щедрин отдал защите народа.

¹ *Иносказание* – выражение мысли путём намёков; выражение, содержащее скрытый смысл.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Где родился М. Е. Салтыков – Щедрин?
2. Расскажите о семье писателя.
3. Какие впечатления детства писателя отразились в его произведениях?

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ

Жили да были два генерала¹, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре²; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненужностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подьяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию.

Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, — сказал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое! где мы! — вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстиралось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

— Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слезы, — ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов³ учителем каллиграфии и, следовательно, был поумнее.

Сказано — сделано. Пошел один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! Еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

— Да вот нашел старый нумер «Московских ведомостей», и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде рождаются, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?

— Как все это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями⁴ и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила! — сказали они оба разом, — ведь этак мы друг друга съедим! И как мы попали сюда! кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Станный вы человек, ваше превосходительство: но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишите, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, еще производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чем ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить, и, вспомнив о найденном номере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву на этом волшебном празднике. Тут была и „шекснинска стерлядь золотая“, и питомец лесов кавказских, — фазан, и, столь редкая в нашем севере в февралье месяце, земляника...»

— Тьфу ты, господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее: «Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочел: «Из Вятки пишут: один из здешних старожилков изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, — все свидетельствовало о еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну, да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но, наконец, острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и

самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него, — небось и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! Сейчас марш работать!

Встал мужчина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку — и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришлось даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадешь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужчина-лежебок.

— Довольны, любезный друг, видим твое усердие! — отвечали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружок, только своей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужчина дикой конопли, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру веревка была готова. Этою верёвкою генералы привязали мужчину к дереву, чтоб не убежал, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой; мужчина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

— А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение, или это только так, одно иносказание? — говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

— Стало быть, и потоп был?

— И потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более, что в «Московских ведомостях» повествуют...

— А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут номер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани — и ничего, не тошнит!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаше и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? —

спрашивал один генерал другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! все сердце изныло! — отвечал другой генерал.

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слова нет! а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! да и мундира тоже жалко!

— Еще как жалко-то! Особливо, как четвертого класса, так на одно шитье посмотреть, голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет, или по крыше словно муха ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить⁵, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль — не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет, да кормит генералов селедками.

Вот, наконец, и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако, и об мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

¹ *Генерáлы*— это не значит, что они военные. В старой России генеральский чин мог быть получен на любой государственной службе.

² *Регистрату́ра*- ироническое название бесполезного учреждения.

³ *Шко́ла воéнных кантонíстов*- школа для низших армейских чинов.

⁴ *Пи́куль*- съедобное растение.

⁵ *На боба́х разводи́ть*- гадать, думать.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что в сказке Щедрина показалось вам смешным, а что грустным?
2. Почему Щедрин назвал свое произведение сказкой?
3. Как изображает автор генералов?
4. Дайте устную характеристику генералов.

5. Почему генералы сумели заставить мужика работать на них?
6. Каким изображает автор мужика?
7. Какой вывод вы сделали, прочитав сказку?
8. Перескажите содержание сказки.
9. Прочитай те сказку Салтыкова - Щедрина «Дикий помещик».

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

(1860 — 1904)

Антон Павлович Чехов родился в Таганроге в 1860 году. Он был третьим ребенком в семье. Его дед — крепостной, откупившийся на волю. Отец был мещанин, владевший бакалейной лавкой. У Антона не было беззаботного и жизнерадостного детства. Он не имел возможности ни побегать, ни пошалить. Детей Павел Егорович (отец) жестоко сек — за плохую отметку, за шалость, за забывчивость; сек дома или прямо в лавке.

Дни в родительском доме проходили так:

«Антоша, ученик первого класса, недавно пообедал и сел за приготовление уроков. В комнату входит отец.

— Я сейчас уйду по делу, а ты, Антоша, ступай в лавку и смотри там хорошенько. Уроки выучишь в лавке.

Антоша бросает перо и идет вслед за отцом в лавку».

В младших классах гимназии Антон учился плохо, но когда семья переехала в Москву, он стал получать пятерки по всем предметам.

Дети в семье Чеховых рано становились самостоятельными. С малолетства их помощь в доме, в лавке, в занятиях родителей была уже существенной. Очень рано заработки детей, и прежде всего Антона, стали основой благосостояния семьи.

Антоша помогал маме Евгении Яковлевне по дому: ходил на базар, убирал квартиру, заправлял керосином лампы, носил воду, белил комнаты, сам стирал воротнички для гимназической формы.

Скудная торговля отца не покрывала расходов семьи, он разорился. А Антону Чехову, учившемуся в шестом классе, пришлось зарабатывать деньги частными уроками.

В 1879 году Антон сдал выпускные гимназические экзамены на «отлично» и поступил в Императорский Московский университет, на медицинский факультет.

Он начал писать рассказы, еще будучи студентом-медиком. В эти годы в юмористических журналах появилось множество коротких рассказов и фельетонов, подписанных шутовым псевдонимом «А. Чехонте». Эти лиричные и очень смешные рассказы поражали неистощимой выдумкой, фантазией. Среди них настоящие шедевры, такие, например, как «Хирургия», «Канитель», «Налим», «Пересолил», «Хамелеон», которые вошли в сборник «Пестрые рассказы». У писателя много рассказов о детях (например, «Ванька», «Спать хочется») и о животных («Каштанка»).

Между тем жилось Чехову в молодости трудно. В журналах платили

мало, требовали, чтобы писал быстро, коротко и смешно. Семья Чехова была большой: мать, отец, сестра, младшие братья. Их все время преследовало безденежье. Но жизнелюбие, избыток творческих сил молодого Антона Павловича побеждали все невзгоды.

Кроме рассказов А. П. Чехов писал и пьесы для театра. «Чайка», «Три сестры», «Вишневый сад» не сходят со сцен театров и по сей день.

В 1892 году А. П. Чехов купил имение Мелихово под Москвой. Здесь он вел большую работу в качестве врача и попечителя школы.

Прожил писатель мало — всего 44 года, но его влияние на русскую и мировую литературу огромно.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Где родился А. П. Чехов?
2. Расскажите о семье писателя.
3. Как прошло детство А. П. Чехова?
4. Когда он стал писать юмористические рассказы?
5. Какие произведения А.П. Чехова вы читали? Назовите их.

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ

У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий, скипидар, керосин, мазал щеку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но всё это или не помогало, или вызывало тошноту. Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину, но и это не помогло. На предложение вырвать больной зуб генерал ответил отказом. Все домашние — жена, дети, прислуга, даже поваренок Петька предлагали каждый свое средство. Между прочим и приказчик¹ Булдеева Иван Евсеич пришел к нему и посоветовал полечиться заговором.

— Тут, в нашем уезде, ваше превосходительство, — сказал он, — лет десять назад служил акцизный² Яков Васильич. Заговаривал зубы — первый сорт. Бывало, отвернется к окошку, пошепчет, поплюет — и как рукой! Сила ему такая дадена...

— Где же он теперь?

— А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тещи живет. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то и идут к нему, помогает... Тамошних, саратовских на дому у себя пользуется, а ежели которые из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу³, что так, мол, вот и так... у раба божьего Алексия зубы болят, прошу выпользовать. А деньги за лечение почтой пошлете.

— Ерунда! Шарлатанство!

— А вы попытайте, ваше превосходительство. До водки очень охотник, живет не с женой, а с немкой, ругатель, но, можно сказать, чудодейственный господин!

— Пошли, Алеша! — взмолилась генеральша. — Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но отчего не послать? Руки ведь не отвалятся от этого.

— Ну, ладно, — согласился Булдеев. — Тут не только что к акцизному, но и к чёрту депешу пошлешь... Ох! Мочи нет! Ну, где твой акцизный живет? Как к нему писать?

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

— Его в Саратове каждая собака знает, — сказал приказчик. — Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильичу... Васильичу...

— Ну?

— Васильичу... Якову Васильичу... а по фамилии... А фамилию вот и забыл!.. Васильичу... Чёрт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шел, помнил... Позвольте-с...

Иван Евсеич поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Булдеев и генеральша ожидали нетерпеливо.

— Ну, что же? Скорей думай!

— Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

— Жеребятников?

— Никак нет. Постойте... Кобылицын... Кобылятников... Кобелев...

— Это уж собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

— Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкпн... Всё не то!

— Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

— Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...

— Коренников? — спросила генеральша.

— Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!

— Так зачем же, чёрт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? — рассердился генерал. — Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щеку и заходил по комнатам.

— Ой, батюшки! — вопил он. — Ой, матушки! Ох, света белого не вижу!

Приказчик вышел в сад и, подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию акцизного:

— Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошадинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский...

Немного погодя его позвали к господам.

— Вспомнил? — спросил генерал.

— Никак нет, ваше превосходительство.

— Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почесывая лбы, искали фамилию...

Приказчика то и дело требовали в дом.

— Табунов? — спрашивали у него. — Копытин? Жеребовский?

— Никак нет, — отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух. — Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

— Папа! — кричали из детской. — Тройкин! Уздечкин!

Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами...

— Гнедов! — говорили ему. — Рысистый! Лошадицкий!

Но наступил вечер, а фамилия всё еще не была найдена. Так и спать легли, не послав телеграммы.

Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал... В третьем часу утра он вышел из дому и постучался в окно к приказчику.

— Не Меринов ли? — спросил он плачущим голосом.

— Нет, не Меринов, ваше превосходительство, — ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул.

— Да может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!

— Истинно слово, ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

— Экий ты какой, братец, беспамятный... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором.

— Пускай рвет! — решил он. — Нет больше сил терпеть...

Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла тотчас же, и генерал успокоился. Сделав свое дело и получив, что следует, за труд, доктор сел в свою бричку и поехал домой. За воротами в поле он встретил Ивана Евсеича... Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чем-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряженны, мучительны...

— Буланов... Чересседельников... — бормотал он. — Засупонин... Лошадский...

— Иван Евсеич! — обратился к нему доктор. — Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овес, да уж больно плохой...

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

— Надумал, ваше превосходительство! — закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу. — Надумал, дай бог здоровья доктору! Овсов! Овсов фамилия акцизного! Овсов, ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

— На-кося! — сказал генерал с презрением и поднес к лицу его два кукиша. — Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! На-кося!

¹*Приказчик* – управляющий имением помещика.

²*Акцизный* – служащий по сбору налогов.

³*Депеша* (устар.) – телеграмма.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какими средствами генерал-майор Булдеев лечил зубы?
2. Чем посоветовал полечить зубы генералу приказчик Иван Евсеич? Прочитайте, как лечил зубы заговором акцизный Яков Васильич.
3. Почему генерал Булдеев не смог послать депешу Якову Васильичу?
4. Какие варианты фамилий предлагали в доме?
5. Кто вылечил больной зуб генералу Булдееву?
6. Расскажите, как Иван Евсеич вспомнил фамилию акцизного.
7. В чём юмор этого рассказа?
8. Какие иллюстрации можно было нарисовать к рассказу?

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

В русской литературе XX в. четко прослеживаются два периода. В ранний период писали М. Горький, В. В. Маяковский, С. А. Есенин; позднее — М. А. Шолохов, В. П. Катаев, Б. Н. Полевой, В. П. Астафьев и другие писатели и поэты. Их произведения посвящены простым людям России, красоте родного края, героизму народа в годы Великой Отечественной войны, в тяжелые послевоенные годы, а также жизни наших современников.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ (Алексей Максимович Пешков) (1868 — 1936)

Алексей Максимович Пешков родился в 1868 году. Своего доброго и веселого отца Алексей почти не помнил: он умер, заразившись холерой от четырехлетнего Алеши, за которым ухаживал во время болезни. После смерти мужа Варвара Васильевна с сыном вернулась к отцу, В. В. Каширину.

Детские и отроческие годы будущего писателя прошли в Нижнем Новгороде, в доме деда, который к тому времени потерпел крах в своем «красильном деле» и окончательно разорился. Жизнь в доме деда была невыносимой. Дядя Алеши били друг друга и своих жен. Часто попадало и детям. Но от детства у писателя остались и светлые воспоминания — о бабушке Акулине Ивановне. Она рассказывала внуку сказки, учила любить природу, вселяла в него веру в счастье.

В 7 лет Алеша пошел в школу, но проучился только месяц: заболел и чуть не умер. Лишь в 9 лет его снова определили в школу городской бедноты. «Я пришел туда, — писал Горький, — в материнных башмаках, в пальтишке, перешитом из бабушкиной кофты, в желтой рубахе и штанах «навыпуск», все это сразу было осмеяно». Учился Алеша хорошо, хотя одновременно с учебой ему приходилось работать — собирать кости и тряпки на продажу

старьевщику. По окончании второго класса мальчику дали «Похвальный лист» — «за отличные успехи в науках» и наградили книгами. Дальше учиться не пришлось, умерла мама, и через несколько дней дед сказал: «Ты не медаль на шею у меня, иди-ка ты в люди...».

Алеше минуло 11 лет, но он уже работал в магазине модной обуви, исполнял много работы по дому у хозяина, потом плавал посудником на пароходе, был продавцом в иконной лавке. Именно в это время Алексей полюбил книги. Он читал их везде и всегда.

Мечта учиться все больше овладевала юношей. В 1884 году Алексей едет в Казань, в университет. Но учиться ему не пришлось: жить было не на что. Будущий писатель проходил свой «университет» на пристанях, в ночлежках, в нелегальных кружках. В Казани он прожил около четырех лет, работая садовником, дворником, помощником пекаря. Свое детство, отрочество и юность Алексей Максимович позже описал в автобиографической трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты».

Литературный путь Алексея Пешкова начался с публикации в 1892 году рассказа «Макар Чудра» — легенды о красавице Радде и Лойко Зобаре, о гордости и любви. Подписан он был псевдонимом «Максим Горький». Позднее выходят в свет рассказы «Челкаш», «Два босяка», «Бывшие люди», «Коновалов». В них он рисует босяков и противопоставляет их мещанскому миру, в котором ничего, кроме пятака, не знают. В самом начале творческого пути Горький выступил и с произведениями на детскую тему («Дед Архип и Ленька», «Вор», «Встряска»). В них он описывает детские судьбы и «мерзости жизни», губительно сказывающиеся на их судьбе, рассказывает о тяжелом, непосильном труде детей и бесконечных пинках, и побоях со стороны хозяев.

В стране нарастали революционные события, и Горький не остался в стороне. Он активно работал в большевистской газете «Новая жизнь», встречался с революционерами, собирал деньги на оружие. В романе «Мать» он описал судьбу заводских рабочих. Его революционная деятельность вызвала преследование царских властей, поэтому в 1906 году Горький уехал в Италию. Там были написаны «Сказки об Италии», «По Руси», «Утро».

Горький поражал окружающих глубиной знаний. Самоучка, он учился всю жизнь: много читал, жадно вбирая знания и поражая людей, окончивших университеты. Не только из книг знакомился будущий писатель с культурой. Он общался со знающими и интересными людьми. Среди них были К. С. Станиславский, Ф. И. Шаляпин, И. А. Бунин, другие писатели, артисты и художники.

Огромный размах приобрела общественная деятельность Горького после Октябрьской революции. Он руководил издательством, работал в детском журнале «Северное сияние», пропагандируя творчество молодых писателей. По его инициативе в Москве был создан Большой драматический театр. Горький много внимания уделял сохранению музейных ценностей, созданных русским народом. Алексей Максимович Горький стал крупнейшим писателем России.

1 июня на даче в Горках писатель тяжело заболел гриппом, который обострил болезнь легких и сердца, 18 июня он умер. Великий писатель оставил нам 30 томов художественных произведений, статей, писем.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как прошло детство Алеши Пешкова? Какая обстановка царила в доме деда?
2. Как прошли школьные годы Алексея?
3. Расскажите о жизни Алеши «в людях» и о его «университетах».
4. С какого произведения начал литературный путь Максим Горький? Чему были посвящены его рассказы?
5. За что царские власти преследовали Горького? Расскажите о его революционной деятельности.
6. Какую общественную работу вел Максим Горький после Октябрьской революции?

СКАЗКИ ОБ ИТАЛИИ

(отрывок)

VIII

На маленькой станции между Римом и Генуей кондуктор открыл дверь купе и, при помощи чумазого смазчика, почти внес к нам маленького кривого старика.

<...старик оказался бодрым; поблагодарив помогавших ему жестом сморщенной руки, он вежливо и весело приподнял с седой головы изломанную шляпу и, оглянув диваны зорким глазом, спросил:

— Позвольте?

Ему дали место, он сел, вздохнул облегченно и, положив руки на острые колени, добродушно улыбнулся беззубым ртом.

— Далеко, дед? — спросил мой товарищ.

— О, только три станции! — охотно ответил кривой. — На свадьбу внука еду...

И через несколько минут словоохотливо рассказывал под шум колес поезда, качаясь, точно надломленная ветвь в ненастный день:

— Я — лигурец¹, мы все очень крепкие, лигурійцы. Вот у меня тринадцать сыновей, четыре дочери, я уже сбиваюсь, считая внуков, это второй женится — хорошо, не правда ли?

И, гордо посмотрев на всех выцветшим, но еще веселым глазом, он тихонько засмеялся, говоря:

— Вот, сколько дал я людей стране и королю!

— Как пропал глаз? О, это было давно, еще мальчишкой был я тогда, но уже помогал отцу. Он перебивал землю на винограднике, у нас трудная земля, просит большого ухода: много камня. Камень отскочил из-под кирки²отца и ударил меня в глаз, я не помню боли, но за обедом глаз выпал у меня — это было страшно, синьоры!.. Его вставили на место и приложили теплого хлеба, но глаз помер!

Старик крепко потер бурую, дряблую щеку, снова улыбаясь добродушно и весело.

— Я расскажу вам, синьоры, кое-что о людях...

— Когда умер отец — мне было тринадцать лет, — вы видите, какой я и

теперь маленький? Но я был ловок и неутомим в работе — это все, что оставил мне отец в наследство, а землю нашу и дом продали за долги. Так я и жил, с одним глазом и двумя руками, работая везде, где давали работу... Было трудно, но молодость не боится труда, — так?

— В девятнадцать лет встретила девушка, которую мне суждено было любить, — такая же бедная, как сам я, она была крупная и сильнее меня, жила с матерью, больной старухой, и, как я, — работала, где могла. Не очень красивая, но — добрая и умница. И хороший голос — о! Пела она, как артистка, а это уже — богатство! И я тоже не худо пел.

— Женюсь? — сказал я ей.

— Это будет смешно, кривой! — ответила она невесело. — Ни у тебя, ни у меня нет ничего — как будем жить?

— Святая правда: ни у меня, ни у нее — ничего! Но — что нужно для любви в юности? Вы все знаете, как мало нужно для любви; я настаивал и победил.

Мы пошли к священнику.

— Это — безумие! — говорил священник. — Разве мало в Лигурии нищих?

— Молодежь коммуны смеялась над нами, старики осуждали нас. Но молодость — упряма и по-своему — умна! Настал день свадьбы, мы не стали к этому дню богаче и даже не знали, где ляжем спать в первую ночь.

— Мы уйдем в поле! — сказала Ида. — Почему это плохо? Мать божия везде одинаково добра к людям.

— Так мы и решили: земля — постель наша, и пусть оденет нас небо!

— Отсюда начинается другая история, синьоры, прошу внимания, — это лучшая история моей долгой жизни! Рано утром, за день до свадьбы, старик Джиованни, у которого я много работал, сказал мне — так, знаете, сквозь зубы — ведь речь шла о пустяках!

— Ты бы, Уго, вычистил старый овечий хлев³ и постлал туда соломы. Хотя там сухо и овцы больше года не были, все же нужно хорошо убрать хлев, если ты с Идой хочешь жить в нем.

— Вот у нас и дом!

— Работаю я, пою — в дверях стоит столяр Констанцио, спрашивая:

— Это тут будешь ты жить с Идой? А где же у вас кровать? Надо бы тебе, когда кончишь, пойти ко мне и взять у меня ее, есть лишняя.

— А когда я шел к нему, сердитая Мария — лавочница — закричала:

— Женятся, несчастные, не имея ни простыни, ни подушек, ничего! Ты совсем безумец, кривой! Пришли ко мне твою невесту...

На щеке старика в глубокой морщине засверкала веселая слеза, он закинул голову и беззвучно засмеялся, играя острым кадыком, трясая изношенной кожей лица и по-детски размахивая руками.

— О, синьоры, синьоры! — сквозь смех, задыхаясь, говорил он, — на утро дня свадьбы у нас было все, что нужно для дома, — статуя мадонны, посуда, белье, мебель — все, клянусь вам! Ида плакала и смеялась, я тоже, и все смеялись — нехорошо плакать в день свадьбы, и все наши смеялись над нами!..

— Синьоры! Это дьявольски хорошо — иметь право назвать людей — наши! И еще более хорошо чувствовать их своими, близкими тебе, родными

людьми, для которых твоя жизнь — не шутка, твое счастье — не игра!

— И была свадьба — э! Удивительный день! Вся коммуна смотрела на нас, и все пришли в наш хлев, который вдруг стал богатым домом... У нас было все: вино, и фрукты, и мясо, и хлеб, и все ели, и всем было весело... Потому что, синьоры, нет лучше веселья, как творить добро людям, поверьте мне, ничего нет красивее и веселее, чем это!

— И священник был. «Вот, — говорил он, строго и хорошо, — вот люди, которые работали на всех вас, и вы позаботились о них, чтобы им стало легко в этот день, лучший день их жизни. Так и надо было сделать вам, ибо они работали для вас, а работа — выше медных и серебряных денег, работа всегда выше платы, которую дают за нее! Деньги — исчезают, работа — остается... Эти люди — и веселы и скромны, они жили трудно и не жаловались, они будут жить еще труднее и не застонут — вы поможете им в трудный час. У них хорошие руки и еще лучше их сердца...»

— Он много лестного сказал мне, Иде и всей коммуне!..

Старик, торжествуя, оглядел всех помолодевшим глазом и спросил: — Вот, синьоры, кое-что о людях, — это вкусно, не правда ли?

¹ **Лигурийцы** — народ, живший во времена греков и римлян на берегу Средиземного моря.

² **Киркá** - инструмент для добычи горных пород.

³ **Хлев** - крытый загон для крупных домашних животных, таких как крупный рогатый скот, овцы, свиньи и другие животные.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Расскажите о детстве старика Уго.
2. Прочитайте, как в юности работал Уго и его невеста Ида.
3. Как оплатили люди за добросовестный труд Уго и Иды? Найдите в тексте и прочитайте эпизоды, подтверждающие ваш ответ.
4. Скажите, какой вывод вы сделали для себя, прочитав это произведение.
5. Прочитайте пословицы и выберите наиболее подходящие к прочитанному тексту:
 - *Без дела жить — только небо коптить.*
 - *Век живи, век трудись.*
 - *Живи для людей, проживут и люди для тебя.*
 - *Каждый кулик свое болото хвалит.*
 - *Труд человека кормит, лень портит.*

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН (1870 — 1938)

...Он (Куприн) изъездил всю Россию, меняя одну профессию за другой. Он изучил страну и знал её во всех её качествах, любил жить одной жизнью с простыми людьми, выспрашивать их, следить за ними, запоминать их язык, их говор...

Среди писателей он выделялся своей непосредственностью, простотой и

образом жизни, далёким от обычного писательского существования. Дружа с писателями, Куприн никогда не изменял своим старым друзьям из рабочих, рыбаков, крестьян и матросов...

Куприн с восторгом принял февральскую революцию, но по отношению к Октябрьской революции он занял противоречивую позицию...

В этом состоянии растерянности Куприн эмигрировал в 1919 году во Францию... За границей он тяжело тосковал по России, почти бросил писать и, наконец, весной 1937 года вернулся в родную Москву...

«Даже цветы на родине пахнут по-иному», — написал он перед самой смертью, и в этих словах выразилась вся его глубочайшая любовь к своей стране.

Мы должны быть благодарны Куприну за всё — за его глубокую человечность, за его тончайший талант, за любовь к своей стране, за непоколебимую веру в счастье своего народа...

К.Г. Паустовский

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Расскажите, что вы узнали о жизни писателя А. И. Куприна.
2. Прочитайте отрывок, в котором говорится об отношении Куприна к Родине.
3. За что, по словам К- Г. Паустовского, мы ценим произведения А. И. Куприна?

ТАПЁР¹

Двенадцатилетняя Тиночка Руднева влетела, как разрывная бомба, в комнату, где её старшие сёстры одевались с помощью двух горничных к сегодняшнему вечеру. Взволнованная, запыхавшаяся, с разлетевшимися кудрями на лбу, вся розовая от быстрого бега, она была в эту минуту похожа на хорошенького мальчишку.

—А где же тапёр? Я спрашивала у всех в доме, и никто ничего не знает. Тот говорит — мне не приказывали — это не моё дело... У нас постоянно, постоянно так, — горячилась Тиночка, топя каблуком о пол. — Всегда что-нибудь перепутают, забудут и потом начинают сваливать друг на друга...

Самая старшая из сестёр, Лидия Аркадьевна, стояла перед трюмо. Повернувшись боком к зеркалу и изогнув назад свою прекрасную обнажённую шею, она, слегка прищуривая близорукие глаза, закалывала в волосы чайную розу. Она не выносила никакого шума и относилась к «мелюзге» с холодным и вежливым презрением. Взглянув на отражение Тины в зеркале, она заметила с неудовольствием:

—Больше всего в доме беспорядка делаешь, конечно, ты, — сколько раз я тебя просила, чтобы ты не вбегала, как сумасшедшая, в комнаты.

Тина насмешливо присела и показала зеркалу язык. Потом она обернулась к другой сестре, Татьяне Аркадьевне.

—Ну, понятно, что от нашей Несмеяны-царевны ничего, кроме наставлений, не услышишь. Танечка, голубушка, как бы ты там всё это

устроила. Меня никто не слушается, только смеются, когда я говорю... Танечка, пойдём, пожалуйста, а то ведь скоро шесть часов, через час и ёлку будем зажигать...

Тина только в этом году была допущена к устройству ёлки. Не далее как на прошлое рождество её в это время запирали с младшей сестрой Катей и с её сверстницами в детскую, уверяя, что в зале нет никакой ёлки, а что «просто только пришли полотёры». Поэтому понятно, что теперь, когда Тина получила особые привилегии, равнявшие её некоторым образом со старшими сёстрами, она волновалась больше всех, хлопотала и бегала за десятерых, попадаясь ежеминутно кому-нибудь под ноги, и только усиливала общую суету, царившую обыкновенно на праздниках в рудневском доме.

Семья Рудневых принадлежала к одной из самых гостеприимных и шумных московских семей... Дом Рудневых, — большой ветхий дом, со львами на воротах, с широким подъездным двором и с массивными белыми колоннами у парадного, — круглый год с утра до поздней ночи кишел народом...

Ирина Алексеевна Руднева — хозяйка дома — почти никогда не выходила из своих комнат, кроме особенно торжественных, официальных случаев.

Аркадий Николаевич (хозяин дома) редко показывался домой, потому что обедал он постоянно в Английском клубе... Привыкнув с утра до вечера вращаться в большом обществе, он любил, чтобы и в доме у него было шумно и оживлённо...

Неизменное участие принимал ежегодно Аркадий Николаевич и в ёлке. Этот детский праздник почему-то доставлял ему своеобразное, наивное удовольствие. Никто из домашних не умел лучше его придумать каждому подарок по вкусу, и потому в затруднительных случаях старшие дети прибегали к его изобретательности.

—Папа, ну что мы подарим Коле Радомскому?—спрашивали Аркадия Николаевича дочери. —Он большой такой, гимназист последнего класса... нельзя же ему игрушку...

—Зачем же игрушку? —возражал Аркадий Николаевич. — Самое лучшее купите для него хорошенький портсигар. Юноша будет польщён таким солидным подарком. Теперь очень хорошенькие портсигары продаются у Лукутина. Да, кстати, намекайте этому Коле, чтобы он не стеснялся при мне курить. А то давеча, когда я вошёл в гостиную, так он папироску в рукав спрятал...

Аркадий Николаевич любил, чтобы у него ёлка выходила на славу, и всегда приглашал к ней оркестр Рябова. Но в этом году с музыкой произошёл целый ряд роковых недоразумений. К Рябову почему-то послали очень поздно; оркестр его, разделяемый на праздниках на три части, оказался уже разобранным. Маэстро в силу давнего знакомства с домом Рудневых обещал, однако, как-нибудь устроить это дело, надеясь, что в другом доме переменят день ёлки, но по неизвестной причине замедлил ответом, и когда бросились искать в другие места, то во всей Москве не оказалось ни одного оркестра. Аркадий Николаевич рассердился и велел отыскать хорошего тапёра, но кому отдал это приказание, он и сам теперь не помнил. Этот «кто-то», наверно, свалил данное ему поручение на другого, другой — на третьего, переврав, по

обыкновенно, его смысл, а третий в общей сумятице и совсем забыл о нём... Неизвестно, чем окончилась бы эта путаница, если бы на помощь не пришла Татьяна Аркадьевна, полная, весёлая блондинка, которую вся прислуга обожала за её ровный характер и удивительное умение улаживать внутренние междоусобицы.

—Одним словом, мы так не кончим до завтрашнего дня, — сказала она своим спокойным, слегка насмешливым, как у Аркадия Николаевича, голосом.— Как бы то ни было, Дуняша сейчас же отправится разыскивать тапёра. Покамест ты будешь одеваться, Дуняша, я тебе выпишу из газеты адреса. Постарайся найти поближе, чтобы не задерживать ёлки, потому что сию минуту начнут съезжаться.

Едва она успела это произнести, как у дверей передней громко затрещал звонок. Тина уже бежала туда стремглав, навстречу целой толпе детишек, улыбающихся, румяных с мороза, запушённых снегом и внёсших с собою запах зимнего воздуха...

Звонки раздавались один за другим почти непрерывно. Приезжали всё новые и новые гости. Барышни Рудневы едва успевали справляться с ними. Взрослых приглашали в гостиную, а маленьких завлекали в детскую и в столовую, чтобы запереть их там предательским образом. В зале ещё не зажигали огня. Огромная ёлка стояла посредине, слабо рисуясь в полутьме своими фантастическими очертаниями и наполняя комнату смолистым ароматом...

Дуняша всё ещё не возвращалась, и подвижная, как ртуть, Тина сгорала от нетерпеливого беспокойства. Десять раз подбегала она к Тане, отводила её в сторону и шептала взволнованно:

—Танечка, голубушка, как же теперь нам быть?.. Ведь это же ни на что не похоже.

Таня сама начинала тревожиться. Она подошла к старшей сестре и сказала вполголоса:

—Я уж и не придумаю, что делать. Придётся попросить тётю Сою поиграть немного... А потом я её сама как-нибудь заменю.

—Благодарю покорно, — насмешливо возразила Лидия. — Тётя Соня будет потом нас целый год своим одолжением донимать. А ты так хорошо играешь, что уж лучше совсем без музыки танцевать.

В эту минуту к Татьяне Аркадьевне подошёл, неслышно ступая своими замшевыми подошвами, Лука.

—Барышня, Дуняша просит вас на секунду выйти к ним.

—Ну что, привезла? —спросили в один -голос все три сестры.

—Пожалуйста-с. Извольте-с посмотреть сами, — уклончиво ответил Лука. — Они в передней... Только что-то сомнительно-с... Пожалуйте.

В передней стояла Дуняша, ещё не снявшая шубки, закиданной комьями грязного снега. Сзади её копошилась в тёмном углу какая-то маленькая фигурка, разматывавшая жёлтый башлык, окутывавший её голову.

— Только, барышня, не браните меня,— зашептала Дуняша, наклоняясь к самому уху Татьяны Аркадьевны.— Разрази меня бог — в пяти местах была и ни одного тапёра не застала. Вот нашла этого мальчика, да уж и сама не знаю, годится ли. Убей меня бог, только один и остался. Божится, что

играл на вечерах и на свадьбах, а я почему могу знать...

Между тем маленькая фигурка, освободившись от своего башлыка и пальто, оказалась бледным, очень худощавым мальчиком в подержанном мундирчике реального училища². Понимая, что речь идёт о нём, он в неловкой выжидательной позе держался в своём углу, не решаясь подойти ближе. Наблюдательная Таня, бросив на него украдкой несколько взглядов, сразу определила про себя, что этот мальчик застенчив, беден и самолюбив. Лицо у него было некрасивое, но выразительное и с очень тонкими чертами; несколько наивный вид ему придавали вихры тёмных волос, завивающихся «гнёздышками» по обеим сторонам высокого лба, но большие серые глаза — слишком большие для такого худенького детского лица — смотрели умно, твёрдо и не по-детски серьёзно. По первому впечатлению мальчику можно было дать лет одиннадцать-двенадцать.

Татьяна сделала к нему несколько шагов и, сама стесняясь не меньше его, спросила нерешительно:

— Вы говорите, что вам уже приходилось... играть на вечерах?

— Да... я играл, — ответил он голосом, несколько сиплым от мороза и от робости. — Вам, может быть, оттого кажется, что я такой маленький...

— Ах нет, вовсе не это... Вам ведь лет тринадцать, должно быть?

— Четырнадцать-с.

— Это, конечно, всё равно. Но я боюсь, что без привычки вам будет тяжело.

Мальчик откашлялся.

— О нет, не беспокойтесь... Я уже привык к этому. Мне случалось играть по целым вечерам, почти не переставая...

Таня вопросительно посмотрела на старшую сестру. Лидия Аркадьевна, отличавшаяся странным бессердечием по отношению ко всему загнанному, подвластному и приниженному, спросила со своей обычной презрительной миной:

— Вы умеете, молодой человек, играть кадрили?

Мальчик качнулся туловищем вперёд, что должно было означать поклон.

— Умею-с.

— И вальс умеете?

— Да-с.

— Может быть, и польку тоже?

Мальчик вдруг густо покраснел, но ответил сдержанным тоном:

— Да, и польку тоже.

— А лансье? — продолжала дразнить его Лидия.

— Перестаньте же, Лидия, вы невозможны! — строго заметила Татьяна Аркадьевна.

Большие глаза мальчика вдруг блеснули гневом и насмешкой. Даже напряжённая неловкость его позы внезапно исчезла.

— Если вам угодно, мадемуазель, — резко повернулся он к Лидии, — то, кроме полек и кадриллей, я играю ещё все сонаты Бетховена, вальсы Шопена и рапсодии Листа.

— Воображаю! — деланно, точно актриса на сцене, уронила Лидия, задетая этим самоуверенным ответом.

Мальчик перевёл глаза на Таню, в которой он инстинктивно угадал заступницу, и теперь эти огромные глаза приняли умоляющее выражение.

—Пожалуйста, прошу вас... позвольте мне что-нибудь сыграть...

Чуткая Таня поняла, как больно затронула Лидия самолюбие мальчика, и ей стало жалко его. А Тина даже запрыгала на месте и захлопала в ладоши от радости, что эта противная гордячка Лидия сейчас получит щелчок.

—Конечно, Танечка, конечно, пускай сыграет, — упрашивала она сестру и вдруг со своей обычной стремительностью, схватив за руку маленького пианиста, она потащила его в залу, повторяя: — Ничего, ничего... Вы сыграете, и она останется с носом... Ничего, ничего.

Неожиданное появление Тины, влѣкшей на буксире застенчиво улыбавшегося реалистика, произвело общее недоумение. Взрослые один за другим переходили в залу, где Тина, усадив мальчика на выдвинутой табурет, уже успела зажечь свечи на великолепном фортепиано.

Реалист ³ взял наугад одну из толстых нотных тетрадей и раскрыл её. Затем, обернувшись к дверям, в которых стояла Лидия, резко выделяясь своим белым атласным платьем на чёрном фоне неосвещѣнной гостиной, он спросил:

—Угодно вам «Венгерскую рапсодию» номер два Листа?

Лидия пренебрежительно выдвинула вперед нижнюю губу и ничего не ответила. Мальчик бережно положил руки на клавиши, закрыл на мгновение глаза, и из-под его пальцев полились торжественные, величавые аккорды начала рапсодии. Странно было видеть и слышать, как этот маленький человек, голова которого едва виднелась из-за пюпитра, извлекал из инструмента такие мощные, смелые, полные звуки. И лицо его как будто бы сразу преобразилось, просветлело и стало почти прекрасным; бледные губы слегка полуоткрылись, а глаза ещё больше увеличились и сделались глубокими, влажными и сияющими.

Зала понемногу наполнилась слушателями. Даже Аркадий Николаевич, любивший музыку и знавший в ней толк, вышел из своего кабинета. Подойдя к Тане, он спросил её на ухо:

—Где вы достали этого карапуза?

—Это тапѣр, папа, — ответила тихо Татьяна Аркадьевна. — Правда, отлично играет?

—Тапѣр? Такой маленький? Неужели? —удивлялся Руднев. —Скажите пожалуйста, какой мастер! Но ведь это безбожно заставлять его играть танцы.

Когда Таня рассказала отцу о сцене, происшедшей в передней, Аркадий Николаевич покачал головой.

—Да, вот оно что... Ну, что же делать, нельзя обижать мальчугана. Пускай поиграет, а потом мы что-нибудь придумаем.

Когда реалист окончил рапсодию, Аркадий Николаевич первый захлопал в ладоши. Другие также принялись аплодировать. Мальчик встал с высокого табурета, покрасневший и взволнованный; он искал глазами Лидию, но её уже не было в зале.

—Прекрасно играете, голубчик. Большое удовольствие нам доставили, — ласково улыбнулся Аркадий Николаевич, подходя к музыканту и протягивая ему руку. — Только я боюсь, что вы... как вас величать-то, я не знаю.

—Азагаров, Юрий Азагаров.

—Боюсь я, милый Юрочка, не повредит ли вам играть целый вечер? Так вы, знаете ли, без всякого стеснения скажите, если устанете. У нас найдётся здесь кому побренчать. Ну, а теперь сыграйте-ка нам какой-нибудь марш побравурнее.

Под громкие звуки марша из «Фауста» были поспешно зажжены свечи на ёлке. Затем Аркадий Николаевич собственноручно распахнул настежь двери столовой, где толпа детишек, ошеломлённая внезапным ярким светом и ворвавшейся к ним музыкой, точно окаменела в наивно изумлённых, забавных позах. Сначала робко, один за другим, входили они в залу и с почтительным любопытством ходили кругом ёлки, задирая вверх свои милые мордочки. Но через несколько минут, когда подарки уже были розданы, зала наполнилась невообразимым гамом, писком и счастливым детским хохотом...

Тина, которая после внимания, оказанного её отцом Азагарову, окончательно решила взять мальчика под своё покровительство, подбежала к нему с самой дружеской улыбкой.

—Пожалуйста, сыграйте нам польку.

Азагаров заиграл, и перед его глазами закружились белые, голубые и розовые платица... Играя, он машинально прислушивался к равномерному шарканью множества ног под такт его музыки, как вдруг необычайное волнение, пробежавшее по всей зале, заставило его повернуть голову ко входным дверям.

Не переставая играть, он увидел, как в залу вошёл пожилой господин, к которому, точно по волшебству, приковались глаза всех присутствующих. Вошедший был немного выше среднего роста и довольно широк в кости, но не полн. Держался он с такой изящной, неуловимо небрежной и в то же время величавой простотой, которая свойственна только людям большого света. Сразу было видно, что этот человек привык чувствовать себя одинаково свободно и в маленькой гостиной, и перед тысячной толпой, и в залах королевских дворцов. Всего замечательнее было его лицо — одно из тех лиц, которые запечатлеваются в памяти на всю жизнь с первого взгляда...

Юрий Азагаров решил в уме, что новоприбывший гость, должно быть, очень важный господин, потому что даже пожилые дамы встретили его почтительными улыбками, когда он вошёл в залу, сопровождаемый сияющим Аркадием Николаевичем. Сделав несколько общих поклонов, незнакомец быстро прошёл вместе с Рудневым в кабинет, но Юрий слышал, как он говорил на ходу о чём-то просившему его хозяину:

—Пожалуйста, добрейший мой Аркадий Николаевич, не просите. Вы знаете, как мне больно вас огорчать отказом...

—Ну хоть что-нибудь, Антон Григорьевич. И для меня, и для детей это будет навсегда историческим событием, — продолжал просить хозяин.

В это время Юрия попросили играть вальс, и он не услышал, что ответил тот, кого называли Антоном Григорьевичем. Он играл поочерёдно вальсы, польки и кадрили, но из его головы не выходило царственное лицо необыкновенного гостя. И тем более он был изумлён, почти испуган, когда почувствовал на себе чей-то взгляд, и, обернувшись вправо, он увидел, что Антон Григорьевич смотрит на него со скучающим и нетерпеливым видом и слушает, что ему говорит на ухо Руднев.

Юрий понял, что разговор идёт о нём, и отвернулся от них в смущении, близком к непонятному страху. Но тотчас же, в тот же самый момент, как ему казалось потом, когда он уже взрослым проверял свои тогдашние ощущения, над его ухом раздался равнодушно повелительный голос Антона Григорьевича:

—Сыграйте, пожалуйста, ещё раз рапсодию номер два.

Он заиграл, сначала робко, неуверенно, гораздо хуже, чем он играл в первый раз, но понемногу к нему вернулись смелость и вдохновение. Присутствие того, властного и необыкновенного человека почему-то вдруг наполнило его душу артистическим волнением и придало его пальцам исключительную гибкость и послушность. Он сам чувствовал, что никогда ещё не играл в своей жизни так хорошо, как в этот раз, и, должно быть, не скоро будет ещё так хорошо играть.

Юрий не видел, как постепенно прояснялось хмурое чело Антона Григорьевича и как смягчалось мало-помалу строгое выражение его губ, но когда он кончил при общих аплодисментах и обернулся в ту сторону, то уже не увидел этого привлекательного и странного человека. Зато к нему подходил с многозначительной улыбкой, таинственно подымая вверх брови, Аркадий Николаевич Руднев.

—Вот что, голубчик Азагаров, — заговорил почти шёпотом Аркадий Николаевич, — возьмите этот конвертик, спрячьте в карман и не потеряйте, — в нём деньги. А сами идите сейчас же в переднюю и одевайтесь. Вас доведёт Антон Григорьевич.

—Но ведь я могу ещё хоть целый вечер играть, — возразил было мальчик.

—Тсс!.. — закрыл глаза Руднев. — Да неужели вы не узнали его? Неужели вы не догадались, кто это?

Юрий недоумевал, раскрывая всё больше и больше свои огромные глаза. Кто же это мог быть, этот удивительный человек?

—Голубчик, да ведь это Рубинштейн⁴. Понимаете ли, Антон Григорьевич Рубинштейн! И я вас, дорогой мой, от души поздравляю и радуюсь, что у меня на ёлке вам совсем случайно выпал такой подарок. Он заинтересован вашей игрой...

Реалист в поношенном мундире давно уже известен теперь всей России как один из талантливейших композиторов, а необычайный гость с царственным лицом ещё раньше успокоился навсегда от своей бурной, мятежной жизни. Но никогда и никому Азагаров не передавал тех священных слов, которые ему говорил, едучи с ним в санях, в эту морозную рождественскую ночь его великий учитель.

¹ *Тапёр* — музыкант, играющий на танцевальных вечерах.

² *Реальное училище* — среднее учебное заведение.

³ *Реалист* — ученик реального училища.

⁴ *Рубинштейн А. Г.* (1829—1894) — русский пианист, композитор, дирижёр, музыкальный общественный деятель.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. К какому празднику готовились в семье Рудневых?

2. Как был решён вопрос с музыкантом?
3. Кто был тапёр?
4. Проследите последовательно, что рассказывает автор о мальчике-тапёре. При ответе пользуйтесь планом:
 - 1) появление в доме;
 - 2) его встреча с сёстрами;
 - 3) вывод о мальчике, сделанный Татьяной Аркадьевной;
 - 4) поведение тапёра во время диалога с Лидией;
 - 5) исполнение второй рапсодии Листа;
 - 6) как изменилось выражение лица мальчика;
 - 7) оценка игры слушателями;
 - 8) появление важного господина;
 - 9) повторная игра Азагарова;
 - 10) реакция А. Г. Рубинштейна на игру мальчика.
5. Почему Юре приходилось выступать в качестве тапёра?
6. Прочитайте последний абзац рассказа. Передайте его содержание своими словами.
7. Кем стал Юрий Азагаров впоследствии?
8. Кто был для него «великим учителем»?
9. Расскажите о семье Рудневых. Из кого она состояла? Какие отношения были между членами семьи?
10. Расскажите об Аркадии Николаевиче. Вспомните, как он отнёсся к тапёру. Обратите внимание на его уважительное отношение к маленькому музыканту.
11. Какая из сестёр произвела на вас наиболее благоприятное впечатление? Почему? Ответ подтвердите вашими рассуждениями.
12. Что вы можете сказать о Лидии? Объясните слова: Лидия Аркадьевна отличалась «странным бессердечием по отношению ко всему загнанному, подвластному и приниженному». Ответ подтвердите фактами из рассказа.
13. Какой эпизод из рассказа вам наиболее запомнился? Перескажите его.

КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ

(1892 — 1968)

*Человек, любящий и умеющий читать, — счастливый человек.
Он окружён множеством умных, добрых и верных друзей.
Друзья эти — книги.
К. Паустовский*

Константин Георгиевич Паустовский родился в Москве, но детство его прошло в Киеве. Учился в Киевской классической гимназии. Ещё в гимназии начал писать стихи. После окончания гимназии молодой литератор поступил в Киевский университет. Затем перевёлся в Московский. Первый сборник рассказов «Встречные корабли» был издан в 1928 году. Паустовский писал рассказы и повести о природе средней полосы России,

очерки о других странах («Живописная Болгария», «Итальянские встречи»), удивительно лиричны его литературные портреты художников, писателей разных эпох и стран (Исаака Левитана, Ореста Кипренского, Фридриха Шиллера, Ханса Кристиана Андерсена, Александра Грина и многих других). Константин Георгиевич Паустовский был автором детских журналов «Мурзилка» и «Пионер». Много раз издавались в сборниках и отдельными книжками сказки К. Г. Паустовского «Тёплый хлеб», «Похождения жука-носорога», «Дремучий медведь», «Растрёпанный воробей», «Заботливый цветок», «Квакша» и другие.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие произведения К. Г. Паустовского вам уже знакомы?
2. Расскажите, что вы узнали о жизни писателя.

ТЁПЛЫЙ ХЛЕБ

(сказка)

Когда кавалеристы проходили через деревню Бережки, немецкий снаряд разорвался на околице и ранил в ногу вороного коня¹. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушёл дальше, пыля и позванивая удилами, — ушёл, закатился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожь.

Коня взял к себе мельник Панкрат. Мельница давно не работала, но мучная пыль навеки въелась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике и картузе.

Из-под картуза посматривали на всех быстрые глаза мельника. Панкрат был скорый на работу, сердитый старик, и ребята считали его колдуном.

Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди — помогал Панкрату чинить плотину.

Панкрату трудно было прокормить коня, и конь начал ходить по дворам «побираться». Постоит, пофыркает, постучит мордой о калитку, и, глядишь, ему вынесут свекольной ботвы, или чёрствого хлеба, или, случалось даже, сладкую морковку. По деревне говорили, что конь ничей, а ведшее — общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. К тому же конь — раненый, пострадал от врага.

¹ События в сказке К. Паустовского происходят в годы Гражданской войны.

Жил в Бережках со своей бабкой мальчик Филька, по прозвищу «Ну Тебя». Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: «Да ну тебя!» Предлагал ли ему соседский мальчишка походить на ходулях или поискать позеленевшие патроны, Филька отвечал сердитым басом: «Да ну тебя! Ищи сам!» Когда бабка выговаривала ему за неласковость, Филька отворачивался и бормотал: «Да ну тебя! Надоела!»

Зима в этот год стояла тёплая. В воздухе висел дым. Снег выпадал и тотчас таял. Мокрые вороны садились на печные трубы, чтобы обсохнуть,

толкались, каркали друг на друга. Около мельничного лотка вода не замерзала, а стояла чёрная, тихая, и в ней кружились льдинки.

Панкрат починил к тому времени мельницу и собирался молотить зерно, — хозяйки жаловались, что мука кончается, осталось у каждой на два-три дня, а зерно лежит немолотое.

В один из таких тёплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку к Филькиной бабке. Бабки не было дома, а Филька сидел за столом и жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью.

Филька нехотя встал, вышел за калитку. Конь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. «Да ну тебя! Дьявол!» — крикнул Филька и наотмашь ударил коня по губам. Конь отшатнулся, замотал головой, а Филька закинул хлеб далеко в рыхлый снег и закричал:

— На вас не напасёшься, на христарадников! Вон твой хлеб! Иди, копай его мордой из-под снега! Иди, копай!

И вот после этого злорадного окрика и случились в Бережках те удивительные дела, о каких и сейчас люди говорят, покачивая головами, потому что сами не знают, было ли это, или ничего такого не было.

Слеза скатилась у коня из глаз. Конь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах завыл, засвистел пронзительный ветер, вздул снег, запорошил Фильке горло. Филька бросился обратно в дом, но никак не мог найти крыльца — так уже мело кругом и хлестало в глаза. Летела по ветру мёрзлая солома с крыш, ломались скворечни, хлопали оторванные ставни. И всё выше взвивались столбы снежной пыли с окрестных полей, неслись на деревню, шурша, крутясь, перегоняя друг друга.

Филька вскочил наконец в избу, припёр дверь, сказал: «Да ну тебя!» — и прислушался. Ревела, обезумев, метель, но сквозь её рёв Филька слышал тонкий и короткий свист, — так свистит конский хвост, когда рассерженный конь бьёт им себя по бокам.

Метель начала затихать к вечеру, и только тогда смогла добраться к себе в избу от соседки Филькина бабка. А к ночи небо зазеленело как лёд, звёзды примерзли к небесному своду и колючий мороз прошёл по деревне. Никто его не видел, но каждый слышал скрип его валенок по твердому снегу, слышал, как мороз, озоруя, стискивал толстые бревна в стенах и они трещали и лопались. Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замёрзли колодцы и теперь их ждёт неминуемая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать теперь не сможет, потому что река застыла до самого дна.

Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе, где ещё оставалось немного тепла. «Да ну вас! Проклятые!» — кричал он на мышей, но мыши всё лезли из подпола. Филька забрался на печь, укрылся тулупчиком, весь трясся и слушал причитания бабки.

— Сто лет назад упал на нашу округу такой же лютый мороз, — говорила бабка. — Заморозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет после того не цвели ни деревья, ни травы. Семена в земле пожухли и пропали. Голая стояла наша земля. Обегал её стороной всякий зверь — боялся пустыни.

—Отчего же страся тот мороз? — спросил Филька.

—От злобы людской, — ответила бабка. — Шёл через нашу деревню старый солдат, попросил в избе хлеба, а хозяин, злой мужик, заспанный, крикливый, возьми и дай одну только чёрствую корку. И то не дал в руки, а швырнул на пол и говорит: «Вот тебе! Жуй!» — «Мне хлеб с полу поднять невозможно, — говорит солдат. — У меня вместо ноги деревяшка». — «А ногу куда девал?» — спрашивает мужик. «Утерял я ногу на Балканских горах в турецкой баталии»², — отвечает солдат. «Ничего. Раз дюже голодный — подымешь, — засмеялся мужик. — Тут тебе камердинеров ³ нету». Солдат покряхтел, изловчился, поднял корку и видит — это не хлеб, а одна зелёная плесень. Один яд! Тогда солдат вышел на двор, свистнул — и враз сорвалась метель, пурга, буря закружила деревню, крыши посрывала, а потом ударил лютый мороз. И мужик тот помер.

—Отчего же он помер? — хрипло спросил Филька.

—От охлаждения сердца, — ответила бабка, помолчала и добавила: — Знать, и нынче завёлся в Бережках дурной человек, обидчик, и сотворил злое дело. Оттого и мороз.

—Чего ж теперь делать, бабка? — спросил Филька из-под тулупа. — Неужто помирать?

—Зачем помирать? Надеяться надо.

—На что?

—На то, что поправит дурной человек своё злодейство.

—А как его поправить? — спросил, всхлипывая, Филька.

—А об этом Панкрат знает, мельник. Он старик хитрый, учёный. Его спросить надо. Да неужто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится.

—Да ну его, Панкрата! — сказал Филька и затих.

Ночью он слез с печи. Бабка спала, сидя на лавке. За окнами воздух был синий, густой, страшный. В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами.

Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице. Снег пел под ногами, будто артель весёлых пильщиков пилила под корень берёзовую рошу за рекой. Казалось, воздух замёрз и между землёй и луной осталась одна пустота — жгучая и такая ясная, что если бы подняло пылинку на километр от земли, то и её было бы видно и она светилась бы и мерцала, как маленькая звезда.

Чёрные ивы около мельничной плотины поседали от стужи. Ветки их поблёскивали, как стеклянные. Воздух колот Фильке грудь. Бежать он уже не мог, а тяжело шёл, загребая снег валенками.

Филька постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Филька охнул, присел от страха на корточки, затаился. Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу.

—Садись к печке, — сказал он. — Рассказывай, пока не замёрз.

Филька, плача, рассказал Панкрату, как он обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз.

— Да-а, — вздохнул Панкрат, — плохо твоё дело! Выходит, что из-за

тебя всем пропадать. Зачем коня обидел? За что? Бессмысленный ты гражданин!

Филька сопел, вытирал рукавом глаза.

—Ты брось реветь! — строго сказал Панкрат. — Реветь вы все мастера. Чуть что нашкодил — сейчас в рёв. Но только в этом я смысла не вижу. Мельница моя стоит, как запаянная морозом навеки, а муки нет, и воды нет, и что нам придумать — неизвестно.

—Чего же мне теперь делать, дедушка Панкрат? — спросил Филька.

—Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И перед раненой лошастью — тоже. Будешь ты чистый человек, весёлый. Каждый тебя по плечу потреплет и простит. Понятно?

—Понятно, — ответил упавшим голосом Филька.

—Ну, вот и придумай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила сорока. Она не спала от холода, сидела на хомуте — подслушивала. Потом она боком, озираясь, поскакала к щели под дверь. Выскочила наружу, прыгнула на перильца и полетела прямо на юг. Сорока была опытная, старая и нарочно летела у самой земли, потому что от деревень и лесов всё-таки тянуло теплом, и сорока не боялась замёрзнуть. Никто её не видел, только лисица в осиновом яру⁴ высунула морду из норы, повела носом, заметила, как тёмной тенью пронеслась по небу сорока, шарахнулась обратно в нору и долго сидела, почёсываясь и соображая: куда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?

А Филька в это время сидел на лавке, ёрзал, придумывал.

—Ну, — сказал наконец Панкрат, затапывая махорочную сигарку, — время твоё вышло. Выкладывай! Льготного срока⁵ не будет.

—Я, дедушка Панкрат, — сказал Филька, — как рассветёт, соберу со всей деревни ребят. Возьмём мы ломы, пешни⁶, топоры, будем рубить лёд у лотка около мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечёт она на колесо. Как пойдёт вода, ты пускай мельницу! Повернёшь колесо двадцать раз, она разогреется и начнёт молоть. Будет, значит, и мука, и вода, и всеобщее спасение.

—Ишь ты, шустрый какой! — сказал мельник. — Подо льдом, конечно, вода есть. А ежели лёд толщиной в твой рост, что ты будешь делать?

—Да ну его! — сказал Филька. — Пробьём мы, ребята, и такой лёд!

—А ежели замёрзнете?

—Костры будем жечь.

—А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплачиваться своим горбом? Ежели скажут: «Да ну его! Сам виноват — пусть сам лёд и скалывает».

—Согласятся! Я их умолю. Наши ребята — хорошие.

—Ну, валяй, собирай ребят. А я со стариками потолкую. Может, и старики натянут рукавицы да возьмутся за ломы.

В морозные дни солнце восходит багровое, в тяжёлом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета, скалывали лёд у мельницы. И никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками и задул по седым ивам ровный и тёплый ветер. А когда заметили, что переменилась погода, ветки ив уже оттаяли и

весело, гулко зашумела за рекой мокрая берёзовая роща. В воздухе запахло весной, навозом.

Ветер дул с юга. С каждым часом становилось всё теплее. С крыш падали и со звоном разбивались сосульки. Вороны вылезли из-под застрех⁷ и снова обсыхали на трубах, толкались, каркали.

Не было только старой сороки. Она прилетела к вечеру, когда от теплоты лёд начал оседать, работа у мельницы пошла быстро и показалась первая полынья с тёмной водой.

Мальчишки стащили треухи и прокричали «ура». Панкрат говорил, что если бы не тёплый ветер, то, пожалуй, и не обколоть бы лёд ребятам и старикам. А сорока сидела на раките над плотиной, трещала, трясла хвостом, кланялась на все стороны и что-то рассказывала, но никто, кроме ворон, её не понял. А сорока рассказывала, что она долетела до тёплого моря, где спал в горах летний ветер, разбудила его, натрещала ему про лютый мороз и упростила его прогнать этот мороз, помочь людям. Ветер будто бы не осмелился отказать ей, сороке, и задул, понёсся над полями, посвистывая и посмеиваясь над морозом. И если хорошенько прислушаться, то уже слышно, как по оврагам под снегом бурлит-журчит тёплая вода, моет корни брусники, ломает лёд на реке.

Всем известно, что сорока — самая болтливая птица на свете, и потому вороны ей не поверили — покаркали только между собой, что вот, мол, опять завралась старая.

Так до сих пор никто и не знает, правду ли говорила сорока, или всё это она выдумала от хвастовства. Одно только известно, что к вечеру лёд треснул, разошёлся, ребята и старики нажали — ив мельничный лоток хлынула с шумом вода.

Старое колесо скрипнуло — с него посыпались сосульки — и медленно повернулось. Заскрежетали жернова, потом колесо повернулось быстрее, ещё быстрее, и вдруг вся старая мельница затряслась, заходила ходуном и пошла стучать, скрипеть, молотить зерно. Панкрат сыпал зерно, а из-под жернова лилась в мешки горячая мука. Женщины окунали в неё озябшие руки и смеялись.

По всем дворам кололи звонкие берёзовые дрова. Избы светились от жаркого печного огня. Женщины месили тугое сладкое тесто. И всё, что было живого в избах, — ребята, кошки, даже мыши, — всё это вертелось около хозяек, а хозяйки шлёпали ребят по спине белой от муки рукой, чтобы не лезли в самую квашню и не мешались.

Ночью по деревне стоял такой запах тёплого хлеба с румяной коркой, с пригоревшими к донцу капустными листьями, что даже лисицы вылезли из нор, сидели на снегу, дрожали и тихонько скулили, соображая, как бы словчиться стащить у людей хоть кусочек этого чудесного хлеба.

На следующее утро Филька пришёл вместе с ребятами к мельнице. Ветер гнал по синему небу рыхлые тучи, не давал им ни на минуту перевести дух, и потому по земле неслись попеременно то холодные тени, то горячие солнечные пятна.

Филька тащил буханку свежего хлеба, а совсем маленький мальчик Николай держал деревянную солонку с крупной жёлтой солью. Панкрат вышел на порог, спросил:

—Что за явление? Мне, что ли, хлеб-соль подносите? За какие такие заслуги?

—Да нет! — закричали ребята. — Тебе будет особо. А это раненому коню. От Фильки. Помирить мы их хотим.

—Ну что ж, — сказал Панкрат. — Не только человеку извинение требуется. Сейчас я вам коня представлю в натуре.

Панкрат отворил ворота сарая, выпустил коня. Конь вышел, вытянул голову, заржал — учуял запах свежего хлеба. Филька разломил буханку, посолил хлеб из солонки и протянул коню. Но конь хлеба не взял, начал мелко перебирать ногами, попятился в сарай. Испугался Фильки. Тогда Филька перед всей деревней громко заплакал. Ребята зашептались и притихли, а Панкрат потрепал коня по шее и сказал:

—Не пужайся, Мальчик! Филька — не злой человек. Зачем же его обижать? Бери хлеб, мирись!

Конь помотал головой, подумал, потом осторожно вытянул шею и взял наконец хлеб из рук Фильки мягкими губами. Съел один кусок, обнюхал Фильку и взял второй кусок. Филька ухмылялся сквозь слёзы, а конь жевал хлеб, фыркал. А когда съел весь хлеб, положил голову Фильке на плечо, вздохнул и закрыл глаза от сытости и удовольствия.

Все улыбались, радовались. Только старая сорока сидела на раките и сердито трещала: должно быть, опять хвасталась, что это ей одной удалось помирить коня с Филькой. Но никто её не слушал и не понимал, и сорока от этого сердилась всё больше и трещала как пулемёт.

²Речь идёт о войнах с Турцией за освобождение Болгарии и других стран Балканского полуострова от турецкого ига.

³*Комердiнер* — слуга.

⁴*Яр* — овраг с крутыми склонами.

⁵*Льгiтный срок* — разрешённый дополнительно.

⁶*Пешня* — тяжёлый лом на деревянной рукоятке для пробивания льда.

⁷*Застрехи* — нижние края кровли.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите персонажей сказки.
2. О каком времени в жизни нашей страны рассказывает сказка?
3. Прочитайте отрывок о том, как Филька обидел коня. Что произошло в деревне после этого?
4. О чём рассказала бабушка Фильке?
5. Что общего в отношении Фильки к коню и отношении мужика к старому солдату?
6. Как исправил свой поступок Филька? Расскажите.
7. Чему учит сказка? Каким должен быть человек?
8. Подумайте, что в этом произведении сказочного.
9. Почему сказка называется «Тёплый хлеб»?
10. Дайте краткий пересказ сказки.
11. Вспомните случай из своей жизни о том, как вы помогли животным.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН (1895 — 1925)

Сергей Александрович Есенин родился в селе Константиново Рязанской губернии. «Фамилия „Есенин" — русская, коренная, в ней звучат языческие корни — овсень, таусень, осень, связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками», — писал А. Н. Толстой.

Родители Есенина были крестьяне. Его дед держался суровых религиозных правил, хорошо знал Священное Писание, помнил наизусть многие страницы Библии, жития святых. Он любил внука. «Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и Священную историю», — вспоминал Есенин. С народным творчеством знакомила его и бабушка («Она рассказывала сказки»). Мальчик жил свободно и беззаботно. Он не был знаком с ранними тяготами труда. «Детство прошло среди полей и степей», — писал он.

Есенин был одарён ясным умом. Он учился в четырёхклассном училище и уже там декламировал стихотворения любимых им поэтов — А. Кольцова, И. Некрасова, И. Никитина. В селе Спас-Клепики он закончил учительскую школу, в которой стали проявляться его поэтические наклонности. Там начался его творческий путь, проходивший под сильным влиянием народной поэзии, стихотворений Кольцова, Некрасова и так называемых «крестьянских» поэтов (И. Никитин, И. Суриков).

После окончания школы поэт отправился в Москву. Там он вскоре стал посещать литературно-музыкальный кружок имени И. Сурикова. С этого времени Есенин постепенно становится известным поэтом, который всем сердцем, нежно и трогательно любит жизнь. Ему дороги и одинокая собака, и дряхлая старая кошка, и каждая птица, и вся природа — от чёрной земли до солнца, луны, ветра, светящихся на небе таинственных и манящих звёзд. Он знает, как живут, что «думают» и «чувствуют» чибисы и коноплянки, берёзы и осины. Поэтому и свою собственную участь Есенин не отделяет от судьбы природы.

По Е. Наумову

Поэзия Есенина необыкновенно лирична. Вся она — искренний, душевный рассказ о своей жизни, о любви, о радостях и горестях, переживаниях, мечтах. Часто в стихах он обращается к самым близким людям — к матери и отцу, деду, сёстрам; поэт мысленно воссоздаёт картины родных мест — родительского дома, заливных приокских лугов, «той сельщины, где жил мальчишкой». При этом в стихотворных посланиях он настолько сливается с природой родных мест, что сам он узнается в старом клёне, который «стережёт голубую Русь».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Расскажите о детстве С. А. Есенина.
2. Какие темы затрагивает С. А. Есенин в своих стихотворениях?

ТОПИ ДА БОЛОТА...

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

1914

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какое время года изображено поэтом в стихотворении?
2. Какие слова использует поэт для описания родной природы?
3. Найдите слова, передающие звуки окружающего мира.
4. Почему автор называет свой край «забытый» и «родной»?
5. Выучите стихотворение наизусть.

СПИТ КОВЫЛЬ. РАВНИНА ДОРОГАЯ...

Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуйся, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

1925

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Можно ли сказать, что это стихотворение о любви к Родине? Докажите словами текста.
2. Почему автор называет запах полыни свинцовой свежестью?
3. Объясните, о какой теплыни в груди говорит автор.
4. Почему только родина может наполнить грудь теплыми чувствами?
5. Найдите в тексте и прочитайте слова, где автор говорит, что родину разлюбить нельзя.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО (1895— 1958)

На долю Михаила Зощенко выпала слава, редкая для человека литературной профессии. Ему понадобилось всего три-четыре года работы, чтобы в один прекрасный день вдруг ощутить себя знаменитым не только в писательских кругах, но и в совершенно не поддающейся учету массе читателей.

Журналы оспаривали право печатать его новые рассказы. Его книги, одна опережая другую, издавались и переиздавались чуть ли не во всех издательствах, а попав на прилавок, раскупалась с молниеносной быстротой. Почтальон приносил ему пачки писем. Ему названивали по телефону, не давали проходу на улицах, осаждали в гостиницах.

Он родился в семье небогатого художника-передвижника Михаила Ивановича Зощенко и Елены Иосифовны Суриной, за домашними заботами успевавшей печатать рассказы из жизни бедных людей в газете «Копейка».

Когда ему было 12 лет, умер отец, мать обивала пороги с просьбой о пособии для своих восьмерых детей.

М. Зощенко еще в гимназии мечтал о писательстве, но за невнесение платы он был отчислен из университета.

Он переменял множество занятий — контролер поездов, командир взвода в 1914 году, штабс-капитан, командир батальона, комендант Главного почтамта в Петрограде, пограничник в Стрельне, доброволец Красной Армии (из-за болезни сердца демобилизован), инструктор по кролиководству в совхозе, милиционер в Лигове, сапожник, конторщик, помощник бухгалтера в Петроградском порту. Это было время испытаний — голод, тиф, безработица. Зощенко хотел узнать, как живет и чем дышит прошедший через многовековое рабство народ, — и он это узнал. За несколько лет скитаний он увидел и услышал столько, сколько в спокойное время никогда бы не увидел и не услышал даже за пятьдесят лет.

К началу 20-х годов он знал о жизни, заботах, духовных и бытовых интересах своего будущего героя. И, что особенно важно, владел его языком. Зощенко был наделен абсолютным слухом и прекрасной памятью. Он замечал: «Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным. Может быть, поэтому у меня много читателей». Не мало ли для такого успеха? Не мало. Если принять во внимание тот «воздух», который содержат эти короткие фразы. «Воздух» — это громадная работа Зощенко над переводом просторечного говора в русло литературного языка.

Смех Зощенко, по-своему понятый начинающим читателем, окрашивал его трудную жизнь и вселял надежду, что все в конечном счете обернется к лучшему. Смеясь до упаду над зощенковскими рассказами, читатель шел к Зощенко за рецептом, как больной к доктору. Но «доктор» избегал принимать «больных». Он был малообщительный и невеселый человек. Он считал, что не смеяться над рассказами надо, а плакать. Зощенко был верным последователем гоголевского направления в литературе.

Своими рассказами Зощенко как бы призывал не бороться с людьми — носителями обывательских черт, а помогать им от этих обывательских черт избавляться. И еще — насколько возможно — облегчить их заботы по устройству сносного быта...

Зощенко оставил нам более тысячи рассказов и фельетонов, повести, пьесы, киносценарии, критические статьи и многое другое — всего около ста тридцати книг вышло при его жизни. Изучая наследие писателя, мы, конечно же, вспомним Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова, и, еще раз подивившись тому, сколь стойки и неуязвимы традиции классической русской сатиры, где смех никогда не был смехом стороннего, где за внешне веселой формой всегда стояло идущее от сердечной боли гражданское содержание, мы неминуемо приходим к мысли, что Зощенко, как и его великие предшественники, беззаветно верил в будущее своего народа, в его ум, трудолюбие и способность расстаться с тем, что мешает его историческому движению.

По Ю. Томашевскому

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чем объяснить то, что к Зощенко необычайно громкая слава пришла почти сразу после выхода его рассказов? Почему писатель считал, что над его рассказами надо не только смеяться, но и плакать? Каких писателей мы вспоминаем, размышляя над этим вопросом?
2. Прочитайте другие рассказы М. М. Зощенко и порассуждайте на тему о том, как писатель помогал людям избавляться от обывательских черт.

ЛЮБОВЬ

Вечеринка кончилась поздно.

Вася Чесноков, утомленный и вспотевший, с распорядительским бантом на гимнастерке, стоял перед Машенькой и говорил умоляющим тоном:

– Обождите, радость моя... Обождите первого трамвая. Куда же вы, ей-богу, в самом деле... Тут и посидеть-то можно, и обождать, и все такое, а вы идете... Обождите первого трамвая, ей-богу. А то и вы, например, вспотевши, и я вспотевши... Так ведь и захворать можно по морозу...

– Нет, – сказала Машенька, надевая калоши. – И какой вы кавалер, который даму не может по морозу проводить?

– Так я вспотевши же, – говорил Вася, чуть не плача.

– Ну одевайтесь!

Вася Чесноков покорно надел шубу и вышел с Машенькой на улицу, крепко взяв ее под руку.

Было холодно. Светила луна. И под ногами скрипел снег.

– Ах, какая вы беспокойная дамочка, – сказал Вася Чесноков, с восхищением рассматривая Машенькин профиль. – Не будь вы, а другая – ни за что бы не пошел провожать. Вот, ей-богу, в самом деле. Только из-за любви и пошел.

Машенька засмеялась.

– Вот вы смеетесь и зубки скалите, – сказал Вася, – а я действительно, Марья Васильевна, горячо вас обожаю и люблю. Вот скажите: лягте, Вася Чесноков, на трамвайный путь, на рельсы, и лежите до первого трамвая – и лягу. Ей-богу...

– Да бросьте вы, – сказала Машенька, – посмотрите лучше, какая чудная красота вокруг, когда луна светит. Какой красивый город по ночам! Какая чудная красота!

– Да, замечательная красота, – сказал Вася, глядя с некоторым изумлением на облупленную штукатурку дома. – Действительно, очень красота... Вот и красота тоже, Марья Васильевна, действует, ежели действительно питаешь чувства... Вот многие ученые и партийные люди отрицают чувства любви, а я, Марья Васильевна, не отрицаю. Я могу питать к вам чувства до самой моей смерти и до самопожертвования. Ей-богу... Вот скажите: ударюсь, Вася Чесноков, затылком об тую стенку – ударюсь.

– Ну, поехали, – сказала Машенька не без удовольствия.

– Ей-богу, ударюсь. Желаете?

Парочка вышла на Крюков канал.

– Ей-богу, – снова сказал Вася, – хотите вот – брошусь в канал? А, Марья Васильевна? Вы мне не верите, а я могу доказать...

Вася Чесноков взялся за перила и сделал вид, что лезет.

– Ах! – закричала Машенька. – Вася! Что вы!

Какая-то мрачная фигура вынырнула вдруг из-за угла и остановилась у фонаря.

– Чего разорались? – тихо сказала фигура, подробно осматривая парочку.

Машенька в ужасе вскрикнула и прижалась к решетке.

Человек подошел ближе и потянул Васю Чеснокова за рукав.

– Ну ты, мымра, – сказал человек глухим голосом. – Скидавай пальто. Да живо. А пикнешь – стукну по балде, и нету тебя. Понял, сволочь? Скидавай!

– Па-па-па, – сказал Вася, желая этим сказать: позвольте, как же так?

– Ну! – Человек потянул за борт шубы.

Вася дрожащими руками расстегнул шубу и снял.

– И сапоги тоже сымай! – сказал человек. – Мне и сапоги требуются.

– Па-па-па, – сказал Вася, – позвольте... мороз...

– Ну!

– Даму не трогаете, а меня – сапоги снимай, – проговорил Вася обидчивым тоном, – у ей и шуба, и калоши, а я сапоги снимай.

Человек спокойно посмотрел на Машеньку и сказал:

– С ее снимешь, понесешь узлом – и засыпался. Знаю, что делаю. Снял?

Машенька в ужасе глядела на человека и не двигалась. Вася Чесноков присел на снег и стал расшнуровывать ботинки.

– У ей и шуба, – снова сказал Вася, – и калоши, а я отдувайся за всех...

Человек напялил на себя Васину шубу, сунул ботинки в карманы и сказал:

– Сиди и не двигайся и зубами не колоти. А ежели крикнешь или двинешься – пропал. Понял, сволочь? И ты, дамочка...

Человек поспешно запахнул шубу и вдруг исчез.

Вася обмяк, скис и кулем сидел на снегу, с недоверием посматривая на свои ноги в белых носках.

– Дождались, – сказал он, со злобой взглянув на Машеньку. – Я же ее провожай, я и имущества лишайся. Да?

Когда шаги грабителя стали совершенно неслышны, Вася Чесноков заерзал вдруг ногами по снегу и закричал тонким, пронзительным голосом:

– Караул! Грабят!

Потом сорвался с места и побежал по снегу, в ужасе подпрыгивая и дергая ногами. Машенька осталась у решетки.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Кратко передайте содержание рассказа.
2. Какова его основная мысль?
3. Дайте оценку поведению главного персонажа — Васи.
4. Подумайте, почему рассказ М. Зощенко «Любовь» — юмористический. Соответствует ли название содержанию рассказа?
5. Обратите внимание на язык персонажей (Васи и грабителя). Дайте ему оценку.

ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ КАТАЕВ

(1897 — 1986)

Родился в 1897 году в городе Одесса. Его семья была очень образована и имела большую библиотеку. Все это сыграло свою роль в жизни Катаева. Как он сам заявил, что писать начал с 9 лет, и был точно уверен, что станет писателем. Язык Одессы стал литературным языком, а город - главным героем его творчества. В 1910 году местный журнал напечатал его первое стихотворение.

За время участие в Первой мировой войне Катаев получил не только ранения, но и был отмечен двумя наградами с надписью: "За храбрость".

В послевоенное время Катаев знакомится с Иваном Буниным. И именно он стал его учителем и наставником в литературной деятельности.

Далее последовала Гражданская война, в которой Валентин Катаев принимал непосредственное добровольное участие. В отличие от других заговорщиков, Валентин Петрович отделался легко - переболел тифом, и вскорости за свою деятельность ему пришлось провести в тюрьме полгода.

В 1921 году перебравшись в Харьков, устроился работать в местную газету. Далее работал сатириком, сотрудничая с московскими газетами. В 1936 году была опубликована повесть "Белеет парус одинокий", благодаря которой он получил известность. В годы Второй мировой войны работал военным корреспондентом. Написал много статей, очерков, стихов.

В 1955 году был основан им журнал "Юность". В нем он публиковал молодых и неизвестных прозаиков и поэтов.

В 1978 году была опубликована книга воспоминаний "Алмазный мой венец".

Писатель много публиковал для детей. А такие повести, как «Сын полка» и «Белеет парус одинокий», рассказы «Цветик - семицветик», «Дудочка и кувшинчик» были экранизированы и просмотрены миллионными зрителями.

В. П. Катаев прожил долгую жизнь, и скончался в возрасте 90 лет 12 апреля 1986 года в Москве. Валентин Петрович был отмечен неоднократно наградами и премиями. В Одессе находится несколько скульптур, посвящённых персонажам повестей Катаева.

Валентин Петрович Катаев во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом газет «Правда» и «Красная звезда». Он прошел и проехал тысячи километров фронтовых дорог. Война принесла нашей стране много горя. О судьбе деревенского мальчика Вани Солнцева вы узнаете, прочитав повесть «Сын полка». Война отняла у него все: родных и близких, дом — и само детство.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вы узнали из вступительной статьи о жизни писателя?
2. Кратко передайте содержание.

СЫН ПОЛКА

(в сокращении)

Первая глава

Была самая середина глухой осенней ночи. В лесу было сыро и холодно. Из черных лесных болот, заваленных мелкими коричневыми листьями, поднимался густой туман.

Лес был смешанный. То в полосе лунного света показывался непроницаемо черный силуэт громадной ели, похожий на многоэтажный терем; то вдруг в отдалении появлялась белая колоннада берез, то на прогалине, на фоне белого, лунного неба, распавшегося на куски, как простокваша, тонко рисовались голые ветки осин, уныло окруженные радужным сиянием.

И всюду, где только лес был пореже, лежали на земле белые холсты лунного света.

Но меньше всего в этот глухой, мертвый час думали о красоте полесской чащи три солдата, возвращавшиеся с разведки.

Больше суток провели они в тылу у немцев, выполняя боевое задание. А задание это заключалось в том, чтобы найти и отметить на карте расположение неприятельских сооружений.

Работа была трудная, очень опасная. Почти все время пробирались ползком. Один раз часа три подряд пришлось неподвижно пролежать в болоте — в холодной, вонючей грязи, накрывшись плащ-палатками, сверху засыпанными желтыми листьями.

Обедали сухарями и холодным чаем из фляжек.

Вчера вечером, когда они вышли в разведку, здесь еще были глубокие немецкие тылы. Но обстановка изменилась. Днем, после боя, немцы отступили. И теперь здесь, в этом лесу, по-видимому, было пусто. Но это могло только так казаться. Возможно, что немцы оставили здесь своих автоматчиков. Каждую минуту можно было наскочить на засаду. Но разведчики — хотя их было только трое — не боялись засады. Они были осторожны, опытные и в любой миг готовы принять бой. У каждого был автомат, много патронов и по четыре ручные гранаты. Но в том-то и дело, что бой принимать нельзя было никак. Задача заключалась в том, чтобы как можно тише и незаметнее перейти на свою сторону и поскорее доставить командиру взвода управления драгоценную карту с засеченными немецкими батареями. От этого в значительной степени зависел успех завтрашнего боя.

Все вокруг было необыкновенно тихо.

Звук, который привлек внимание сержанта Егорова — такова была фамилия старшего, казался очень странным. Несмотря на всю свою опытность, Егоров никак не мог понять его характер и значение.

«Что бы это могло быть?» — думал Егоров, напрягая слух и быстро перебирая в уме все подозрительные звуки, которые ему когда-либо приходилось слышать в ночной разведке.

Странный, тихий, ни на что не похожий прерывистый звук слышался где-то совсем недалеко, направо, за кустом можжевельника. Было похоже, что звук выходит откуда-то из-под земли.

Разведчики стали слушать.

— Слышать? — одними губами спросил Егоров.

— Слышать, — так же беззвучно ответил один из солдат.

Некоторое время они втроем стояли и слушали, положив пальцы на спусковые крючки автоматов. На один миг они вдруг изменили свой характер. Всем троим показалось, что они слышат выходящее из земли пение.

Тогда Егоров ... взял в рот кинжал и пополз, бесшумно подтягиваясь на локтях, по-пластунски.

Через минуту он скрылся за темным кустом можжевельника, а еще через минуту, которая показалась долгой, как час, разведчики услышали тонкое посвистывание. Оно обозначало, что Егоров зовет их к себе. Они поползли и скоро увидели сержанта, который стоял на коленях, заглядывая в небольшой окопчик, скрытый среди можжевельника.

Из окопчика явственно слышалось бормотание, всхлипывание, сонные стоны. Егоров опустил в окоп руку с электрическим фонариком.

Картина, которую они увидели, была проста и вместе с тем ужасна.

В окопчике спал мальчик.

Стиснув на груди руки, поджав босые, темные, как картофель, ноги, мальчик лежал в зеленой вонючей луже и тяжело бредил во сне. Его непокрытая голова, заросшая давно не стриженными грязными волосами, была неловко откинута назад. Худенькое горло вздрагивало. Слышалось бормотание, обрывки неразборчивых слов, всхлипывание. Выпуклые веки закрытых глаз были нездорового, малокровного цвета. Они казались почти голубыми, как снятое молоко. Короткие, но густые ресницы слиплись стрелками. Лицо было покрыто царапинами и синяками. На переносице виднелся сгусток запекшейся крови.

Мальчик спал, и по его измученному лицу судорожно пробегали отражения кошмаров, которые преследовали мальчика во сне.

Но вдруг мальчика как будто ударило изнутри, подбросило. Он проснулся, вскочил, сел. Его глаза дико блеснули. В одно мгновение он выхватил откуда-то большой отточенный гвоздь. Ловким, точным движением Егоров успел перехватить горячую руку мальчика и закрыть ему ладонью рот.

— Тише. Свои, — шепотом сказал Егоров.

Только теперь мальчик заметил, что шлемы солдат были русские, автоматы — русские, плащ-палатки — русские, и лица, наклонившиеся к нему, — тоже русские, родные.

Радостная улыбка бледно вспыхнула на его истощенном лице. Он хотел что-то сказать, но сумел произнести только одно слово:

— Наши...

И потерял сознание.

Четвертая глава

... Ваня Солнцев, поджав под себя босые ноги, сидел на еловых ветках в палатке разведчиков и ел из котелка большой деревянной ложкой необыкновенно горячую и необыкновенно вкусную крошёнку¹ из картошки, лука, свиной тушенки, перца, чеснока и лаврового листа.

Изредка его синие, как бы немного полинявшие от истощения глаза с

робким извинением поглядывали на кормивших его солдат.

Их было в палатке двое: те самые разведчики, которые вместе с сержантом Егоровым подобрали его в лесу. Один — костистый великан с добродушным щербатым ртом и непомерно длинными, как грабли, руками, по прозвищу «шкелет», ефрейтор Биденко, а другой — тоже ефрейтор и тоже великан, вернее сказать, не великан, а богатырь: гладкий, упитанный, круглолицый сибиряк Горбунов, по прозвищу Чалдон.

Ваня ел, облизывал ложку, клал в рот большие куски мягкого солдатского хлеба, с кисленькой каштановой корочкой, и ему казалось, что он уже давно живет в палатке у этих добрых великанов. Даже как-то не верилось, что еще совсем недавно — вчера — он пробирался по страшному, холодному лесу один во всем мире, ночью, голодный, больной, затравленный, как волчонок, не видя впереди ничего, кроме гибели.

Ему не верилось, что позади было три года нищеты, унижения, постоянного гнетущего страха, ужасной душевной подавленности и пустоты.

Впервые за эти три года Ваня находился среди людей, которых не надо было опасаться.

Разведчики славились боевыми делами, известными далеко за пределами своей части. Никто не мог сравниться с ними в дерзости и мастерстве разведки.

Воевали они геройски.

Зато и отдыхать после своей тяжелой и опасной работы привыкли толково.

Нынче отдыхали Горбунов и Биденко, закадычные дружки и постоянные напарники. И, хотя с утра шел бой, оба разведчика безмятежно наслаждались вполне заслуженным отдыхом в обществе Вани, которого они уже успели полюбить и даже дать ему прозвище «пастушок».

Действительно, в своих коричневых домотканых портках², крашенных луковичной шелухой, в рваной кацавейке³, с торбой⁴ через плечо, босой, простоволосый мальчик как нельзя больше походил на пастушонка, каким его изображали в старых букварях. Даже лицо его — темное, сухощавое, с красивым прямым носиком и большими глазами, были точь-в-точь как у деревенского пастушка.

В это время... в палатку, нагнувшись, вошел сержант Егоров.

—Горбунов!

—Я.

—Собирайся. Только что в пехотной цепи Кузьминского убило. Заступишь на его место.

Только теперь сержант Егоров заметил Ваню; мальчик ожидал увидеть улыбку и сам приготовился улыбнуться. Но сержант Егоров строго взглянул на него, и Ваня почувствовал, что случилось что-то неладное.

—Командир батареи приказал отправить мальчика в тыл. Доставишь его с попутной машиной во второй эшелон фронта. Там сдашь коменданту под расписку... Нечего ему у нас болтаться. Не положено.

Ваня стоял маленький, огорченный, растерянный. Три года жизни Ваня, как бродячая собака, без дома, без семьи... Наконец он нашел добрых, хороших людей, которые его спасли, обогрели, накормили, полюбили. И в этот самый миг, когда, казалось, все стало так замечательно все рассеялось, как туман.

—Дяденька, — сказал он, глотая слезы и осторожно тронув Биденко за шинель, — дяденька! Слушайте, не везите меня. Не надо.

—Приказано.

Мальчик понял, что все кончено.

Тогда вдруг в душе мальчика заговорила гордость. Лицо его стало злым. Оно как будто сразу похудело. Маленький подбородок вздернулся, глаза упрямо сверкнули исподлобья. Зубы сжались.

—А я не поеду, — сказал мальчик дерзко.

—Небось поедешь, — добродушно сказал Биденко. — Ишь ты, какой злоющий. Посажу тебя в машину и повезу — так поедешь.

—А я все равно убегу.

—Ну, брат, это вряд ли. От меня еще никто не убежал.

Биденко легонько взял мальчика за рукав, но мальчик сердито вырвался:

—Не трожьте, я сам.

И, цепко перебирая босыми ногами, вышел из палатки в лес.

¹ *Крошёнка* - пицца из крошенных кусочков.

² *Портки* — штаны.

³ *Кацавэйка* — короткая кофта.

⁴ *Торба* — мешок, сума.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Найдите в тексте описание полесской чащи. С чем сравнивается ель, береза, лунное небо?
2. Почему не замечали красоту природы три солдата? Какое боевое задание они выполняли?
3. Какие звуки привлекли внимание опытных разведчиков в лесу?
4. Кого увидели разведчики в окопчике? Как выглядел Ваня?
5. Почему командир батареи хотел отправить Ваню в тыл? Согласился ли Ваня с его решением? Ответ подтвердите словами из текста повести.

Шестая глава

Едва грузовик, позванивая пустыми гильзами и подпрыгивая по корням, проехал по лесу километров пять, как Ваня вдруг схватился руками за высокий борт, сделал отчаянное лицо и сиганул из машины, кувыркнувшись в мох.

Пока водитель тормозил разогнавшуюся машину, Биденко увидел, как мальчик вскочил на ноги и, подхватив свою торбу, побежал что есть мочи в лес.

— Ну, погоди, чертенок! — сердито сказал Биденко и, попросив водителя чуток подождать, отправился в лес за Ваней.

Он не сомневался, что поймает мальчика очень скоро. В самом деле, много ли труда стоило старому, опытному разведчику отыскать в лесу убежавшего мальчишку? Смешно об этом и говорить.

На всякий случай покричав во все стороны, ефрейтор Биденко приступил к поискам по всем правилам военной науки.

По правде сказать, ему не хотелось отвозить мальчика в тыл. Уж очень ему нравился этот синеглазый, заросший русыми волосами, худенький,

вежливый и вместе с тем гордый, а временами даже и злой парнишка, настоящий «пастушок».

«Смелый, чертенок! Ничего не боится. Настоящий солдат, — думал Биденко. — Жалко, очень жалко его отвозить. Да ничего не поделаешь. Приказано».

Размышляя таким образом, разведчик все шел да шел, углубляясь в лес. По его расчетам, он уже давно должен был встретить мальчика. Но мальчик не показывался.

Нигде не было ни малейших его следов.

Биденко ломал себе голову над необъяснимым отсутствием всяких следов мальчика.

Он посмотрел на часы и увидел, что ищет мальчика уже больше двух часов. Тогда ему стало ясно, что мальчик ушел, что его уже не вернешь.

Он отыскал в лесу подходящий пенек и сел на него. Вдруг что-то зашуршало по веткам, и сверху ему на голову свалился какой-то предмет.

Ему показалось, что это какая-то птица. Но, посмотрев, Биденко ахнул. Это был тот самый старый букварь без переплета, который носил в своей торбе пастушок.

Тогда Биденко посмотрел вверх и увидел на самой верхушке, среди зеленых ветвей, знакомые коричневые домотканые портки, из которых торчали босые ноги, грязные, как картошка.

В тот же миг Биденко был уже на дереве.

Ваня не шевелился. Биденко подтянулся к нему на руках и увидел, что мальчик спит. Он сидел верхом на желто-розовом смолистом суку, обняв тоненький чешуйчатый лиловый ствол, и, прислонив к нему голову, спал глубоким детским сном.

Биденко сразу понял все. Пастушок обвел его вокруг пальца самым невинным и самым простым образом. Вместо того чтобы бегать от разведчика по всему лесу, Ваня поступил наоборот: взобрался на высокое дерево и решил пересидеть суматоху, а потом спокойно спуститься вниз и уйти своей дорогой. Если бы не букварь, упавший из распоровшейся торбы, несомненно так бы оно и было.

«Ах, хитрый! Ничего не скажешь — силен!» — с восхищением подумал Биденко, любуясь Ваней.

Биденко осторожно и крепко обнял мальчика за плечи, близко взглянул в его спящее лицо и ласково сказал:

—Пойдем-ка, брат пастушок, вниз.

Ваня быстро открыл глаза, увидел солдата, рванулся. Но Биденко держал его крепко.

Мальчик сразу понял, что ему не вырваться.

—Ладно уж, — сказал сумрачным голосом, хрипловатым со сна.

Девятая глава

Солдат вывел лошадей на улицу через ворота и поставил их перед калиткой.

—Дяденька! — услышал он вдруг чей-то голос.

Он повернулся и увидел Ваню, который стоял перед ним, вытянув руки по швам, и не мигая смотрел синими глазами.

—Разрешите обратиться, — сказал Ваня, стараясь как можно больше походить на солдата.

—Ну что ж, обратись, — сказал капитан весело.

—Дяденька, вы начальник?

—Да. Командир. А что?

—А вы над кем командир?

—Над батареей командир. Над солдатами своими командир. Над пушками своими.

—А над капитанами вы тоже командир?

—Над капитанами я не командир.

Глубокое разочарование отразилось на лице мальчика.

—А я думал, вы и над капитанами командир!

—Для чего тебе это?

—Надо.

—Ну, все-таки?

—Если вы над капитанами не командир, то и толковать нечего. Мне, дяденька, надо такого командира, чтобы он мог всем капитанам приказывать.

—А что надо всем капитанам приказывать? Это интересно.

—Всем капитанам не надо приказывать. Одному только Енакиеву, капитану. Он над разведчиками командует. Он у них самый старший. Ух, дяденька, и сердитый же их капитан! Прямо беда.

—А ты видел когда-нибудь этого сердитого капитана?

—То-то и беда, что не видел.

—А он тебя видел?

—И он меня не видел. Он только приказал меня в тыл отвезти и коменданту сдать.

Офицер прищурился и с любопытством посмотрел на мальчика:

—Постой. Погоди... Звать-то тебя как?

—Меня-то? Ваня.

—Просто — Ваня? — улыбнулся офицер.

—Ваня Солнцев, — поправился мальчик.

—Пастушок?

—Верно! — с изумлением воскликнул Ваня. — Меня разведчики пастушком прозвали. А вы почему знаете?

—Я, брат, все знаю. А скажи-ка мне, друг любезный, как ты здесь очутился, если капитан Енакиев приказал отвезти тебя в тыл?

—А я убежал. Я два раза от Биденко убегал. Сначала я убежал, да он меня нашел. А уж потом я так убежал, что он меня уж и не нашел.

—Что-то мне не верится, чтобы ты убежал от Биденко. Не такой он человек. По-моему, голубь, ты что-то сочиняешь. А?

—Никак нет, — сказал Ваня, вытягиваясь. — Ничего не сочиняю. Истинная правда.

—Слышал, Соболев? — обратился капитан к своему коневоду, который с живейшим интересом слушал разговор своего командира с мальчишкой.

—Так точно, слышал.

—И что же ты скажешь? Может это быть, чтобы мальчик убежал от Биденко?

— Да никогда в жизни! — воскликнул Соболев. — От Биденко ни один взрослый не убежит, а не то что этот пистолет.

Ваня даже побледнел от обиды.

— С места не сойти! — твердо сказал он и метнул на коневода взгляд, полный холодного презрения и достоинства.

Потом он стал быстро-быстро рассказывать, как он обхитрил старого разведчика. Капитан не стал более сдерживаться. Он смахнул перчаткой слезы, выступившие на глазах, и захохотал.

Когда же Ваня стал рассказывать о встрече с военным мальчиком, капитан Енакиев вдруг помрачнел, задумался, стал грустным.

— Они меня, говорит, за своего сына приняли, — возбужденно рассказывал Ваня про военного мальчика, — я у них теперь, говорит, сын полка. Потому что я своим, говорит, показался. А ты своим, говорит, верно, не показался. Только он это врет, дяденька, что будто я своим не показался. Я-то своим показался. Верно говорю. Они меня жалели. Да только они ничего поделать не могли против капитана Енакиева.

— Что ж, выходит дело, что ты всем «показался», только одному капитану Енакиеву «не показался»?

— Да, дяденька, — сказал Ваня, виновато мигая ресницами. — А он меня даже ни разу и не видел. Разве это можно судить человека, не выдавши? Кабы он меня разок посмотрел, может быть, я бы ему тоже показался. Верно, дяденька?

— Ты так думаешь? — сказал капитан усмехнувшись. — Ну, да ладно. Поглядим.

Он решительно поставил ногу в стремя и сел на лошадь.

— На лошади удержишься?.. А ну-ка, Соболев, бери его к себе.

И не успел Ваня моргнуть, как сильные руки коневода подхватили его с земли и посадили впереди себя на лошади.

— К разведчикам! — скомандовал капитан Енакиев, и они помчались галопом.

— От Биденко ушел, а от меня, брат, не уйдешь, — сказал ординарец, крепко, но осторожно прижимая к себе мальчика.

— А я сам не хочу, — сказал Ваня весело.

Он чувствовал, что в его судьбе происходит какая-то очень важная, счастливая перемена.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чем Ваня полюбился разведчикам?
2. Расскажите, как Биденко отвозил Ваню Солнцева в тыл. Чем закончилась эта история?
3. Перечитайте по ролям разговор Вани с неизвестным командиром. На что надеялся Ваня, разговаривая с командиром?
4. Кем оказался командир? Как проявлялась симпатия капитана Енакиева к Ване?
5. Прочитайте повесть «Сын полка» полностью.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШОЛОХОВ

(1905 — 1984)

Михаил Александрович Шолохов родился в семье казачки и «иногороднего» (отец его был выходцем из Рязанской губернии, сеял хлеб на покупной казачьей земле). Он окончил церковно-приходскую школу и гимназию, участвовал в гражданской войне.

В 1922 году М. Шолохов приехал в Москву, работал грузчиком, чернорабочим. В газете «Юношеская правда» был опубликован его первый рассказ «Родинка», где в изображении событий гражданской войны воплощен мотив отцовства. В 1926 году вышли его сборники «Донские рассказы» и «Лазоревая степь», принесшие первую литературную известность. Среди них рассказы «Нахалёнок», «Жеребенок», «Чужая кровь».

«Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека» — крупные произведения писателя.

Во время Великой Отечественной войны М.А. Шолохов, работая военным корреспондентом газеты «Правда», создал новый роман «Они сражались за Родину».

Рассказ «Судьба человека» (1956 - 1957) стал заметным явлением в литературе. Трагическая история жизни взята в ее связи с событиями войны - историческими испытаниями в жизни народа, государства и отдельного человека. Из жизни Соколова автор отбирает только то, что дает возможность осмыслить человеческую судьбу в связи с трагическими событиями. Судьба Андрея Соколова воплощает не только страшное зло войны, сквозной жизнеутверждающий мотив рассказа вера в доброе, человеческое, утверждение подвига.

В 1965 году Михаилу Александровичу была присуждена Нобелевская премия.

Его произведения неоднократно инсценировались и экранизировались. Произведения писателя переведены на многие иностранные языки.

Вклад писателя в мировое искусство определяется прежде всего тем, что в его романах, рассказах впервые в истории мировой литературы трудовой народ предстает во всем богатстве типов и характеров, в такой полноте социальной, нравственной, эмоциональной жизни, которая ставит их в ряд неумирающих образов мировой литературы.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите даты жизни М. Шолохова.
2. В какой семье родился писатель?
3. Что больше всего привлекло в биографии М. А. Шолохова? Расскажите об этом.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону на редкость дружная и напористая. В конце марта из Приазовья подули теплые ветры, и уже через двое суток начисто оголились пески левобережья Дона, в степи вспухли набитые снегом лога и балки, взломав лед, бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны.

В эту недобрую пору бездорожья мне пришлось ехать в станицу Букановскую. И расстояние небольшое — всего лишь около шестидесяти километров, — но одолеть их оказалось не так-то просто. Мы с товарищем выехали до восхода солнца...

Только часов через шесть покрыли расстояние в тридцать километров, подъехали к переправе через речку Еланку...

Неподалеку, на прибрежном песке, лежал поваленный плетень. Я присел на него, хотел закурить, но сунув руку в правый карман ватной стеганки, к великому огорчению, обнаружил, что пачка «Беломора» совершенно размокла. Во время переправы волна хлестнула через борт низко сидевшей лодки, по пояс окатила меня мутной водой. Тогда мне некогда было думать о папиросах, надо было, бросив весло, побыстрее вычерпывать воду, чтобы лодка не затонула, а теперь, горько досадуя на свою оплошность, я бережно извлек из кармана раскисшую пачку, присел на корточки и стал по одной раскладывать на плетне влажные, побуревшие папиросы.

...Вскоре я увидел, как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вел за руку маленького мальчика, судя по росту — лет пяти-шести, не больше. Они устало брели по направлению к переправе, но, поравнявшись с машиной, повернули ко мне. Высокий, сутуловатый мужчина, подойдя вплотную, сказал приглушенным баском:

— Здорово, браток!

— Здравствуй. — Я пожал протянутую мне большую, черствую руку.

Мужчина наклонился к мальчику, сказал:

— Поздоровайся с дядей, сынок. Он, видать, такой же шофер, как и твой папанька. Только мы с тобой на грузовой ездили, а он вот эту маленькую машину гоняет.

Глядя мне прямо в глаза светлыми, как небушко, глазами, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело протянул мне розовую холодную ручонку. Я легонько потряс ее, спросил:

— Что же это у тебя, старик, рука такая холодная? На дворе теплынь, а ты замерзаешь?

С трогательной детской доверчивостью малыш прижался к моим коленям, удивленно приподнял белесые бровки.

— Какой же я старик, дядя? Я вовсе мальчик, и я вовсе не замерзаю, а руки холодные — снежки катал, потому что.

Сняв со спины тощий вещевой мешок, устало присаживаясь рядом со мною, отец сказал:

— Беда мне с этим пассажиром. Через него и я подбился. Широко шагнешь он уже на рысь переходит, вот и изволь к такому пехотинцу принаравливаться. Там, где мне надо раз шагнуть, — я три раза шагаю, так и

идем с ним враздробь, как конь с черепахой. А тут ведь за ним глаз да глаз нужен. Чуть отвернешься, а он уже по лужине бредет или леденику отломит и сосет вместо конфеты. Нет, не мужчинское это дело с такими пассажирами путешествовать, да еще походным порядком...

...Мы закурили крепчайшего самосада и долго молчали. Я хотел было спросить, куда он идет с ребенком, какая нужда его гонит в такую распутицу, но он опередил меня вопросом:

— Ты что же, всю войну за баранкой?

— Почти всю.

— На фронте?

— Да.

— Ну, и мне там пришлось, браток, хлебнуть горяшка по ноздри и выше.

Он положил на колени большие темные руки, сгорбился. Я сбоку взглянул на него, и мне стало что-то не по себе... Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника.

Выломав из плетня сухую искривленную хворостинку, он с минуту молча водил ею по песку, вычерчивая какие-то замысловатые фигуры, а потом заговорил:

— Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: «За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказила?» Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... Нету и не дождусь! — И вдруг спохватился: ласково подталкивая сынишку, сказал: — Пойди, милоч, поиграйся возле воды, у большой воды для ребятишек всегда какая-нибудь добыча найдется. Только, гляди, ноги не промочи!

Еще когда мы в молчании курили, я, украдкой рассматривая отца и сынишку, с удивлением отметил про себя одно, странное на мой взгляд, обстоятельство. Мальчик был одет просто, но добротнo: и в том, как сидела на нем подбитая легкой, поношенной цигейкой длиннополая курточка, и в том, что крохотные сапожки были сшиты с расчетом надевать их на шерстяной носок, и очень искусный шов на разорванном когда-то рукаве курточки — все выдавало женскую заботу, умелые материнские руки. А отец выглядел иначе: прожженный в нескольких местах ватник был небрежно и грубо заштопан, латка на выношенных защитных штанах не пришита как следует, а скорее наживлена широкими, мужскими стежками; на нем были почти новые солдатские ботинки, но плотные шерстяные носки изъедены молью, их не коснулась женская рука... Еще тогда я подумал: «Или вдовец, или живет не в ладах с женой».

Но вот он, проводив глазами сынишку, глухо покашлял, снова заговорил, и я весь превратился в слух.

— Поначалу жизнь моя была обыкновенная. Сам я уроженец Воронежской губернии, с тысяча девятьсотого года рождения. В гражданскую войну был в Красной Армии, в дивизии Киквидзе. В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестренкой дома померли от голода. Остался один. Родни — хоть шаром покати, — нигде, никого, ни одной души. Ну, через год вернулся с Кубани,

хатенку продал, поехал в Воронеж. Поначалу работал в плотницкой артели, потом пошел на завод, выучился на слесаря. Вскорости женился. Жена воспитывалась в детском доме. Сиротка. Хорошая попалась мне девка! Смирная веселая, угодливая и умница, не мне чета. Она с детства узнала, почему фунт лиха стоит, может, это и сказалось на ее характере. Со стороны глядеть — не так уж она была из себя видная, но ведь я-то не со стороны на нее глядел, а в упор. И не было для меня красивее и желанней ее, не было на свете и не будет!

Придешь с работы усталый, а иной раз и злой, как черт. Нет, на грубое слово она тебе не нагубит в ответ. Ласковая, тихая, не знает, где тебя усадить, бьется, чтобы и при малом недостатке сладкий кусок тебе сготовить. Смотришь на нее и отходишь сердцем, а спустя немного обнимешь ее, скажешь: «Прости, милая Иринка, нахамил я тебе. Понимаешь, с работой у меня нынче не заладилось» ...

Приходилось кое-когда после получки и выпивать с товарищами...

И опять же ни тебе упрёка, ни крика, ни скандала... Да разве же можно не оправдать такого доверия?

Вскорости дети у нас пошли. Сначала сынишка родился, через год еще две девочки... Тут я от товарищей откололся. Всю получку домой несую.

В двадцать девятом году завлекли меня машины. Изучил автодело, сел за баранку на грузовой. Потом втянулся и уже не захотел возвращаться на завод. За рулем показалось мне веселее. Так и прожил десять лет и не заметил, как они прошли. Прошли как будто во сне. Да что десять лет! Спроси у любого пожилого человека — приметил он, как жизнь прожил? Ни черта он не приметил! Прошлое — вот как та дальняя степь в дымке. Утром я шел по ней, все было ясно кругом, а отшагал двадцать километров, и вот уже затянула степь дымка, и отсюда уже не отличишь лес от бурьяна, пашню от травокоса...

Работал я эти десять лет и день и ночь. Зарабатывал хорошо, и жили мы не хуже людей. И дети радовали: все трое учились на «отлично», а старшенький, Анатолий, оказался таким способным к математике, что про него даже в центральной газете писали. Откуда у него проявился талант к этой науке, я и сам, браток, не знаю. Только очень мне это было лестно, и гордился я им, страсть как гордился!

За десять лет скопили мы немного деньжонок и перед войной поставили тебе домишко об двух комнатах, с кладовкой и коридорчиком. Ирина купила двух коз. Чего еще больше надо? Дети кашу едят с молоком, крыша над головою есть, одеты, обуты, стало быть, все в порядке. Только построился я неловко. Отвели мне участок в шесть соток неподалеку от авиазавода. Будь моя хибарка в другом месте, может, и жизнь сложилась бы иначе...

А тут вот она, война. На второй день повестка из военкомата, а на третий — пожалуйста в эшелон. Провожали меня все четверо моих: Ирина, Анатолий и дочери — Настенька и Олюшка...

— Оторвался я от Ирины, взял ее лицо в ладони, целую, а у нее губы как лед. С детишками попрощался, бегу к вагону, уже на ходу вскочил на подножку. Поезд взял с места тихо-тихо; проезжать мне — мимо своих. Гляжу, детишки мои осиротелые в кучку сбились, руками мне машут, хотят улыбаться, а оно не выходит. А Ирина прижала руки к груди; губы белые как мел, что-то она ими шепчет, смотрит на меня, не сморгнет, а сама вся вперед клонится,

будто хочет шагнуть против сильного ветра... Такой она и в памяти мне на всю жизнь осталась: руки, прижатые к груди, белые губы и широко раскрытые глаза, полные слез... По большей части такой я ее и во сне всегда вижу... Зачем я ее тогда оттолкнул?..

Только не пришлось мне и года повоевать... Два раза за это время был ранен, но оба раза по легости: один раз — в мякоть руки, другой — в ногу; первый раз — пулей с самолета, другой — осколком снаряда. Дырявил немец мою машину и сверху и с боков, но мне, браток, везло на первых порах. Везло-везло, да и довезло до самой ручки... Попал я в плен под Лозовеньками в мае сорок второго года при таком неловком случае: немец тогда здорово наступал, и оказалась одна наша стодвадцатидвухмиллиметровая гаубичная батарея почти без снарядов; нагрузили мою машину снарядами по самую завязку, и сам я на погрузке работал так, что гимнастерка к лопаткам прикипала. Надо было сильно спешить потому, что бой приближался к нам: слева чьи-то танки гремят, справа стрельба идет, впереди стрельба, и уже начало попахивать жареным...

Командир нашей автороты спрашивает: «Проскочишь, Соколов?» А тут и спрашивать нечего было. Там товарищи мои, может, погибают, а я тут чухаться буду? «Какой разговор! — отвечаю ему. — Я должен проскочить, и баста!» «Ну, — говорит, — дуй! Жми на всю железку!»

...И до батареи остался какой-нибудь километр, уже свернул я на проселок, а добраться до своих мне, браток, не пришлось... Видно, из дальнобойного тяжелый положил он мне возле машины. Не слышал я ни разрыва, ничего, только в голове будто что-то лопнуло, и больше ничего не помню. Как остался я живой тогда — не понимаю, и сколько времени пролежал метрах в восьми от кювета — не соображу. Очнулся, а встать на ноги не могу: голова у меня дергается, всего трясет, будто в лихорадке, в глазах темень, в левом плече что-то скрипит и похрустывает, и боль во всем теле такая, как, скажи, меня двое суток подряд били чем попадя. Долго я по земле на животе елозил, но кое-как встал. Однако опять же ничего не пойму, где я и что со мной стряслось. Память-то мне начисто отшибло. А обратно лечь боюсь. Боюсь, что лягу и больше не встану, помру. Стою и качаюсь из стороны в сторону, как тополь в бурю.

Когда пришел в себя, опомнился и огляделся как следует, — сердце будто кто-то плоскогубцами сжал: кругом снаряды валяются, какие я вез, неподалеку моя машина, вся в клочья побитая, лежит вверх колесами, а бой-то, бой-то уже сзади меня идет... Это как?

Нечего греха таить, вот тут-то у меня ноги сами собою подкосились, и я упал как срезанный, потому что понял, что я — в плену у фашистов. Вот как оно на войне бывает...

Ну, вот, стало быть, лежу я и слышу: танки гремят. Четыре немецких средних танка на полном газу прошли мимо меня туда, откуда я со снарядами выехал... Каково это было переживать? Потом тягачи с пушками потянулись, полевая кухня проехала, потом пехота пошла, не густо, так, не больше одной битой роты. Погляжу, погляжу на них краем глаза и опять прижмусь щекой к земле, глаза закрою: тошно мне на них глядеть, и на сердце тошно...

Думал, все прошли, приподнял голову, а их шесть автоматчиков — вот они, шагают метрах в ста от меня. Гляжу, сворачивают с дороги и прямо ко

мне. Идут молча. «Вот, — думаю, — и смерть моя на подходе». Я сел, неохота лежать помирая, потом встал. Один из них, не доходя шагов нескольких, плечом дернул, автомат снял...

Молодой парень, собою ладный такой, чернявый, а губы тонкие, в нитку, и глаза с прищуром. «Этот убьет и не задумается», — соображаю про себя. Так оно и есть: вскинул автомат — я ему прямо в глаза гляжу, молчу, а другой, ефрейтор, что ли, постарше его возрастом, можно сказать пожилой, что-то крикнул, отодвинул его в сторону, подошел ко мне, лопочет по-своему и правую руку мою в локте сгибает, мускул, значит, щупает. Попробовал и говорит: «О-о-о!» — и показывает на дорогу, на заход солнца. Топай, мол, рабочая скотинка, трудиться на наш райх. Хозяином оказался, сукин сын!

...А ходок тогда из меня был никудышный, в час по километру, не больше. Ты хочешь вперед шагнуть, а тебя из стороны в сторону качает, возит по дороге, как пьяного. Прошел немного, и догоняет меня колонна наших пленных, из той же дивизии, в какой я был. Гонят их человек десять немецких автоматчиков. Тот, какой впереди колонны шел, поравнялся со мною и, не говоря худого слова, наотмашь хлыстнул меня ручкой автомата по голове. Упади я, — и он пришел бы меня к земле очередью, но наши подхватили меня на лету, затолкали в середину и с полчаса вели под руки. А когда я очухался, один из них шепчет: «Боже тебя упаси падать! Иди из последних сил, а не то убьют». И я из последних сил, но пошел.

Как только солнце село, немцы усилили конвой, нагрузовой подкинули еще человек двадцать автоматчиков, погнали нас ускоренным маршем. Сильно раненные наши не могли поспевать за остальными, и их пристреливали прямо на дороге. Двое попытались бежать, а того не учли, что в лунную ночь тебя в чистом поле черт-те насколько видно, ну, конечно, и этих постреляли. В полночь пришли мы в какое-то полусожженное село. Ночевать загнали нас в церковь с разбитым куполом. На каменном полу — ни клочка соломы, а все мы без шинелей, в одних гимнастерках и штанах, так что постелить и разу нечего. Кое на ком даже и гимнастерок не было, одни бязевые исподние рубашки. В большинстве это были младшие командиры. Гимнастерки они посымали, чтобы их от рядовых нельзя было отличить. И еще артиллерийская прислуга была без гимнастерок. Как работали возле орудий растелешенные, так и в плен попали.

Ночью полил такой сильный дождь, что все мы промокли насквозь... Среди ночи слышу, кто-то трогает меня за руку, спрашивает: «Товарищ, ты не ранен?» Отвечаю ему: «А тебе что надо, браток?» Он и говорит: «Я — военврач, может быть, могу тебе чем-нибудь помочь?» Я пожаловался ему, что у меня левое плечо скрипит и пухнет и ужасно как болит. Он твердо так говорит: «Сымай гимнастерку и нижнюю рубашку». Я снял все это с себя, он и начал руку в плече прощупывать своими тонкими пальцами, да так, что я света не взидел. Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?» А он все щупает и злобно так отвечает: «Твое дело помалкивать! Тоже мне, разговорчики затеял. Держись, сейчас еще больнее будет». Да с тем как дернет мою руку, аж красные искры у меня из глаз посыпались.

Опомнился я и спрашиваю: «Ты что же делаешь, фашист несчастный? У

меня рука вдребезги разбитая, а ты ее так рванул». Слышу, он засмеялся потихоньку и говорит: «Думал, что ты меня ударишь с правой, но ты, оказывается, смирный парень. А рука у тебя не разбита, а выбита была, вот я ее на место и поставил. Ну, как теперь, полегче тебе?» И в самом деле, чувствую по себе, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его душевно, и он дальше пошел в темноте, потихоньку спрашивает: «Раненые есть?» Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену, и в потемках свое великое дело делал.

...Немного погодя заговорили вполголоса, зашептались: кто откуда, какой области, как в плен попал; в темноте товарищи из одного взвода или знакомцы из одной роты порастерялись, начали один одного потихоньку окликать. И слышу я рядом с собой такой тихий разговор. Один говорит: «Если завтра, перед тем как гнать нас дальше, нас выстроят и будут выкликать комиссаров, коммунистов и евреев, то ты, взводный, не прячься! Из этого дела у тебя ничего не выйдет. Ты думаешь, если гимнастерку снял, так за рядового сойдешь? Не выйдет! Я за тебя отвечать не намерен. Я первый укажу на тебя! Я же знаю, что ты коммунист и меня агитировал вступать в партию, вот и отвечай за свои дела». Это говорит ближний ко мне, какой рядом со мной сидит, слева, а с другой стороны от него чей-то молодой голос отвечает: «Я всегда подозревал, что ты, Крыжнев, нехороший человек. Особенно, когда ты отказался вступать в партию, ссылаясь на свою неграмотность. Но никогда я не думал, что ты сможешь стать предателем. Ведь ты же окончил семилетку?» Тот лениво так отвечает своему взводному: «Ну, окончил, и что из этого?» Долго они молчали, потом, по голосу, взводный тихо так говорит: «Не выдавай меня, товарищ Крыжнев». А тот засмеялся тихонько. «Товарищи, — говорит, — остались за линией фронта, а я тебе не товарищ, и ты меня не проси, все равно укажу на тебя. Своя рубашка к телу ближе».

Замолчали они, а меня озноб колотит от такой подлючности. «Нет, думаю, — не дам я тебе, сучьему сыну, выдать своего командира! Ты у меня из этой церкви не выйдешь, а вытянут тебя, как падлу, за ноги!» Чуть-чуть рассвело — вижу: рядом со мной лежит на спине мордатый парень, руки за голову закинул, а около него сидит в одной исподней рубашке, колени обнял, худенький такой, курносенький парнишка, и очень собою бледный. «Ну, — думаю, — не справится этот парнишка с таким толстым меринком. Придется мне его кончать».

Тронул я его рукою, спрашиваю шепотом: «Ты — взводный?» Он ничего не ответил, только головою кивнул. «Этот хочет тебя выдать?» — показываю я на лежачего парня. Он обратно головою кивнул. «Ну, — говорю, — держи ему ноги, чтобы не брыкался! Да поживей!» — а сам упал на этого парня, и замерли мои пальцы у него на глотке. Он и крикнуть не успел. Подержал его под собой минут несколько, приподнялся. Готов предатель, и язык набоку!

До того мне стало нехорошо после этого, и страшно захотелось руки помыть, будто я не человека, а какого-то гада ползучего душил... Первый раз в жизни убил, и то своего... Да какой же он свой? Он же худее чужого, предатель. Встал и говорю взводному: «Пойдем отсюда, товарищ, церковь велика».

Как и говорил этот Крыжнев, утром всех нас выстроили возле церкви, оцепили автоматчиками, и трое эсэсовских офицеров начали отбирать вредных

им людей. Спросили, кто коммунисты, командиры, комиссары, но таковых не оказалось. Не оказалось и сволочи, какая могла бы выдать, потому что и коммунистов среди нас было чуть не половина, и командиры были, и, само собою, и комиссары были. Только четырех и взяли из двухсот с лишним человек. Одного еврея и трех русских рядовых. Русские попали в беду потому, что все трое были чернявые и с кучерявинкой в волосах. Вот подходят к такому, спрашивают: «Юде?» Он говорит, что русский, но его и слушать не хотят. «Выходи» — и все.

Расстреляли этих бедолаг, а нас погнали дальше...

Видишь, какое дело, браток, еще с первого дня задумал я уходить к своим. Но уходить хотел наверняка. До самой Познани, где разместили нас в настоящем лагере, ни разу не предоставился мне подходящий случай. А в Познанском лагере вроде такой случай нашелся: в конце мая послали нас в лесок возле лагеря рыть могилы для наших же умерших военнопленных, много тогда нашего брата мерло от дизентерии; рою я познанскую глину, а сам посматриваю кругом и вот приметил, что двое наших охранников сели закусьвать, а третий придремал на солнышке. Бросил я! лопату и тихо пошел за куст... А потом — бегом, держу прямо на восход солнца...

Видать, не скоро они спохватились, мои охранники. А вот откуда у меня, у такого тощалого, силы взялись, чтобы пройти за сутки почти сорок километров, — сам не знаю. Только ничего у меня не вышло из моего мечтания: на четвертые сутки, когда я был уже далеко от проклятого лагеря, поймали меня. Собаки сыскные шли по моему следу, они меня и нашли в некошеном овсе...

На двух мотоциклах подъехали немцы. Сначала сами били в полную волю, а потом натравили на меня собак, и с меня только кожа с мясом полетели клочьями. Голого, всего в крови и привезли в лагерь. Месяц отсидел в карцере за побег, но все-таки живой... живой я остался!..

Тяжело мне, браток, вспоминать, а еще тяжелее рассказывать о том, что довелось пережить в плену. Как вспомнишь нелюдские муки, какие пришлось вынести там, в Германии, как вспомнишь всех друзей-товарищей, какие погибли, замученные там, в лагерях, — сердце уже не в груди, а в глотке бьется, и трудно становится дышать...

Куда меня только не гоняли за два года плена! Половину Германии объехал за это время...

В начале сентября из лагеря под городом Кюстрином перебросили нас, сто сорок два человека советских военнопленных, в лагерь Б-14, неподалеку от Дрездена. К тому времени в этом лагере было около двух тысяч наших. Все работали на каменном карьере, вручную долбили, резали, крошили немецкий камень. Норма — четыре кубометра в день на душу, заметь, на такую душу, какая и без этого чуть-чуть, на одной ниточке в теле держалась. Тут и началось: через два месяца от ста сорока двух человек нашего эшелона осталось нас пятьдесят семь... А лагерная охрана каждый день пьет, песни горланят, радуются, ликуют.

И вот как-то вечером вернулись мы в барак с работы. Целый день дождь шел, лохмотья на нас хоть выжми; все мы на холодном ветру продрогли как собаки, зуб на зуб не попадает. А обсушиться негде, согреться — то же самое, и

к тому же голодные не то что до смерти, а даже еще хуже. Но вечером нам еды не полагалось.

Снял я с себя мокрое рваньё, кинул на нары и говорю: «Им по четыре кубометра выработки надо, а на могилу каждому из нас и одного кубометра через глаза хватит». Только и сказал, но ведь нашелся же из своих какой-то подлец, донес коменданту лагеря про эти мои горькие слова.

Комендантом лагеря, или, по-ихнему, лагерфюрером, был у нас немец Мюллер. Невысокого роста, плотный, белобрысый и сам весь какой-то белый: и волосы на голове белые, и брови, и ресницы, даже глаза у него были белесые, навывате. По-русски говорил, как мы с тобой, да еще на «о» налегал, будто коренной волжанин... Бывало, выстроит нас перед блоком — барак они так называли, — идет перед строем со своей сворой эсэсовцев, правую руку держит на отлете. Она у него в кожаной перчатке, а в перчатке свинцовая прокладка, чтобы пальцев не повредить. Идет и бьет каждого второго в нос, кровь пускает. Это он называл «профилактикой от гриппа». И так каждый день. Всего четыре блока в лагере было, и вот он нынче первому блоку «профилактику» устраивает, завтра второму и так далее. Аккуратный был гад, без выходных работал...

Так вот этот самый комендант на другой день после того, как я про кубометры сказал, вызывает меня...

В комендантской — цветы на окнах, чистенько, как у нас в хорошем клубе. За столом — все лагерное начальство. Пять человек сидят, шнапс глушат и салом закусывают. На столе у них початая здоровенная бутылка со шнапсом, хлеб, сало, моченые яблоки, открытые банки с разными консервами. Мигом оглядел я всю эту жратву, и — не поверишь — так меня замутило, что за малым не вырвало. Я же голодный, как волк, отвык от человеческой пищи, а тут столько добра перед тобою... Кое-как задавил тошноту, но глаза оторвал от стола через великую силу.

Прямо передо мною сидит полупьяный Мюллер, пистолетом играет, перекидывает его из руки в руку, а сам смотрит на меня и не моргнет, как змея. Ну, я руки по швам, стоптанными каблуками щелкнул, громко так докладываю: «Военнопленный Андрей Соколов по вашему приказанию, герр комендант, явился». Он и спрашивает меня: «Так что же, русс Иван, четыре кубометра выработки — это много?» — «Так точно, — говорю, — герр комендант, много». — «А одного тебе на могилу хватит?» — «Так точно, герр комендант, вполне хватит и даже останется».

Он встал и говорит: «Я окажу тебе великую честь, сейчас лично расстреляю тебя за эти слова. Здесь неудобно, пойдем во двор, там ты и распишешься». — «Воля ваша», — говорю ему. Он постоял, подумал, а потом кинул пистолет на стол и наливает полный стакан шнапса, кусочек хлеба взял, положил на него ломтик сала и все это подает мне и говорит: «Перед смертью выпей, русс Иван, за победу немецкого оружия».

Я было из его рук и стакан взял, и закуску, но как только услышал эти слова, — меня будто огнем обожгло! Думаю про себя: «Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?! А кое-чего ты не хочешь, герр комендант? Один черт мне умирать, так провались ты пропадом со своей водкой!»

Поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: «Благодарствую за угощение, но я непьющий». Он улыбается: «Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае выпей за свою гибель». А что мне было терять? «За свою гибель и избавление от мук я выпью», — говорю ему. С тем взял стакан и в два глотка вылил его в себя, а закуску не тронул, вежливенько вытер губы ладонью и говорю: «Благодарствую за угощение. Я готов, герр комендант, пойдёмте, распишете меня».

Но он смотрит внимательно так и говорит: «Ты хоть закуси перед смертью». Я ему на это отвечаю: «Я после первого стакана не закусываю». Наливает он второй, подаёт мне. Выпил я и второй и опять же закуску не трогаю, на отвагу бью, думаю: «Хоть напьюсь перед тем, как во двор идти, с жизнью расставаться». Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: «Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!» А я ему свое: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать». Надул он щеки, фыркнул, а потом как захохочет и сквозь смех что-то быстро говорит по-немецки: видно, переводит мои слова друзьям. Те тоже рассмеялись, стульями задвигали, поворачиваются ко мне мордами и уже, замечаю, как-то иначе на меня поглядывают, вроде помягче.

Наливает мне комендант третий стакан, а у самого руки трясутся от смеха. Этот стакан я выпил врасстяжку, откусил маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол. Захотелось мне им, проклятым, показать, что хотя я и с голоду пропадаю, но давиться ихней подачкой не собираюсь, что у меня есть свое, русское достоинство и гордость и что в скотину они меня не превратили, как ни старались.

После этого комендант стал серьёзный с виду, поправил у себя на груди два железных креста, вышел из-за стола безоружный и говорит: «Вот что, Соколов, ты — настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я — тоже солдат и уважаю достойных противников. Стрелять я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге и целиком овладели Сталинградом. Это для нас большая радость, а потому я великодушно дарю тебе жизнь. Ступай в свой блок, а это тебе за смелость», — и подаёт мне со стола небольшую буханку хлеба и кусок сала.

Прижал я хлеб к себе изо всей силы, сало в левой руке держу и до того растерялся от такого неожиданного поворота, что и спасибо не сказал, сделал налево кругом, иду к выходу, а сам думаю: «Засветит он мне сейчас промеж лопаток, и не донесу ребятам этих харчей». Нет, обошлось. И на этот раз смерть мимо меня прошла, только холодком от нее потянуло...

Вышел я из комендантской на твердых ногах, а во дворе меня развезло. Ввалился в барак и упал на цементованный пол без памяти. Разбудили меня наши еще в потемках: «Рассказывай!» Ну, я припомнил, что было в комендантской, рассказал им. «Как будем харчи делить?» — спрашивает мой сосед по нарам, а у самого голос дрожит. «Всем поровну», — говорю ему. Дождались рассвета. Хлеб и сало резали суровой ниткой. Досталось каждому хлеба по кусочку со спичечную коробку, каждую крошку брали на учет, ну, а сала, сам понимаешь, только губы помазать. Однако поделили без обиды.

Вскорости перебросили нас, человек триста самых крепких, на осушку болот, потом — в Рурскую область на шахты. Там и пробыл я до сорок

четвертого года. К этому времени наши уже своротили Германии скулу набок и фашисты перестали пленными брезговать. Как-то выстроили нас, всю дневную смену, и какой-то приезжий обер-лейтенант говорит через переводчика: «Кто служил в армии или до войны работал шофером, — шаг вперед». Шагнуло нас семь человек бывшей шоферни. Дали нам поношенную спецовку, направили под конвоем в город Потсдам. Приехали туда, и растрясли нас всех врозь. Меня определили работать в «Тодте» — была у немцев такая шарашкина контора по строительству дорог и оборонительных сооружений.

Возил я на «оппель-адмирале» немца инженера в чине майора армии. Ох, и толстый же был фашист! Маленький, пузатый, что в ширину, что в длину одинаковый и в заду плечистый, как справная баба. Спереди у него над воротником мундира три подбородка висят и позади на шее три толстючих складки...

Утром двадцать девятого июня приказывает мой майор везти его за город, в направлении Тросницы. Там он руководил постройкой укреплений. Выехали. Майор на заднем сиденье спокойно дремлет, а у меня сердце из груди чуть не выскакивает. Ехал я быстро, но за городом сбавил газ, потом остановил машину, вылез, огляделся: далеко сзади две грузовых тянутся. Достал я гирьку, открыл дверцу пошире. Толстяк откинулся на спинку сиденья, похрапывает, будто у жены под боком. Ну, я его тюкнул гирькой в левый висок. Он и голову уронил. Для верности я его еще раз стукнул, но убивать до смерти не захотел. Мне его живого надо было доставить, он нашим должен был много кое-чего порассказать. Вынул я у него из кобуры «парабеллум», сунул себе в карман, монтировку вбил за спинку заднего сиденья, телефонный провод накинул на шею майору и завязал глухим узлом на монтировке. Это чтобы он не свалился на бок, не упал при быстрой езде. Скоренько напялил на себя мундир и пилотку, ну, и погнал машину прямиком туда, где земля гудит, где бой идет.

Немецкий передний край проскакивал меж двух дзотов¹. Из блиндажа²автоматчики выскочили, и я нарочно сбавил ход, чтобы они видели, что майор едет. Но они крик подняли, руками махают, мол, туда ехать нельзя, а я будто не понимаю, подкинул газку и пошел на все восемьдесят. Пока они опомнились и начали бить из пулеметов по машине, а я уже на ничьей земле между воронками петляю не хуже зайца.

Тут немцы сзади бьют, а тут свои очертели, из автоматов мне навстречу строчат. В четырех местах ветровое стекло пробили, радиатор пропорол пулями... Но вот уже лесок над озером, наши бегут к машине, а я вскочил в этот лесок, дверцу открыл, упал на землю и целую ее, и дышать мне нечем...

Молодой парнишка, на гимнастерке у него защитные погоны, каких я еще в глаза не видал, первым подбегает ко мне, зубы скалит: «Ага, чертов фриц, заблудился?» Рванул я с себя немецкий мундир, пилотку под ноги кинул и говорю ему: «Милый ты мой губошлеп! Сынок дорогой! Какой же я тебе фриц, когда я природный воронежец? В плену я был, понятно? А сейчас отвяжите этого борова, какой в машине сидит, возьмите его портфель и ведите меня к вашему командиру». Сдал я им пистолет и пошел из рук в руки, а к вечеру очутился уже у полковника — командира дивизии. К этому времени меня и накормили, и в баню сводили, и допросили, и обмундирование выдали, так что явился я в блиндаж к полковнику, как и полагается, душой и телом чистый, и в

полной форме. Полковник встал из-за стола, пошел мне навстречу. При всех офицерах обнял и говорит: «Спасибо тебе, солдат, за дорогой гостинец, какой привез от немцев. Твой майор с его портфелем нам дороже двадцати „языков“. Буду ходатайствовать перед командованием о представлении тебя к правительственной награде».

А я от этих слов его, от ласки, сильно волнуюсь, губы дрожат, не повинуются, только и мог из себя выдать: «Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в стрелковую часть». Но полковник засмеялся, похлопал меня по плечу: «Какой из тебя вояка, если ты на ногах еле держишься? Сегодня же отправлю тебя в госпиталь. Подлечат тебя там, подкормят, после этого домой к семье на месяц в отпуск съездишь, а когда вернешься к нам, посмотрим, куда тебя определить».

Из госпиталя сразу же написал Ирине письмо. Описал все коротко, как был в плену, как бежал вместе с немецким майором. И, скажи на милость, откуда эта детская похвальба у меня взялась? Не утерпел-таки, сообщил, что полковник обещал меня! к награде представить...

Две недели спал и ел. Кормили помалу, но часто, иначе, если бы давали еды вволю, я бы мог загнуться, так доктор сказал. Набрался силенок вполне. А через две недели куска в рот взять не мог. Ответа из дома нет, и я, признаться, затосковал. Еда и на ум не идет, сон от меня бежит, всякие дурные мыслишки в голову лезут... На третьей неделе получаю письмо из Воронежа. Но пишет не Ирина, а сосед мой, столяр Иван Тимофеевич. Не дай бог никому таких писем получать!.. Сообщает он, что еще в июне сорок второго года немцы бомбили авиазавод и одна тяжелая бомба попала прямо в мою хатенку. Ирина и дочери как раз были дома... Ну, пишет, что не нашли от них и следа, а на месте хатенки — глубокая яма... Не дочитал я в этот раз письмо до конца. В глазах потемнело, сердце сжалось в комок и никак не разжимается. Прилег я на койку, немного отлежался, дочитал. Пишет сосед, что Анатолий во время бомбежки был в городе. Вечером вернулся в поселок, посмотрел на яму и в ночь опять ушел в город. Перед уходом сказал соседу, что будет проситься добровольцем на фронт. Вот и все.

Когда сердце разлезлось и в ушах зашумела кровь, я вспомнил, как тяжело расставалась со мною моя Ирина на вокзале...

Рассказчик на минуту умолк, а потом сказал уже иным, прерывистым и тихим голосом:

— Давай, браток, перекурим, а то меня что-то удушье давит.

Молчать было тяжело, и я спросил:

— Что же дальше?

— Дальше-то? — нехотя отозвался рассказчик. — Дальше получил я от полковника месячный отпуск, через неделю был в Воронеже. Пешком дотопал до места, где когда-то семейно жил. Глубокая воронка, налитая ржавой водой, кругом бурьян по пояс... Глушь, тишина кладбищенская. Ох, и тяжело же было мне, браток! Постоял, поскорбел душою и опять пошел на вокзал. И часу оставаться там не мог, в этот же день уехал обратно в дивизию.

Но месяца через три и мне блеснула радость, как солнышко из-за тучи: нашелся Анатолий. Прислал письмо мне на фронт, видать, с другого фронта. Адрес мой узнал от соседа, Ивана Тимофеевича. Оказывается, попал он

поначалу в артиллерийское училище; там-то и пригодились его таланты к математике. Через год с отличием закончил училище, пошел на фронт и вот уже пишет, что получил звание капитана, командует батареей «сорокапятков», имеет шесть орденов и медали...

И начались у меня по ночам стариковские мечтания: как война кончится, как я сына женю и сам при молодых жить буду, плотничать и внучат нянчить. Словом, всякая такая стариковская штука. Но и тут получилась у меня полная осечка. Зимой наступали мы без передышки, и особо часто писать друг другу нам было некогда, а к концу войны, уже возле Берлина, утром послал Анатолию письмишко, а на другой день получил ответ. И тут я понял, что подошли мы с сыном к германской столице разными путями, но находимся один от одного поблизости. Жду не дождусь, прямо-таки не чаю, когда мы с ним свидимся. Ну и свиделись... Аккурат девятого мая, утром, в День Победы, убил моего Анатолия немецкий снайпер...

Похоронил я в чужой, немецкой земле последнюю свою радость и надежду, ударила батарея моего сына, провожая своего командира в далекий путь, и словно что-то во мне оборвалось... Приехал я в свою часть сам не свой. Но тут вскорости меня демобилизовали. Куда идти? Неужто в Воронеж? Ни за что! Вспомнил, что в Урюпинске живет мой дружок, демобилизованный еще зимою по ранению, — он когда-то приглашал меня к себе, — вспомнил и поехал в Урюпинск.

Приятель мой и жена его были бездетные, жили в собственном домике на краю города. Он хотя и имел инвалидность, но работал шофером в автороте, устроился и я туда же. Поселился у приятеля, приютили они меня. Разные грузы перебрасывали мы в районы, осенью переключились на вывозку хлеба. В это время я и познакомился с моим новым сынком, вот с этим, какой в песке играет.

Из рейса, бывало, вернешься в город — понятно, первым делом в чайную: перехватить чего-нибудь, ну, конечно, и сто грамм выпить с устатка. К этому вредному делу, надо сказать, я уже пристрастился как следует... И вот один раз вижу возле чайной этого парнишку, на другой день — опять вижу. Этаким маленький оборвыш: личико все в арбузном соку, покрытом пылью, грязный, как прах, нечесаный, а глазенки — как звездочки ночью после дождя! И до того он мне полюбился, что я уже, чудное дело, начал скучать по нем, спешу из рейса поскорее его увидеть. Около чайной он и кормился — кто что даст.

На четвертый день прямо из совхоза, груженный хлебом, подворачиваю к чайной. Парнишка мой там сидит на крыльце, ножонками болтает и, по всему видать, голодный. Высунулся я в окошко, кричу ему: «Эй, Ванюшка! Садись скорее на машину, прокачу на элеватор, а оттуда вернемся сюда, пообедаем». Он от моего окрика вздрогнул, соскочил с крыльца, на подножку вскарабкался и тихо так говорит: «А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?» И глазенки широко раскрыл, ждет, что я ему отвечу. Ну, я ему говорю, что я, мол, человек бывалый и все знаю.

Зашел он с правой стороны, я дверцу открыл, посадил его рядом с собой, поехали. Шустрый такой парнишка, а вдруг чего-то притих, задумался и нет-нет да и взглянет на меня из-под длинных своих загнутых кверху ресниц, вздохнет. Такая мелкая птаха, а уже научилась вздыхать. Его ли это дело?

Опрашиваю: «Где же твой отец, Ваня?» Шепчет: «Погиб на фронте». — «А мама?» — «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали». — «А откуда вы ехали?» — «Не знаю, не помню...» — «И никого у тебя тут родных нету?» — «Никого». — «Где же ты ночуешь?» — «А где придется».

Закипела тут во мне горячая слеза, и сразу я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети». И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?» Он и спросил, как выдохнул: «Кто?» Я ему и говорю так же тихо: «Я — твой отец».

Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щеки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько кричит, что даже в кабинке глушно: «Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь! Все равно найдешь! Я так долго ждал, когда ты меня найдешь!» Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром. А у меня в глазах туман, и тоже всего дрожь бьет, и руки трясутся... Как я тогда руля не упустил, диву можно дать! Но в кювет все же нечаянно съехал, заглушил мотор. Пока туман в глазах не прошел, — побоялся ехать, как бы на кого не наскочить. Постоял так минут пять, а сынок мой все жметя ко мне изо всех силенок, молчит, вздрагивает. Обнял я его правой рукою, потихоньку прижал к себе, а левой развернул машину, поехал обратно, на свою квартиру. Какой уж там мне элеватор, тогда мне не до элеватора было.

Бросил машину возле ворот, нового своего сынишку взял на руки, несу в дом. А он как обвил мою шею ручонками, так и не оторвался до самого места. Прижался своей щекой к моей небритой щеке, как прилип. Так я его и внес. Хозяин и хозяйка в аккурат дома были. Вошел я, моргаю им обоими глазами, бодро так говорю: «Вот и нашел я своего Ванюшку! Принимайте нас, добрые люди!» Они, оба мои бездетные, сразу сообразили, в чем дело, засуетились, забегали. А я никак сына от себя не оторву. Но кое-как уговорил. Помыл ему руки с мылом, посадил за стол. Хозяйка щей ему в тарелку налила, да как глянула, с какой он жадностью ест, так и залилась слезами. Стоит у печки, плачет себе в передник. Ванюшка мой увидал, что она плачет, подбежал к ней, дергает ее за подол и говорит: «Тетя, зачем же вы плачете? Папа нашел меня возле чайной, тут всем радоваться надо, а вы плачете» ...

Чужой, но ставший мне близким человек поднялся, протянул большую, твердую, как дерево, руку:

— Прощай, браток, счастливо тебе!

— И тебе счастливо добраться до Кашар.

— Благодарствую. Эй, сынок, пойдём к лодке.

Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменял рядом с широко шагавшим мужчиной.

Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина.

С тяжелой грустью смотрел я им вслед... Может быть, все и обошлось бы

благополучно при нашем расставании, но Ванюшка, отойдя несколько шагов и заплетая куцыми ножками, повернулся на ходу ко мне лицом, помахал розовой ручонкой. И вдруг словно мягкая, но когтистая лапа сжала мне сердце, и я поспешно отвернулся. Нет, не только во сне плачут пожилые, поседевшие за годы войны мужчины. Плачут они и наяву. Тут главное — уметь вовремя отвернуться. Тут самое главное — не ранить сердце ребенка, чтобы он не увидел, как бежит по твоей щеке жгучая и скупая мужская слеза...

¹*Дзот* – укрепленная оборонительная огневая точка (деревоземляная).

²*Блиндаж* – постоянное или временное подземное сооружение для защиты от пулеметного, артиллерийского, минометного огня.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему М. Шолохов дал рассказу заглавие «Судьба человека»?
2. Какой идейный смысл рассказа?
3. В чём вы видите гуманизм и оптимизм рассказа?
4. Какие черты характера воплощены в образе Андрея Соколова?
5. Расскажите, как сложилась судьба героя рассказа.
6. Какая сцена из рассказа «Судьба человека» самая трогательная, по вашему мнению. Передайте ее содержание.
7. Как вы думаете, каким человеком вырастет Ванюшка?
8. Посмотрите художественный фильм С. Бондарчука «Судьба человека».

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ПОЛЕВОЙ

(1908 — 1981)

Полевой (настоящая фамилия - Кампов) Борис Николаевич, прозаик.

Родился 4 марта (17 н.с.) в Москве в семье юриста. Детские и юношеские годы прошли в Твери, на фабричном дворе огромного текстильного комбината, принадлежавшего Морозовым. Дома была хорошая библиотека, оставленная отцом (умер в 1916), где были собраны все русские и лучшие иностранные классики. Мать, по профессии врач, направляла его чтение, и среди первых прочитанных книг были Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Помяловский, позже Тургенев, Гончаров, Никитин и Чехов. Самым любимым писателем был М.Горький.

Еще в школьные годы стал интересоваться журналистикой, первая заметка появилась в губернской газете "Тверская правда". Активным рабкором этой газеты стал по прошествии нескольких лет, когда, окончив промышленный техникум, работал на калининском комбинате "Пролетарка".

В 1927 вышла в свет первая книга очерков "Мемуары вшивого человека", отмеченная Горьким.

С 1928 становится профессиональным журналистом.

Литературную известность Полевому принесла повесть "Горячий цех", опубликованная перед войной в журнале "Октябрь".

С начала Великой Отечественной войны работает военным

корреспондентом на Калининском фронте, находясь в самых горячих точках. Военные события, свидетелем которых он стал, отражены в его очерках, объединенных позднее в книге "От Белгорода до Карпат" (1945).

В 1946 выходит знаменитая "Повесть о настоящем человеке", написанная за девятнадцать дней (когда он в качестве военного корреспондента присутствовал на Нюрнбергском процессе).

Военной тематике посвящены сборник рассказов "Мы - советские люди" (1948) и роман "Золото" (1949 - 50).

В 1952 публикует сборник рассказов и очерков о строителях Волго-Дона - "Современники".

В 1956, после поездки по разным странам, пишет книги-репортажи "Американские дневники", "За тридцать земель".

В 1958 - 1962 публикует романы "Глубокий тыл" и "На диком берегу..."

В 1966 выходит роман "Доктор Вера". Многие годы был главным редактором журнала "Юность".

Умер Б.Полевой в 1981 в Москве.

Писатель Борис Полевой написал одну из лучших повестей о войне — «Повесть о настоящем человеке». Он был военным корреспондентом газеты «Правда». В начале войны Борис Полевой получил задание записывать все о героизме нашего народа в этой войне. Записывать так, чтобы и дети, и внуки, и правнуки знали и помнили, что пережила наша страна в годы войны. Историю о летчике, который выжил и вернулся в строй, рассказал Борису Полевому летчик Алексей Петрович Маресьев. Это было в дни боев на Курской дуге.

Книга вышла в 1946 году, когда война уже закончилась, но события, описанные в ней, потрясли всех.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вы узнали из вступительной статьи о жизни писателя? Расскажите.

ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

(в сокращении)

Часть первая

* * *

Летчик Алексей Мересьев попал в двойные «клещи». Это было самое скверное, что могло случиться в воздушном бою. Его обступили четыре немецких самолета и, не давая ему ни вывернуться, ни уклониться с курса, повели на свой аэродром...

А получилось все это так. Алексей выбрал себе противника и, стиснув зубы, бросился в бой. Целью его был «мессер», несколько отбившийся от других и, очевидно, тоже высмотревший себе добычу. Выжимая всю скорость из своего «ишачка», Алексей бросился на врага с фланга. Он атаковал немца по всем правилам. Серое тело вражеской машины было отчетливо видно в паутином крестике прицела, когда он нажимал гашетку. Но тот спокойно скользнул мимо. Промаха быть не могло. Цель была близка и виднелось на редкость отчетливо. «Боеприпасы!» — догадался Алексей, чувствуя, что спина

сразу покрылась холодным потом. Нажал для проверки гашетку и не почувствовал того дрожащего гула, какой всем телом ощущает летчик, пуская в дело оружие своей машины. Зарядные коробки были пусты: гоняясь за «ломовиками», он расстрелял весь боекомплект.

Немец заметил, что машина безоружна, и отдал приказ своим коллегам. Четыре «мессершмитта», выйдя из боя, обложили Алексея с боков, зажали сверху и снизу и, диктуя ему путь полевыми трассами, отчетливо видными в голубом и прозрачном воздухе, взяли его в двойные «клещи».

Алексей понял, что они хотят привести его на свой аэродром, заставить сесть, чтобы взять в плен живым.

Немцы преграждали ему путь пулеметными очередями, как только он делал малейшую попытку отклониться с диктуемого ими курса.

Мересьев крепко сжал зубы, дал полный газ и, поставив машину вертикально, попытался нырнуть под верхнего немца, прижимавшего его к земле. Ему удалось вырваться из-под конвоя. Но немец успел вовремя нажать гашетку. Мотор сбился с ритма и заработал частыми рывками. Весь самолет задрожал в смертельной лихорадке.

Подшибли! Алексей успел свернуть в белую муть облака, сбить со следа погоню.

Мотор осекся и замолчал. Самолет, точно соскальзывая с крутой горы, стремительно понесся вниз. Под самолетом переливался зелено-серыми волнами необозримый, как море, лес... Раздался скрежещущий треск, и все мгновенно исчезло, точно он вместе с машиной канул в темную густую воду.

Падая, самолет задел верхушки сосен. Это смягчило удар. Сломав несколько деревьев, машина развалилась на части, но мгновением раньше Алексея вырвало из сиденья, подбросило в воздух, и, упав на широкоплечую вековую ель, он соскользнул по ветвям в глубокий сугроб, наметенный ветром у ее подножия...

Сколько пролежал он без движения, без сознания, Алексей вспомнить не мог.

Он тихо привстал. Та же острая боль, возникшая в ступнях, пронзила его тело снизу вверх. Он вскрикнул. Пришлось сесть. Попытался скинуть унт¹. Унт не слезал, и каждый рывок заставлял стонать. Тогда Алексей стиснул зубы, зажмурился, из всех сил рванул унт обеими руками — и тут же потерял сознание. Очнувшись, он осторожно развернул байковую портянку. Вся ступня распухла и представляла собой сплошной сизый синяк. Она горела и ныла каждым своим суставом. Алексей поставил ноги на снег — боль стала слабее. Таким же отчаянным рывком, как будто он сам у себя вырывал зуб, снял он второй унт.

Обе ноги никуда не годились. Очевидно, когда удар самолета по верхушкам сосен выбросил его из кабины, ступни что-то прищемило и раздробило мелкие кости плюсны и пальцев. Конечно, в обычных условиях он даже и не подумал бы подняться на эти разбитые, распухшие ноги. Но был один в лесной чаще, в тылу врага, где встреча с человеком сулила не облегчение, а смерть. И он решил идти, идти на восток, идти через лес, не

пытаясь искать удобных дорог и жилых мест, идти, чего бы это ни стоило.

Он решительно вскочил — охнул, заскрипел зубами и сделал первый шаг. Постоял, вырвал другую ногу из снега, сделал еще шаг. В голове шумело, лес и поляна покачнулись, поплыли в сторону.

¹*Унты* — меховая обувь у народов Севера и Сибири.

Чтобы заглушить боль, которую причинял ему каждый шаг, он стал отвлекать себя, обдумывая и рассчитывая свой путь. Если делать в сутки десять-двенадцать километров, он дойдет до своих за три, самое большое за четыре дня.

Но как тяжело далась ему первая тысяча шагов! Он пытался переключить свое внимание на подсчет, чтобы ослабить боль, но, пройдя пятьсот шагов, начал путать, врать и уже не мог думать ни о чем другом, кроме жгучей, дергающей боли. И все же он прошел эту тысячу шагов. Не имея уже сил присесть, он упал лицом в снег и стал жадно лизать наст.

Перед тем как двинуться снова в путь, Алексей вырезал из можжевельника палки. Он опирался на них, но идти становилось час от часу все труднее.

Жалкие остатки консервов — несколько волоконцев покрытого ароматным салом мяса — Алексей решил съесть утром, так как почувствовал, что иначе ему не подняться. Он тщательно выскреб банку пальцем, порезав в нескольких местах руку об ее острые края, но ему мерещилось, что еще осталось сало. Он наполнил банку снегом, разгреб седой пепел затухавшего костра, поставил банку в тлевшие угли, а потом с наслаждением, маленькими глотками выпил эту горячую, чуть-чуть пахнущую мясом воду. Это немного подбодрило Алексея, когда он вновь двинулся в путь. <...>

К полудню Алексей сумел сделать всего около тысячи пятисот шагов и устал так, что каждое новое движение доставалось ему напряжением воли. Его качало. Земля выскальзывала из-под ног. Он поминутно падал, мгновение неподвижно лежал на вершине сугроба, прижимаясь лбом к хрустящему снегу, потом поднимался и делал еще несколько шагов. Неудержимо клонило в сон. Тянуло лечь, забыться, не шевелить ни одним мускулом. Будь что будет! Он остановился, цепенея и пошатываясь из стороны в сторону, затем, больно закусив губу, приводил себя в сознание и снова делал несколько шагов, с трудом выволакивая ноги.

Наконец, он почувствовал, что больше не может, что никакая сила не сдвинет его с места и что, если теперь он сядет, ему уже больше не подняться.

Треснула ветка. Он оглянулся, и почудилось Алексею, что из ветвей доносился тихий, взволнованный шепот — человеческий шепот. Снова, как тогда, при встрече с собакой, почувствовал Алексей, как шевельнулись волосы. В это время из кустов раздался взволнованный детский голос:

—Эй, ты кто? Дойч? Ферштеешь?

—Ты что тут делаешь? — спросил другой детский голос.

—Я русский, русский, я летчик, меня немцы сбили.

Кусты раздвинулись, и два мальчугана, настороженные, как любопытные синички, готовые каждую минуту сорваться и дать стрекача, осторожно, держась за руки, стали подходить к нему, причем старший, худенький, голубоглазый, с русыми пеньковыми волосами держал в руке наготове топор, решив, должно быть, применить его при случае. За ним, прячась за его спину и выглядывая из-за нее полными неукротимого любопытства глазами, шел меньший, рыженький, с пятнистым от веснушек лицом, шел и шептал:

— Плачет. И верно, плачет. А тощей-то, тощей-то!

Пострекотав, ребята начали действовать. До жилья было от вырубки, по их словам, километров пять. Алексей, совсем ослабевший, не мог даже повернуться, чтобы удобнее лечь на спину. Санки, с которыми ребята пришли за ветлами на «немецкую вырубку», были слишком малы, да и не под силу было мальчикам тащить без дороги, по снежной целине, человека. Старший, которого звали Серенькой, приказал брату Федьке бежать во весь дух в деревню и звать народ, а сам остался возле Алексея караулить его, как он пояснил, от немцев, втайне же не доверяя ему. <...>

На опушке леса стоял рыженький Федька и показывал на Алексея пальцем высокому сутулому старику в рваном, из крашеной луком домотканины армяке, подвязанном веревкой, и высоковерхой офицерской немецкой фуражке.

Старик, дедя Михайла, как называли его ребяташки, был высок, сутул, худ. У него было доброе лицо...

Осторожно, как новорожденного ребенка, опустил он Алексея на салазки, прикрутил к ним веревочной вожжой, подумал, стащил с себя армяк, свернул и подмостил ему под голову. Потом вышел вперед, впрягся в маленький хомут, сделанный из мешковины, дал по веревке мальчикам, сказал: «Ну, с богом!» — и втроем они потянули салазки по талому снегу.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В каком бою участвовал Алексей Мересьев?
2. Что сделал Алексей Мересьев, чтобы не попасть в плен к немцам? Чем закончился для него воздушный бой?
3. Расскажите, как Алексей Мересьев выбирался из тыла врага лесной чащей. Что причиняло ему боль?
4. Кто повстречался на пути Алексея Мересьева? Прочитайте описание мальчиков.
5. Расскажите, как мальчики спасли Алексея Мересьева.

Часть вторая

По просьбе командующего армией Алексей Мересьев был помещен в столичный госпиталь.

Однажды во время утреннего обхода шеф госпиталя Василий Васильевич наткнулся на две койки, стоявшие рядом на лестничной площадке третьего этажа.

— Что за выставка? — рявкнул он и метнул в ординатора такой взгляд, что этот высокий, сутулый, уже немолодой человек очень почтенной внешности вытянулся, как школьник:

— Только ночью привезли... Летчики... Тяжелый. Раздроблены плюсны ног, гангрена² обеих ступней, а главное — крайнее истощение. Я не верю, конечно, но сопровождавший его военврач второго ранга пишет, будто больной с раздробленными ступнями восемнадцать дней выползал из немецкого тыла. Это, конечно, преувеличение.

— Неужели у меня гангрена? — упавшим голосом проговорил Мересьев.

Профессор ... вдруг сказал:

— Таких, как ты, грешно обманывать. Гангрена. Но носа не вешать. Неизлечимых болезней на свете нет, как нет и безвыходных положений. Запомнил? То-то.

И вот день настал. На обходе Василий Васильевич долго ощупывал почерневшие, уже не чувствовавшие прикосновений ступни, потом резко выпрямился и произнес, глядя прямо в глаза Мересьеву: «Резать!» Побледневший летчик ничего не успел ответить, как профессор запальчиво добавил: «Резать — и никаких разговоров, слышишь? Иначе подохнешь! Понял?»

² *Гангрена*—болезнь, связанная с омертвлением тканей.

Небольшая статья была отчеркнута карандашом. Повествовалось в статье о русском военном летчике, поручике Валерьяне Аркадьевиче Карповиче, который, летая над вражескими позициями, был ранен в ногу немецкой разрывной пулей «дум-дум». С раздробленной ногой он сумел на свое «фармане» перетянуть через линию фронта и сесть у своих. Ступню ему отняли, но молодой офицер не пожелал увольняться из армии. Он изобрел протез собственной конструкции. Он долго и упорно занимался гимнастикой, тренировался и благодаря этому к концу войны вернулся в армию. Он был награжден офицерским «Георгием» и успешно служил в русской военной авиации, пока не погиб в результате катастрофы.

Странное состояние переживал Алексей. С тех пор как он поверил, что путем тренировки сможет научиться летать без ног и снова стать полноценным летчиком, им овладела жажда жизни и деятельности.

Теперь у него была цель жизни: вернуться к профессии истребителя. С тем же фантастическим упорством, с каким он, обезножев, выползал к своим, стремился он к этой цели. И вышло, что он должен, во-первых, быстрее поправиться, вернуть утраченные во время голодания здоровье и силы, а для этого больше есть и спать; во-вторых, восстановить боевые качества летчика и для этого развивать себя физически доступными ему, пока еще коечному больному, гимнастическими упражнениями; в-третьих, и это было самое важное и трудное, развивать обрубленные по голень ногитак, чтобы сохранить в них силу и ловкость, а потом, когда появятся протезы, научиться проделывать на них все необходимые для управления самолетом движения.

Алексей верил теперь, что это в пределах человеческих возможностей, а

раз так, то он, Мересьев, обязательно этого достигнет. И вот Алексей взялся за осуществление своего плана. Он много ел, всегда требовал добавки, хотя иной раз у него и не было аппетита. Что бы ни случилось, он заставлял себя отсыпать положенное число часов и даже выработал привычку спать после обеда, которой долго сопротивлялась его деятельная и подвижная натура.

Заставить себя есть, спать, принимать лекарства нетрудно. С гимнастикой было хуже. Обычная система, по которой Мересьев раньше делал зарядку, человеку, лишенному ног, привязанному к койке, не годилась. Он придумал свою: по целым часам сгибался, разгибался, упершись руками в бока, крутил торс, поворачивал голову с таким азартом, что хрустели позвонки. Товарищи по палате добродушно посмеивались над ним.

Гимнастика ног причиняла острую боль, но Мересьев с каждым днем отводил ей на минуту больше, чем вчера. Это были страшные минуты — минуты, когда слезы сами лились из глаз и приходилось до крови кусать губы, чтобы сдержать невольный стон. Но он заставлял себя проделывать упражнения сначала один, потом два раза в день, с каждым разом увеличивая их продолжительность.

Стояло прохладное, желтое и сверкающее летнее утро, когда Клавдия Михайловна торжественно привела в палату пожилого человека... Он принес что-то завернутое в белую тряпку. В свертке у старика оказалась пара новых желтых скрипучих протезов, очень ловко сконструированных и пригнанных по мерке. Протезы — это составляло едва ли не главную гордость мастера — были обуты в новенькие желтые, казенного образца башмаки. Башмаки сидели так ловко, что создавалось впечатление живых обутых ног.

Он сунул отрубок правой ноги Алексея в шерстистое и мягкое гнездо протеза и крепко охватил ногу прикрепляющими ремнями. Отошел, полюбовался, прищелкнул языком.

Он ловко надел второй протез и едва успел застегнуть ремни, как Мересьев неожиданно сильным, пружинистым движением спрыгнул с койки на пол. Раздался глухой стук. Мересьев вскрикнул от боли и тут же, около кровати, тяжело рухнул во весь рост.

У старого мастера от удивления очки полезли на нос. Он не ожидал от своего заказчика такой прыти.

— Ишь, спрыгнул, будто и верно живые ноги ему приставили. Нос-то вешать не к чему, друг милый, только теперь твое дело такое — начинать все сначала. Теперь забудь, что ты вояка, теперь ты дитя малое — по шажку, по шажку учишь ходить; сначала с костыликами, потом по стеночке, потом с палочкой. Да не вдруг, а помаленьку.

От неудачного прыжка ноги тяжело ныли. Но Мересьев хотел сейчас же попробовать протезы. Ему принесли легкие алюминиевые костыли. Он уперся ими в пол, зажал под мышками подушки и теперь тихо, осторожно соскользнул с койки и встал на ноги. Постояв на месте, чувствуя с непривычки острую боль в местах прикрепления протезов, Мересьев неуверенно переставил сначала один, потом другой костыль, перенес на них тяжесть корпуса и подтянул сперва одну, потом другую ногу. Туго и хрупко заскрипела кожа, раздались два

тяжелых удара об пол: бум, бум.

Мересьев сделал еще несколько осторожных шагов, и дались они ему, эти первые шаги на протезах, с таким трудом, что, дойдя до двери и обратно, он почувствовал, будто бы куль муки втопил на пятый этаж. Добравшись до койки, он повалился на нее грудью, весь мокрый от пота, не имея сил даже повернуться на спину.

За неделю Мересьев научился быстро и ловко ходить на костылях. Вчера отказался от носилок и сам пошел в процедурную по лестнице. И дошел и поднялся обратно. Слезы текут по лицу, а он поднимается. И даже накричал на санитарку, которая хотела ему помочь.

Тук, тук. Скрип, скрип. Тук, тук. Скрип, скрип...

Закусив губы и сдерживая слезы, которые все-таки выжимала из глаз острая боль, старший лейтенант Мересьев с трудом совершал свой двадцать девятый рейс по коридору, заканчивая суточный урок.

Часть третья

Комиссия расположилась в зале. Туда притащили всяческие приборы — спирометры, силоляры, таблицы для проверки зрения. Весь санаторий собрался в смежном помещении, и желающие досрочно уехать, то есть почти все отдыхающие, выстроились было тут в длиннейшую очередь.

Алексей вошел в комнату бодрым шагом, веселый, улыбающийся. Комиссия сидела за большим столом.

Мересьев легко прошел все испытания, он выжал кистью раза в полтора больше нормы, выдохнул столько, что измерительная стрелка коснулась ограничителя. Давление крови было нормальное, нервы в отличном состоянии. В заключение он ухитрился рвануть ручку крафт-аппарата так, что аппарат испортился.

— Летчик? — с удовольствием спросил врач.

— Летчик.

— Истребитель?

— Истребитель.

— Ну и отправляйтесь истреблять. Там сейчас ваш брат, ох, как нужен!.. Да вы с чем лежали в госпитале?

Алексей замялся, чувствуя, что все внезапно проваливается, но врач уже читал его личное дело, и широкое, доброе лицо его растягивалось от удивления:

— Ампутация ног... Что за чушь! Тут описка, что ли? Ну, чего вы молчите?

— Нет, не описка, — тихо и очень медленно, точно поднимаясь по ступенькам на эшафот, выговорил Алексей.

Врач и вся комиссия подозрительно уставились на этого крепкого, отлично развитого, подвижного парня, не понимая, в чем дело.

— Засучите брюки! — нетерпеливо скомандовал врач.

— Так что же вы, батенька мой, нас морочите? Столько времени отняли. Не думаете же вы без ног пойти в авиацию? — сказал наконец врач.

— Я не думаю: я пойду! — тихо сказал Алексей, и его цыганские глаза сверкнули упрямым вызовом.

—Вы с ума сошли? Без ног?

—Да без ног — и буду летать, — уже не упрямо, а очень спокойно ответил Мересьев; он полез в карман своего летнего френча старого образца и достал оттуда аккуратно свернутую вырезку из журнала. — Видите, он же летал без ноги, почему же я не могу летать без обеих?

—Я, как вы понимаете, не имею право направить вас прямо в часть. Но я дам вам заключение для управления кадров. Я напишу наше мнение, что при соответствующей тренировке вы будете летать, — ответил врач.

В школе тренировочного обучения в те тревожные дни была страшная пора.

...Алексей заторопился к самолету. И вот наконец Алексею удалось закинуть в кабину свою негнущуюся ногу, с невероятными усилиями подтянул он другую и грузно плюхнулся в сиденье. Он сейчас же пристегнул кожаными хомутиками протезы к педальному управлению.

Мотор несколько раз пронзительно фыркнул. Мересьев даже вскрикнул от радости и машинально потянул рукой рычажок газа... Инструктор сам дал газ, мотор зарокотал, завыл, и самолет, подпрыгивая, взял разбег.

В косо поставленном зеркале инструктор видел лицо нового курсанта. Сколько он наблюдал таких лиц при первом взлете после длительного перерыва! Но такого странного выражения... ни разу не доводилось наблюдать Наумову за многие годы его инструкторской работы.

Сквозь смуглую кожу новичка проступал пятнистый, лихорадочный румянец. Губы у него побледнели, но не от страха, нет, а от какого-то непонятого Наумову благородного волнения. Кто он? Что с ним происходит? Почему технарь принял его за пьяного?

Когда самолет оторвался от земли и повис в воздухе, инструктор видел, как глаза курсанта, черные, упрямые, цыганские глаза, на которые тот не опустил защитных очков, вдруг заплыли слезами и как слезы поползли по щекам и были смазаны ударившей в лицо на повороте воздушной струей.

После первого круга Наумов перестал опасаться за ученика. Машина шла уверенно, «грамотно». Только странно, пожалуй, было, что, ведя ее по плоскости, курсант все время то делал маленькие повороты вправо, влево, то бросал машину на небольшую горку, то пускал вниз. Он точно проверял свои силы. Про себя Наумов решил, что завтра же новичка можно направить одного в зону, а после двух-трех полетов пересадить на УТ-2 — маленькую фанерную копию истребителя.

Было холодно, термометр на стойке крыла показывал минус 12. Резкий ветер задувал в кабину, пробивался сквозь собачий мех унтов, леденил ноги инструктора. Пора было возвращаться.

Выскочив из кабины, Наумов запрыгал около самолета, прихлопывая руками, топая ногами. Ранний морозец действительно в это утро был островат.

—Ну, замерз? Меня сквозь унты ух как прохватило! А ты, на-ка, в ботиночках. Не замерзли ноги?

—У меня нет ног, — ответил курсант, продолжая улыбаться своим мыслям.

—Что? — подвижное лицо Наумова вытянулось.

—У меня нет ног, — повторил Мересьев отчетливо.

—То есть как это «нет ног»? Как это понимать? Больные, что ли?

—Да нет — и все... Протезы.

—Покажи, — сказал инструктор с каким-то страхом.

Алексей движением циркового фокусника разом поднял обе штанины.

Курсант стоял на протезах из кожи и алюминия, стоял и весело смотрел на инструктора, механика и дожидавшихся очереди на полеты.

Наумов сразу понял и волнение этого человека, и необыкновенное выражение его лица, и слезы в его черных глазах и ту жадность, с какой он хотел продлить ощущение полета. Курсант его поразил. Наумов бросился к нему и бешено затряс ему руки:

— Родной, да как же?.. Да ты., ты просто даже не знаешь, какой ты есть человек!..

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что сказал врач госпиталя о будущем Алексея?
2. Что подняло дух Алексея Мересьева после операции? О чем говорилось в журнальной статье?
3. Какую цель поставил перед собой Алексей? Найдите отрывок из текста повести, где Алексей принялся осуществлять свой план.
4. Расскажите, как Алексей учился ходить с протезами.
5. Выскажите свое отношение к поступку Алексея Мересьева.
6. Найдите и прочитайте, каких результатов достиг Алексей Мересьев.
7. Как проходил тренировочный полет Алексея?
8. Подумайте, какие чувства испытал Алексей, летая на тренировочном самолете? Что поразило инструктора в Алексее?
9. Почему писатель назвал книгу «Повесть о настоящем человеке»?

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ

(1924 — 2001)

В. П. Астафьев родился в Красноярском крае. Детство — труднее не придумаешь. Мальчику было семь лет, когда погибла его мать. Памяти матери он посвятит повесть «Перевал». А много позже, став уже известным писателем, скажет: «И лишь одно я просил у своей судьбы — оставить со мной маму. Её мне не хватало всю жизнь».

Побывал даже в беспризорниках, воспитывался в детдоме. Здесь добрые, умные учителя зажгли в нём огонёк писательства.

...Много создано писателем книг о войне, о мире, о детстве. Все они отмечены загадкой таланта, звуками Родины — светлой и чистой, горькой и радостной музыкой человеческой судьбы.

Как сделать, чтобы, преобразуя землю, сохранить и приумножить земное богатство? Обновляя, спасти и обогатить красоту природы? Как избежать, не допустить печальных последствий неразумного посягательства на естественные

законы природы— колыбели человека? Эта проблема не только экологическая, но и нравственная.

Осознание её, по Астафьеву, необходимо каждому, чтобы не истоптать, не повредить и не ожечь природу и себя огнём бездушия и глухоты. Писатель утверждает: кто безжалостен, жесток к природе, тот безжалостен и жесток и к человеку...

И. Жуков

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вы узнали из вступительной статьи о жизни писателя? Кратко передайте содержание.

РАССКАЗЫ ИЗ СБОРНИКА «ЗАТЕСИ»

ХВОСТИК

Прежде были в заречье деревенские покосы и пашни, но где они были — уже не найти. Нынче сооружён здесь деревянный причал. Валом валят на эти берега хозяйственные дачники, чтобы холить и выхаживать на личных огородах и в теплицах редкую овощь, цветы, ягоды. В субботу и воскресенье — пароход за пароходом, теплоход за теплоходом, катер за катером, «Ракета» за «Ракетой» прилипают к причалу и выделяют из себя жизнерадостный народ.

Под бравую песню «То ли ещё будет...» расползаются они по затопленному клочку земли, глядя на который ещё раз убеждаешься, что в смысле выделения мусора и нечистот никто сравниться с высшим существом не может — ни птица, ни зверь... Берега и поляны в стекле, жести, бумаге, полиэтилене— гуляки жгут костры, пьют, жуют, бьют, ломают, гадят, и никто, никто не прибирает за собою, да и в голову такое не приходит — ведь они приехали отдохнуть от трудов.

Оглохла земля, коростой покрылась. Если что и растёт на ней, то растёт в заглушь, украдкой, растёт кривобоко — изуродованное, поцарапанное, битое, обожжённое...

Хочет мальчик на берегу. Увидел что-то не просто смешное, а потешное, вот и хохочет.

Подхожу, обнаруживаю: возле вчерашнего воскресного кострища, среди объедков и битого стекла, стоит узкая консервная баночка, а из неё торчит хвостик суслика и скрюченные задние лапки. И не просто так стоит банка с наклейкой, на которой красуется слово «Мясо», на газете стоит, и не просто на газете, а на развороте её, где крупно, во всю полосу нарисована художником «шапка»: «В защиту природы» ...

«Шапка» подчёркнута не то красным ломаным карандашом, не то губной помадой, через всю полосу шатающиеся, промоклые красные буквы, из них составлено слово: «Отклик».

— Что же ты смеёшься, мальчик?!

— Кво... хво... хвостик!

Да, хвостик суслика смешон — напоминает он ржаной колосок, из которого выбито ветром зерно, жалкий редкостный хвостик— не сеют нынче в

заречье хлеба. Дачными ягодами суслику не прожить, вот с голоду и подался крошки по берегу подбирать, тут его поймали весёлые гуляки и засунули в банку, судя по царапинам на обёртке, засунули живого. И «отклик» на газете, догадываюсь я, написан не карандашом, а кровью зверушки.

КОСТЁР ВОЗЛЕ РЕЧКИ

Всё-таки я встретил тех, кто не только сорит, но и убирает.

Нет, не на родине, не в Сибири. В Подмоскovie встретил.

Ехал из аэропорта Домодедово и возле берёзовой роши увидел седого, легко одетого мужчину, с полиэтиленовым мешком, в резиновых перчатках, и женщину, одетую в спортивные штаны, в рубашку мужского покроя, тоже в перчатках и тоже с мешком.

Они неторопливо двигались по опушке роши, о чём-то беседуя, время от времени наклонялись и складывали в мешок бумагу, коробки от сигарет и папирос, фольгу, обрывки полиэтилена, окурки, раскисшие куски хлеба, старые обутки, лоскутьё — всё, чем сорит вокруг себя человек.

— Видал чокнутых? — почему-то со злобой воскликнул шофёр- таксист, вёзший меня в Москву. Я поглядел на него вопросительно. — Академик с бабой своей. Дача у них тут недалеко. Как идут на прогулку, прихватывают с собой мешки и лопату. Какой мусор приберут, так сожгут возле речки, чё где выправят, чё где закопают. Цветки рвать не дают, прямо за грудки берут, и-иы-ди-о-о-оты-ы!.. Да разве за нами, за поганцами, всё приберёшь? И-иы-ди-о-о-оты!

Он резко крутанул руль. Двое пожилых людей исчезли за поворотом...

Всякий раз, как еду в аэропорт Домодедово дымок костерка над речкой Пахрой, с тихой радостью думаю: это они, терпеливые люди, делают посильную добровольную работу, так необходимую уставшей земле, — жгут мусор возле речки.

И МИЛОСЕРДИЯ...

Девочка в красном пальтишке, в меховых башмаках, в пуховой шапочке кормила голубей из кулька.

И они кружились вокруг девочки хороводом, раздув зобы, хлопаясь, долбя друг дружку, оттирая боком. Девочка смеялась, сыпала крупу с крошками и всё повторяла: «У, какие! У, какие!..»

А на скамейке сидел её отец, курил, жмурился от несильного, но уже пригревающего солнца и поощрял девочку, хвалил её за усердие, а ночью он сгребал лопатой мёртвых голубей в кузов машины, и когда нагрёб их полный кузов, отвёз на свалку и сжёг там.

Вернулся он домой наутро, осторожно прошёл мимо кровати дочки, которая спала глубоко, руки её были хорошо, с мылом отмыты, и девочка сладко причмокивала губами, даже чему-то улыбалась.

И когда я услышал от этого спокойного отца, спокойно рассказывающего о том, как «несмышлёная» девочка кормила голубей отравленной пищей, полученной им в санэпидстанции, потому что голуби стали болеть, могли заразить людей и животных и нужно было их истребить, то вспомнил, как в другом месте, другие «борцы» за здоровье людей, обсыпали предвесенний лес дустом, чтобы убить энцефалитного клеща. Но клеща в эту пору не убить — он, оцепенев, спит в гнилых пеньях, колодинах и под корой, а вот птицу в той местности истребили всю подчистую.

А птицы там было, птицы! Уже отравленная, но всё ещё живая, способная двигаться, птица — глухари, тетерева, рябчики — вылетали на солнцевосход, грелись и падали замертво на узкую, «обогревную» тропинку, и так их много упало, что, когда я шёл весной по этой тропе, под ногами у меня хрустели птичьи скелеты и сапоги по щиколотку уходили в перо, и было идти тяжело и вязко, будто по мягко проседающему мху.

Но я шёл, шёл, ослеплённый слезами, и не мог проклинать, а молил каким-то полузабытым отрывком из старой молитвы себя, детей своих, всех людей, таких беззаботных и жестоких: «Боже, милосердия ми воздаждь... и милосердия ми воздаждь... и милосердия...»

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Прочитав рассказы В. П. Астафьева, расскажите об отношении людей к природе. Дайте этим поступкам нравственную оценку.
2. Расскажите о людях, бережно относящихся к природе. Чем они руководствуются?
3. Как отнёсся к этим людям шофёр такси? Как это его характеризует? Чем опасна его позиция?
4. Вспомните произведения, рассказывающие о том, что природа в опасности. Какова главная мысль этих произведений?
5. Расскажите, что делаете вы, чтобы сохранить природу родного края.
6. Как вы понимаете слово «экология»?
7. Почему сохранение природы не только экологическая, но и нравственная проблема? Подтвердите свои рассуждения примерами из текстов.
8. Какие чувства вы испытали, читая рассказы В. П. Астафьева?

ВАСИЛИЙ МАКАРОВИЧ ШУКШИН (1929—1974)

Родился 25 июля 1929 г. в селе Сростки Бийского района Алтайского края в крестьянской семье. Его отец был арестован, когда мальчику было 4 года, и реабилитирован посмертно в 1956 году. Воспитывали Шукшина мать, женщина почти неграмотная, но от природы добрая и смышленная, с сильной натурой, чуткая к слову, к музыке, к песне, и отчим, погибший на фронте. От матери передались Шукшину разнообразные дарования.

В 1943 году, после окончания семилетней школы в селе, Шукшин поступил в Автомобильный техникум в Бийске. Так и не окончив его, пошел

работать в колхоз в родном селе. С 1947 году работал в Калуге, Владимире, а затем проходил службу в Подмосковье. Через некоторое время был призван в Военно-морской флот.

Первые рассказы Шукшина появились именно в армейский период. Он писал рассказы, а затем читал их своим сослуживцам. В 1953 году состояние здоровья писателя ухудшилось, и он был уволен с флота, после чего отправился в родное село Сrostки. Там он экстерном получил аттестат зрелости и стал преподавать русский язык в сельской школе. Через год решил поступать во ВГИК в Москве на режиссерский факультет. Во время учебы он рассылал свои рассказы в различные журналы столицы. Так, в 1958 году в журнале «Смена» появился первый рассказ Василия Макаровича под названием «Двое на телеге».

В 1956 году писатель дебютировал в кино. Это была картина С. А. Герасимова «Тихий Дон», в которой он сыграл малый эпизод. Однако с этого эпизода и началась кинематографическая карьера Василия Шукшина. В 1964 году вышел в свет фильм «Живет такой парень» по его сценарию. Эта картина завоевала приз на Международном кинофестивале в Венеции. Одной из наиболее ярких работ писателя была киноповесть «Калина красная» (1973). В своих работах Шукшин часто противопоставляет деревенскую жизнь городской и использует колоритную разговорную речь.

Василий Макарович скоропостижно умер 2 октября 1974 г. в станице Клетской Волгоградской области на съёмках фильма «Они сражались за Родину».

Василий Макарович Шукшин прожил недолгую жизнь. Значительная ее часть ушла на скитания и «университеты жизни». Творческая жизнь Шукшина как прозаика, драматурга, актера и режиссера составила всего 20 лет.

¹*Реабилитирован* — признан несправедливо осужденным.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите даты жизни и место рождения В. М. Шукшина.
2. Какие произведения В. М. Шукшина вы читали?
3. Что вы узнали из вступительной статьи о жизни писателя? Кратко передайте содержание.

СТЕНЬКА РАЗИН

Его звали – Васёка. Васёка имел: двадцать четыре года от роду, один восемьдесят пять рост, большой утиный нос... и невозможный характер. Он был очень странный парень – Васёка.

Кем он только не работал после армии! Пастухом, плотником, прицепщиком, кочегаром на кирпичном заводе. Одно время сопровождал туристов по окрестным горам. Нигде не нравилось. Поработав месяц-другой на новом месте, Васёка приходил в контору и брал расчет.

– Непонятный ты все-таки человек, Васёка. Почему ты так живешь? – интересовались в конторе.

Васёка, глядя куда-то выше конторщиков, пояснял кратко:

– Потому что я талантливый.

Конторщики, люди вежливые, отворачивались, пряча улыбки. А Васёка, небрежно сунув деньги в карман (он презирал деньги), уходил. И шагал по переулку с независимым видом.

– Опять? – спрашивали его.

– Что «опять»?

– Уволился?

– Так точно! – Васёка козырял по-военному – Еще вопросы будут?

– Куклы пошел делать? Хэх...

На эту тему – о куклах – Васёка ни с кем не разговаривал.

Дома Васёка отдавал деньги матери и говорил:

– Все.

– Господи!.. Ну что мне с тобой делать, верста коломенская? Журавь ты такой! А?

Васёка пожимал плечами: он сам пока не знал, что теперь делать – куда пойти еще работать.

Проходила неделя-другая, и дело отыскивалось.

– Поедешь на бухгалтера учиться?

– Можно.

– Только... это очень серьезно!

– К чему эти возгласы?

«Дебет... Кредит... Приход... Расход... Заход... Обход... – И деньги! деньга! деньги!..»

Васёка продержался четыре дня. Потом встал и ушел прямо с урока.

– Смехота, – сказал он. Он решительно ничего не понял в блестящей науке хозяйственного учета.

Последнее время Васёка работал молотобойцем. И тут, помахав недели две тяжелой кувалдой, Васёка аккуратно положил ее на верстак и заявил кузнецу:

– Все!

– Что?

– Пошел.

– Почему?

– Души нету в работе.

– Трепло, – сказал кузнец. – Выйди отсюда.

Васёка с изумлением посмотрел на старика кузнеца.

– Почему ты сразу переходишь на личности?

– Балаболка, если не трепло. Что ты понимаешь в железе? «Души нету»... Даже злость берет.

– А что тут понимать-то? Этих подков я тебе без всякого понимания накую сколько хочешь.

– Может, попробуешь?

Васёка накалил кусок железа, довольно ловко выковал подкову, остудил в воде и подал старику.

– Прошу.

Кузнец легко, как свинцовую, смял ее в руках и выбросил из кузницы.

– Иди корову подкуй такой подковой.

Васёка взял подкову, сделанную стариком, попробовал тоже погнуть ее – не тут-то было.

– Что?

– Ничего.

Васёка остался в кузнице.

– Ты, Васёка, парень – ничего, но болтун, – сказал ему кузнец. – Чего ты, например, всем говоришь, что ты талантливый?

– Это верно: я очень талантливый.

– А где твоя работа сделанная?

– Я ее никому, конечно, не показываю.

– Почему?

– Они не понимают. Один Захарыч понимает.

На другой день Васёка принес в кузницу какую-то штуkenцию с кулак величиной, завернутую в тряпку.

– Вот.

Кузнец развернул тряпку... и положил на огромную ладонь человечка, вырезанного из дерева. Человечек сидел на бревне, опершись руками на колени. Голову опустил на руки; лица не видно. На спине человечка, под ситцевой рубашкой – синей, с белыми горошинами – торчат острые лопатки. Худой, руки черные, волосы лохматые, с подпалинами. Рубашка тоже прожжена в нескольких местах. Шея тонкая и жилистая.

Кузнец долго разглядывал его.

– Смолокур¹, – сказал он.

– Ага. – Васёка глотнул пересохшим горлом.

– Таких нету теперь.

– Я знаю.

– А я помню таких. Это что он?.. Думает, что ли?

– Песню поет.

– Помню таких, – еще раз сказал кузнец. – А ты-то откуда их знаешь?

– Рассказывали.

Кузнец вернул Васёке смолокура.

– Похожий.

– Это что! – воскликнул Васёка, заворачивая смолокура в тряпку. – У меня разве такие есть!

– Все смолокуры?

– Почему?.. Есть солдат, артистка одна есть, тройка... еще солдат, раненый. А сейчас я Стеньку Разина вырезаю.

– А у кого ты учился?

– А сам... ни у кого.

– А откуда ты про людей знаешь? Про артистку, например...

– Я все про людей знаю. – Васёка гордо посмотрел сверху на старика. – Они все ужасно простые.

– Вон как! – воскликнул кузнец и засмеялся.

– Скоро Стеньку сделаю... поглядишь.

– Смеются над тобой люди.

– Это ничего. – Васёка высморкался в платок. – На самом деле они меня

любят. И я их тоже люблю.

Кузнец опять рассмеялся.

– Ну и дурень ты, Васёка! Сам про себя говорит, что его любят! Кто же так делает?

– А что?

– Совестно небось так говорить.

– Почему совестно? Я же их тоже люблю. Я даже их больше люблю.

– А какую он песню поет? – без всякого перехода спросил кузнец.

– Смолокур-то? Про Ермака Тимофеича.

– А артистку ты где видел?

– В кинофильме. – Васёка прихватил щипцами уголек из горна, прикурил.

– Я женщин люблю. Красивых, конечно.

– А они тебя?

Васёка слегка покраснел.

– Тут я затрудняюсь тебе сказать.

– Хэ!.. – Кузнец стал к наковальне. – Чудной ты парень, Васёка! Но разговаривать с тобой интересно. Ты скажи мне: какая тебе польза, что ты смолокура этого вырезал? Это ж все-таки кукла.

Васёка ничего не сказал на это. Взял молот и тоже стал к наковальне.

– Не можешь ответить?

– Не хочу. Я нервничаю, когда так говорят, – ответил Васёка.

...С работы Васёка шагал всегда быстро. Размахивал руками -длинный, нескладный. Он совсем не уставал в кузнице. Шагал и в ногу – на манер марша – подпевал:

Пусть говорят, что я ведра починяю,
Эх, пусть говорят, что я дорого беру!
Две копейки – донышко,
Три копейки – бок...

– Здравствуй, Васёка! – приветствовали его.

– Здорово, – отвечал Васёка.

И шел дальше.

Дома он наскоро ужинал, уходил в горницу и не выходил оттуда до утра: вырезал Стеньку Разина.

О Стеньке ему много рассказывал Вадим Захарович, учитель-пенсионер, живший по соседству. Захарыч, как его называл Васёка, был добрейшей души человек. Это он первый сказал, что Васёка талантливый. Он приходил к Васёке каждый вечер и рассказывал русскую историю. Захарыч был одинок, тосковал без работы. Последнее время начал попивать. Васёка глубоко уважал старика. До поздней ноченьки сживал он на лавке, поджав под себя ноги, не шевелился – слушал про Стеньку.

– ... Мужик он был крепкий, широкий в плечах, легкий на ногу... чуточку рябоватый. Одевался так же, как все казаки. Не любил он, знаешь, разную там парчу... и прочее. Это ж был человек! Как развернется, как глянет исподлобья – травы никли. А справедливый был!.. Раз попали они так, что жрать в войске нечего. Варили конину. Ну и конины не всем хватало. И увидел Стенька: один казак совсем уж отошал, сидит у костра, бедный, голову свесил: дошел

окончательно. Стенька толкнул его – подает свой кусок мяса. «На, – говорит, – ешь». Тот видит, что атаман сам почернел от голода. «Ешь сам, батька. Тебе нужнее». – «Бери!» – «Нет». Тогда Стенька как выхватил саблю – она аж свистнула в воздухе: «В три господу душу мать!.. Я кому сказал: бери!» Казак съел мясо. А?.. Милый ты, милый человек... душа у тебя была.

Васёка, с повлажневшими глазами, слушал.

– А княжну-то он как! – тихонько, шепотом, восклицал он. – В Волгу взял и кинул...

– Княжну!.. – Захарыч, тщедушненький старичок с маленькой сухой головой, кричал: – Да он этих бояр толстопузых вот так покидывал! Он их как хотел делал! Понял? Сарынь на кичку! И все.

... Работа над Стенькой Разиным подвигалась туго. Васёка аж с лица осунулся. Не спал ночами. Когда «делалось», он часами не разгибался над верстаком – строгал и строгал...

Спину ломило. В глазах начинало двоиться. Васёка бросал нож и прыгал по горнице на одной ноге и негромко смеялся.

А когда «не делалось», Васёка сидел неподвижно у раскрытого окна, закинув сцепленные руки за голову. Сидел час, два – смотрел на звезды и думал про Стеньку.

Приходил Захарыч, спрашивал:

– Василий Егорыч дома?

– Иди, Захарыч! – кричал Васека. Накрывал работу тряпкой и встречал старика.

– Здоровеньки булы! – Так здоровался Захарыч – «по-казацки».

– Здорово, Захарыч.

Захарыч косился на верстак.

– Не кончил еще?

– Нет. Скоро уж.

– Показать можешь?

– Нет.

– Нет? Правильно. Ты, Василий... – Захарыч садился на стул, – ты – мастер. Большой мастер. Только не пей. Это гроб! Понял? Русский человек талант свой может не пожалеть. Где смолокур? Дай...

Васёка подавал смолокура и сам впивался ревнивыми глазами в свое произведение.

Захарыч, горько сморщившись, смотрел на деревянного человечка.

– Он не про Ермака поет, – говорил он. – Он про свою долю поет. Ты даже не знаешь таких песен. – И он неожиданно сильным, красивым голосом запел:

О-о-эх, воля, моя воля!

Воля вольная моя.

Воля – сокол в поднебесье,

Воля – милые края...

У Васёки перехватывало горло от любви и горя.

Он понимал Захарыча. Он любил свои родные края, горы свои, Захарыча, мать... всех людей. И любовь эта жгла и мучила – просилась из груди. И не понимал Васёка, что нужно сделать для людей. Чтобы успокоиться.

– Захарыч... милый, – шептал Васёка побелевшими губами, и крутил головой, и болезненно морщился. – Не надо, Захарыч... Я не могу больше...

Чаще всего Захарыч засыпал тут же, в горнице. А Васёка уходил к Стеньке.

... День этот наступил.

Однажды перед рассветом Васёка разбудил Захарыча.

– Захарыч! Все... иди. Доделал я его.

Захарыч вскочил, подошел к верстаку...

Вот что было на верстаке:

...Стеньку застали врасплох. Ворвались ночью с бессовестными глазами и кинулись на атамана. Стенька, в исподнем белье, бросился к стене, где висело оружие. Он любил людей, но он знал их. Он знал этих, которые ворвались: он делил с ними радость и горе. Но не с ними хотел разделить атаман последний час свой. Это были богатые казаки. Когда пришлось очень солоно, они решили выдать его. Они хотели жить. Это не братва, одуревшая в тяжком хмелю, вломилась за полночь качать атамана. Он кинулся к оружию... но споткнулся о персидский ковер, упал. Хотел вскочить, а сзади уже навалились, заламывали руки... Завозились. Хрипели. Негромко и страшно ругались. С великим трудом приподнялся Степан, успел прилобанить одному-другому... Но чем-то ударили по голове тяжелым... Рухнул на колени грозный атаман, и на глаза его пала скорбная тень.

«Выбейте мне очи, чтобы я не видел вашего позора», – сказал он.

Глумились. Топтали могучее тело. Распинали совесть свою. Били по глазам...

Захарыч долго стоял над работой Васёки... не проронил ни слова. Потом повернулся и пошел из горницы. И тотчас вернулся.

– Ну как, Захарыч?

– Это... Никак. – Захарыч сел на лавку и заплакал горько и тихо. – Как они его... а! За что же они его?! За что?.. Гады они такие, гады! – Слабое тело Захарыча содрогалось от рыданий. Он закрыл лицо маленькими ладонями.

Васёка мучительно сморщился и заморгал.

– Не надо, Захарыч...

– Что не надо-то? – сердито воскликнул Захарыч, и закрутил головой, и замычал. – Они же дух из него вышибают!..

Васёка сел на табуретку и тоже заплакал – зло и обильно.

Сидели и плакали.

– Их же ж... их вдвоем с братом, – бормотал Захарыч. – Забыл я тебе сказать... Но ничего... ничего, паря. Ах, гады!..

– И брата?

– И брата... Фролом звали. Вместе их... Но брат – тот... Ладно. Не буду тебе про брата.

Чуть занималось утро. Слабый ветерок шевелил занавески на окнах.

По поселку ударили третьи петухи.

¹ *Смолокёр* — — специалист по смолокурению. *Смолокурёние* — получение смолы, скипидара из хвойных деревьев.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Почему рассказ назван «Стенька Разин»?
2. Вспомните, кто был Степан Разин.
3. Какой эпизод из жизни Степана Разина изобразил Васёка? Прочитайте этот отрывок.
4. Почему заплакал Захарыч, увидя сделанное Васёкой? Как вы понимаете его слова: «Они же дух из него вышибают»?
5. Расскажите о Васёке, отразив в рассказе следующее:
 - 1) почему Васёка часто менял работу;
 - 2) почему он остался работать в кузнице;
 - 3) как работал Васёка, создавая скульптуру Разина;
 - 4) чьё положительное влияние испытывал Васёка;
 - 5) какое впечатление произвела на него песня, которую запел Захарыч; найдите это место в тексте, прочитайте и скажите, почему у Васёки перехватило горло от «любви и горя»;
 - 6) можно ли назвать Васёку человеком талантливым.
6. Как относится автор к своему герою?

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ

Русская литература известна, в первую очередь, своими классиками «Золотого» и «Серебряного» веков. Однако и современная русская проза представляет большой интерес. Как и литература прошлых веков, она поднимает вопросы, актуальные для авторов и их современников. Конец 20 и начало 21 века серьезно изменили жизнь людей и общество в целом. Это время стремительного научного прогресса и страшных катастроф, время побед и поражений.

ФАЗИЛЬ АБДУЛОВИЧ ИСКАНДЕР (1929 — 2016)

Творчество Фазиля Искандера прочно завоевало симпатии советских читателей. В большинстве своих произведений автор пишет о родной Абхазии. С ней связаны судьбы большинства его героев. Критики отмечают, что Ф. Искандеру присущ высокий гуманизм писателя, пристально вглядывающегося в жизнь. «Смех и горечь, скорбь и радость, юмор и гнев, утраты и обретения, слёзы и любовь составляют большой мир Фазиля Искандера», — пишет А. Лебедев. Проза Искандера носит преимущественно автобиографический характер. Она отличается лиризмом и юмором. Внутренний мир его героев всегда гармонирует с окружающей природой.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Используя вступительную статью, скажите, о чём пишет Ф. Искандер в своих произведениях.

СЕРДЦЕ ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ «СТОЯНКА ЧЕЛОВЕКА» (отрывки)

...Лет десять назад я, как и многие, увлёкся подводной охотой. Я сделал себе ружьё с таким мощным боем, какого я не видел не только у ружей нашего отечественного, но и иностранного производства. У меня было отличное дыхание, что неудивительно: я вырос у моря, с детства много нырял, позже занимался боксом, лёгкой атлетикой. Три-четыре минуты я свободно мог провести под водой. Было большой редкостью, чтобы я вернулся с охоты без рыбы.

Однажды, нырнув возле подводной скалы, я заметил великолепного лобана. Пошевеливая плавниками, он стоял в нескольких сантиметрах от неё. Я осторожно подплыл поближе, прицелился и нажал на спусковой крючок.

Обычно после выстрела ныряльщик выплывает на поверхность воды, и, если стрела пронзила рыбу, он подтягивает её за шнур, на котором она висит, сдёргивает её, подвешивает к поясу и перезаряжает ружьё. Если ныряльщик не попал в рыбу или она каким-то образом сошла со стрелы, он снова заряжает ружьё и ныряет. Стрела на крепком капроновом шнуре привязана к поясу.

На этот раз я не попал в лобана и стал выныривать. До поверхности воды оставалось примерно полметра, когда я вдруг почувствовал, что шнур, к которому была привязана стрела, натянулся и не пускает меня дальше. Я понял, что стрела плотно вклинилась в расщелину скалы и не выходит оттуда. Я попытался нащупать на поясе нож и вспомнил, что забыл его дома. Страх стал овладевать мной. Я попытался оторвать шнур от пояса, но он не поддавался. Шнур был очень крепким, и в воде без точки опоры его невозможно было разорвать.

И тут я почувствовал ужас. Через несколько секунд я потеряю сознание, а ещё через несколько минут мой труп будет колыхаться в полуметре от поверхности воды. И, разумеется, никто не узнает, куда я делся. Я взглянул вверх и увидел сквозь небольшую толщу воды ослепительно расплывающееся золото солнечного диска. Инстинктивно вытянул руку над водой, словно пытаюсь ею зацепиться за воздух и вытащить себя. Но это было невозможно.

И тут, уже почти теряя сознание, я попытался использовать последний шанс. Надо донырнуть до скалы, упереться в неё ногами и изо всех сил дёрнуть шнур. Если он оборвётся, я спасён, если нет — каюк. Легко сказать! Я уже почти задыхаюсь и всё-таки ныряю с единственной мыслью не потерять сознание, пока не упрусь ногами в скалу. Только держась на этой мысли и только на ней, я, перебирая в руках шнур, дошёл до скалы, упёрся в неё ногами, изо всех сил дёрнул шнур и потерял сознание.

Не знаю, через сколько секунд или минут я пришёл в себя на поверхности воды. Состояние было такое, какое бывает, когда просыпаешься утром после тяжёлого приступа малярии: тело раздавлено. До берега было метров пятьсот. Кое-как доплыл. И впервые в жизни, плывя к берегу, я боялся утонуть от

слабости, и море, любимое с детства море, впервые внушало мне отвращение, словно я плыл в тёплом, грязном болоте.

На берегу я выкашлял из лёгких воду и вытравил её из желудка. Отлежался и поплёлся домой. Охотился я у себя в заливе напротив дома.

Дней десять я чувствовал себя всё ещё плохо, а потом оклемался. Однажды захожу в море и плыву. Отплыв от берега метров на пятнадцать — двадцать, вдруг чувствую: сердце делает какой-то сдвоенный удар и останавливается. Может, на две-три секунды — не знаю.

Но ощущение очень неприятное.

Никогда раньше я не знал никаких сердечных явлений, это было впервые. Я снова поплыл. И вдруг опять сдвоенный удар, и ощущение, что сердце остановилось и я сейчас захлебнусь. Боясь потревожить его, я осторожно поплыл к берегу.

Утром на следующий день лезу в воду, прислушиваясь к работе своего сердца. Вроде всё в порядке. Да, думаю, возраст даёт о себе знать, и уже сердце начинает барахлить. Только я это подумал — и снова повторение вчерашнего. Я страшно разозлился на своё сердце и решил, ни на что не обращая внимания, плыть и плыть. И снова то же самое. Я плыву. И опять то же самое! И тут я не выдержал. Главное, ощущение такое, что сердце только случайно остановилось на эти две-три секунды, а может остановиться и на больший срок. И тогда конец.

И всё-таки я не так быстро сдался. Я обратил внимание, что эти перебои в сердце наступают, когда я отплыву от берега уже метров на двадцать — тридцать. Может, это какой-то неосознанный страх глубины? Я нарочно выхожу в море на лодке, прыгаю за борт, плаваю, чтобы преодолеть страх глубины, если это именно он. Но и там меня каждый раз наступает это странное явление. Последний раз я с трудом влез в лодку, так меня напугали эти перебои и остановки сердца...

Я ещё несколько раз пытался плавать, но всё повторялось. И тогда я пришёл к печальному выводу, что придётся отказаться от плавания и подводной охоты. Это шаги старости, пытался я себя утешить, к разным людям она приходит по-разному.

С морем меня ещё всё-таки связывала лодка. Я мог в свободное время рыбачить с лодки, что я и делал. Прошло с тех пор около года. В море я больше не купался, ружьё для подводной охоты подарил одному любителю.

Однажды в апреле, примерно за километр от берега, рыбачу с одним соседским мальчишкой. Это был очаровательный десятилетний мальчуган с хитренькими чёрными глазками, до смешного похожий на своего деда, дружившего с моим отцом. Он жил с дедом и с матерью, без отца. Отец ушёл из семьи. Отчасти, может, поэтому мальчик хаживал ко мне, иногда я его брал на рыбалку.

Мы ловим на самодуры ставриду. Рыба хорошо идёт, но работает течение, и то и дело нас относит от стаи. Приходится время от времени подгрести. Вдруг раздаётся тарахтенье моторной лодки всё ближе и ближе, и вот совсем рядом с нами она проносится, обдав нас брызгами и раскачав лодку крупной волной. Я посмотрел вслед и увидел хохочущее лицо рыбака, рулившего на корме. На средней банке сидел второй. Они резко развернулись,

и я подумал, что их может перевернуть. На лодке был очень сильный мотор.

Рыба хорошо шла. Мы опять увлеклись ловлей, и я забыл об этих пьяных рыбаках. Примерно через полчаса опять завывание мотора, но на этот раз они, может быть, не соразмерив расстояния, так близко прошли, что наша лодка от обдавшей её большой волны перевернулась.

Всё произошло в одно мгновение. Трудно представить, чтобы мерзавцы, перевернувшие лодку, не заметили того, что случилось. Видимо, заметив, что наша лодка перевернулась, и боясь некоторой ответственности за случившееся, они рванули в сторону города, и вскоре мотор затих.

Очутившись в воде, я испугался, не ушибся ли мальчик, когда лодка перевернулась.

— Ты не ударился? — спросил я у него.

— Нет, — ответил он достаточно безмятежно.

Я знал, что он плавает, как рыбка, но апрель — вода ледяная. Пока мы очухались, пока я подплывал к нему, нашу лодку отнесло метров на пятнадцать. Что делать? Я её, конечно, мог догнать. Но, с одной стороны, мне было боязно мальчика оставлять одного, а с другой стороны, какая от неё польза? Перевернуть и поставить её на киль мы всё равно не смогли бы. Вцепиться в неё и ждать, пока нас найдут и снимут с неё, — опасно. Я принял решение плыть к берегу с некоторой надеждой, что эти сволочи хотя бы кому-нибудь, скажут, что перевернули лодку, и за нами подойдут. Разумеется, скажут своим друзьям, которые их не выдадут.

И тут я вспомнил о своём сердце. Но как-то мимоходом. Мысль о том, что со мной мальчишка, которого во что бы то ни стало надо довести до берега, целиком поглотила меня. Вспомнив о сердце, я почти сразу услышал тот сдвоенный стук и мгновенную остановку в груди. Всё было, как раньше, но в несколько раз слабей. Как будто то, что случилось с моим сердцем, мне теперь говорило: «Я всё ещё здесь, но сейчас ты намного сильнее меня».

И я это прекрасно почувствовал. Страх за мальчика вышиб из меня всё на свете. Я подплыл к нему, расстегнул на нём рубашку и, поддерживая его одной рукой, приказал:

— Снимай.

Он стянул рубашку вместе с майкой. Я нашупал в воде ступни его ног, скинул с них башмаки. Потом нашарил ремень его брюк, расстегнул его, слегка откинул мальчика на спину и стащил с него брюки. То же самое я сделал со своей одеждой и отбросил её. Подхваченная течением, она ещё некоторое время плыла в стороне от нас. Мы остались в одних трусах.

— Ты ничего не бойся, — сказал я мальчику как можно спокойней, — мы обязательно доплывём до берега.

— А я и не боюсь, — ответил он, — только не пойму, за что они опрокинули нашу лодку?

Он внимательно смотрел на меня своими чёрными глазёнками, пытаюсь осознать смысл случившегося.

— Пьяные болваны, — сказал я, — но ты ничего не бойся. Мы доплывём до берега.

Сейчас мальчик выглядел хорошо, но я знал, что холод скажется минут через пятнадцать. Далёкий зелёный берег нашего посёлка отсюда казался

приплюснутым к воде. Я оглядел пустынное море, но нигде поблизости не было видно ни одной лодки. В это время года здесь редко рыбачат.

— Дядя Витя,— спросил мальчик через некоторое время,— а ваша лодка теперь пропала?

— Нет,— сказал я,— её прибуёт к берегу где-нибудь в Гульрипшах.

Минут через пятнадцать, как я и ожидал, смуглое лицо его побледнело. Но плыл он пока хорошо. Я только боялся, как бы его судорога не скрутила. От боли он мог потерять самообладание, и тогда навряд ли я сумел бы дотащить его до берега. Ещё минут через десять я заметил, что лицо его подёрнулось синевой.

— Ты замёрз?

— Нет.

А у самого уже зубы клацнули. Мальчик держался замечательно.

— Подожди, я тебя разотру,— говорю.

Я подплыл к нему и, балансируя в воде одной рукой, другой изо всех сил стал растирать ему спину, живот, ноги.

— Мне больно,— вдруг сказал он.

— Потерпи,— ответил я, продолжая изо всех сил растирать его тело,— так надо.

— Если надо, буду терпеть,— сказал он и закусил губу.

Я столько энергии вложил в растирание его худенького ребристого тельца, что у меня рука занемела. Но с лица его сошёл землистый оттенок.

Мы снова поплыли.

— Ты не устал?—спросил я у него минут через десять.

— Нет,— сказал он и, подумав, добавил: —Всё равно надо плыть.

Мы продолжали плыть. Я ему с самого начала сказал, чтобы он плыл не сажёнками, а брассом, как я его учил. От плавания сажёнками руки гораздо быстрее устают.

— Дядя Витя,— спросил он, взглянув на меня погрузневшими чёрными глазёнками,— а пьяные становятся как сумасшедшие?

Видно, он напряжённо думал о тех, кто нас перевернул.

— Эти люди негодяи,— сказал я ему,—а когда человек пьяный, это негодяйство, если он негодяй, выходит наружу.

Он кивнул и продолжал плыть. Было заметно по его лицу, что он напряжённо о чём-то думает.

— Это всё равно, что жадные,— сказал он через некоторое время, взглянув на меня,— пока Жорик не имел велосипеда, я не знал, что он жадный, а теперь знаю.

— Точно,— согласился я.

Через некоторое время я почувствовал, что сам замерзаю. Я посмотрел на мальчика. Лицо его опять подёрнулось синевой.

— Подожди,— сказал я ему и подплыл.

И опять, балансируя одной рукой в воде, другой я растёр ему тело. Я растирал его из всех сил, но он терпел и не стонал. Потом, когда рука у меня онемела, я сменил её и растёр его тело другой рукой.

Лицо его снова ожило. Мы поплыли. Хотя я видел, что он устаёт, я не останавливался, боясь, что так он быстрее замёрзнет. Краем сознания я иногда

прислушивался к своему сердцу, но оно никак себя не проявляло, и я почему-то знал, что оно не может и не должно себя проявить.

До берега оставалось метров четыреста, и уже хорошо были видны зелёные купы деревьев на прибрежных участках. И вдруг я почувствовал, что правую ногу мою скрутила судорога. И вместе с костяной болью судороги я ощутил опережающий эту боль страх за мальчика.

Стараясь гримасой не выдавать боль, я подплыл к нему и снова стал растирать его тело. Теперь одна нога моя совсем не действовала и балансировать в воде было гораздо трудней. Надо было сделать всё, чтобы не дать ему переохладиться. Теперь, если б его тело свело судорогой, я бы явно не смог дотащить его до берега.

Меня ещё смутно тревожила мысль, что, если судорога сведёт мою левую ногу, я вообще не смогу больше растирать его тело. Поэтому я сейчас старался выложиться. Я дотягивался до самых его щиколоток, щипал и выкручивал его худенькие бёдра и икры, растирал спину и разминал ему живот. Видимо, чувствуя серьёзность положения, он терпеливо, только иногда покряхтывая, всё переносил.

Наконец лицо его порозовело, а я выдохся. Только я подумал, что не мешало бы промассировать свою левую ногу, чтобы уберечь её от судороги, как чуть не вскрикнул: костяная боль перекрутила и левую ногу.

Я слишком хорошо плавал, чтобы утонуть, но я не знал, что будет дальше. Я слышал, что, если судорога добирается до мышц живота, человек не может ни двинуться, ни разогнуться. Я стал изо всех сил разглаживать, щипать и расцарапывать себе живот.

До берега оставалось метров двести, и я теперь, гребя одними руками, едва поспевал за мальчиком. Берег был пуст, море было пусто, и ждать помощи было неоткуда. Я плыл на одних руках, сердце стучало у самого горла. Господи, думал я, дай продержаться ещё метров сто, а там, даже если со мной что-нибудь и случится, мальчик сам доплывёт. Потом я, видимо, на некоторое время впал в забытьё. Очнувшись, я заметил, что мальчик позади, хотя я никак не мог прибавить скорости, скорее, я её сбавлял. Я остановился, дожидаясь его. Он подплыл. Лицо его было серым.

— Маму жалко, — вдруг сказал он и осёкся, стыдясь договорить свою мысль.

— Что ты говоришь! — прикрикнул я на него. — Посмотри, мы совсем у берега.

Он ничего мне не ответил. Это был замечательный мальчик, и он прекрасно держался до конца. Последние метры я плыл в каком-то полусне. У берега я попробовал стать на дно и упал, не сразу поняв, почему меня не держат ноги. Мальчик вылез из воды и шлёпнулся на тёплый песок. Я выполз на руках, как животное. Теперь мне незачем было скрывать, что у меня ноги свело судорогой.

Течение нас отнесло метров за пятьсот от нашего посёлка. Как отходчиво детство! Через полчаса мальчик уже играл в песке, а я только часа через два смог встать на ноги. День был очень тёплый и, глядя на ласковое море, трудно было поверить, что мы чуть не замёрзли в нём...

Вот так, расставшись с морем на год и оказавшись в роли хранителя

жизни мальчугана, я навсегда избавился от этих таинственных сердечных явлений. Больше они ни разу не повторялись... Толстой это, кажется, называл – забыть себя? В народе ещё лучше говорится: клин клином вышибают.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что произошло с рассказчиком во время подводной охоты? Расскажите.
2. Какие чувства он при этом испытал?
3. Как он боролся за свою жизнь? Прочитайте.
4. К чему привёл этот случай?
5. Что случилось однажды с рассказчиком во время рыбной ловли на лодке?
6. О чём он подумал прежде всего, оказавшись в ледяной воде?
7. Расскажите о том, как вёл себя мальчик. Какие черты характера ему присущи? Подтвердите свои ответы примерами из текста.
8. Прочитайте ещё раз, как заботился рассказчик о мальчике. Как это характеризует его?
9. Рассказ состоит из двух эпизодов. Сравните и проанализируйте их. Скажите, что общего в поведении героя в обоих случаях. В чём отличие?
10. Дайте нравственную оценку причины несчастья.
11. Как вы думаете, почему глава названа «Сердце»? Какой главный урок вы извлекли из этого рассказа?

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕВТУШЕНКО (1932— 2017)

Евгений Александрович Евтушенко родился в 1932 году в Сибири. Отец поэта был геологом и всю жизнь писал стихи. Именно отец научил сына любить поэзию.

Евтушенко печатается с шестнадцати лет. Он учился в Литературном институте имени Горького в Москве (1951 - 1954). Во время учебы познакомился со многими выдающимися прозаиками и поэтами, которые оказали на него большое влияние.

Сейчас имя Евтушенко уже прочно вошло в отечественную поэзию. Оно широко распространилось в нашей жизни, среди людей разных поколений, разных профессий, разных литературных вкусов.

Первая книга поэта «Разведчики грядущего» вышла в 1952 году. Его поэма «Братская ГЭС» проникнута лиризмом. Стихи «Москва товарная», «Со мною вот что происходит», «Давайте, мальчики», «О нашей молодости споры» и другие вызывали живой отклик молодежной аудитории.

Творчество поэта привлекает внимание композиторов, произведения Евтушенко переведены на многие иностранные языки. Он не только поэт, но и публицист, прозаик, критик, киноактер, кинорежиссер, фотохудожник. Именно Евтушенко принадлежат слова: «Поэт в России больше, чем поэт».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что вы узнали из вступительной статьи о жизни писателя? Кратко передайте содержание.

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

Хотят ли русские войны?
Спросите вы у тишины
Над ширью пашен и полей
И у берез и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
Что под березами лежат,
И пусть вам скажут их сыны,
Хотят ли русские войны.

Не только за свою страну
Солдаты гибли в ту войну,
А чтобы люди всей земли
Спокойно видеть сны могли.
Под шелест листьев и афиш
Ты спишь, Нью-Йорк, ты спишь, Париж.
Пусть вам ответят ваши сны,
Хотят ли русские войны.

Да, мы умеем воевать,
Но не хотим, чтобы опять
Солдаты падали в бою
На землю грустную свою.
Спросите вы у матерей,
Спросите у жены моей,
И вы тогда понять должны,
Хотят ли русские войны.

1961

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. За что сражались русские солдаты в годы Великой Отечественной войны?
2. Что несет людям война?
3. Чего хотят русские люди?
4. Выучите стихотворение наизусть.
5. Прочитайте стихотворение К. Евтушенко «Армия».
6. Послушайте песню М. Фрадкина на стихи Е. Евтушенко «Хотят ли русские войны».

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Зарубежная литература – необыкновенно интересное чтение. Она знакомит читателя с иным миром, образом жизни, национальными особенностями характера, природой. Для русскоязычного читателя она существует в великолепных переводах и пересказах, и мы бы многое потеряли, если эти зарубежные произведения не дошли бы до нас. Творчество писателей разных стран открывает читателю широкую панораму мировой культуры, делают его гражданином мира.

Книги и герои Антуана де Сент-Экзюпери, Х. К. Андерсена, Д. Дефо, Дж. Лондона, В. Скотта, Р. Л. Стивенсона, М. Твена и многих других с раннего детства сопровождают нас наряду с национальными литературными произведениями.

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ (1900 — 1944)

Антуан де Сент-Экзюпери — выдающийся писатель современности, произведения которого наполнены раздумьями о современном мире: о неповторимости и хрупкости красоты, о беспредельных духовных возможностях человека, о необходимости объединения людей на основе любви, взаимопонимания и уважения, об ответственности каждого человека за свои поступки и за свою планету. Поэтизация подвига, всепоглощающая любовь к жизни во всех ее проявлениях, гордость за человека, который является мерилем всех ее ценностей, умение раскрыть героическое в будничном, стремление осмыслить свое время и свое место в нем отличают творчество французского гуманиста.

Сент-Экзюпери — выходец из аристократической семьи — с детства увлекался искусством, литературой и техникой. Детские мечты воплотились в реальность. Сент-Экзюпери стал известным летчиком и писателем с мировым именем. В 20-е годы он учился в Школе изящных искусств, откуда ушел служить в армию, где приобрел профессию пилота. Мудрый мечтатель в своих литературных произведениях, Сент-Экзюпери и в реальной жизни не расставался с романтикой. Он прокладывал и осваивал новые воздушные трассы над Сахарой, Атлантикой и Южной Америкой, испытывал новые самолеты, несколько раз терпел аварии, был тяжело ранен, но не потерял веры в свои духовные, физические и творческие силы. Все свое свободное время Сент-Экзюпери уделял журналистике и литературе. Профессия авиатора накладывала определенный отпечаток на художественное творчество Сент-Экзюпери. И это касалось не только тематики, вращающейся вокруг летных тем, но и того особого, отстраненного от обыденности ощущения окружающего мира, которое может испытать только человек, половину жизни проводящий в небе, близкий к звездам.

Первый свой рассказ «Летчик» (1926) Сент-Экзюпери посвятил любимой

авиации, людям, сидящим за штурвалом самолета, и до конца жизни он не уходил от этой темы. «Для меня летать и писать — одно и то же... Авиатор и писатель сливаются: оба в равной мере познают мир», — писал Сент-Экзюпери. События современности, человеческие поступки писатель рассматривал с точки зрения нравственных общечеловеческих проблем.

Его произведения зачастую соединяют в себе документальный репортаж с философскими размышлениями о человеке, с психологическим анализом его поступков, с поэтическими пейзажными зарисовками. В романе «Ночной полет» (1931) рассказано о трагической гибели экипажа самолета почтовой авиации из-за мощного циклона, неожиданно обрушившегося на Южную Америку. Бытовые подробности уступают в нем место рассказу о человеческом мужестве, о духовной силе, побеждающей страх смерти. За этот роман писатель получил премию «Фелина».

Книга «Планета людей» (1939) отмечена Большой премией Французской академии искусств. Произведение наполнено лирическими раздумьями автора о пережитом, мыслями и высказываниями о летчиках и о земле, которая открывается перед ними в полете. В небе человек особенно остро ощущает и свою хрупкую уязвимость, и глубокую связь со всем человечеством. Писатель отрицательно относился к современной цивилизации, где машины ценятся больше людей. Человек в таком мире теряет свое лицо, теряет связь с окружающими. Спасение человечества писатель видит в нравственном самоусовершенствовании, в деятельности, направленной на службу людям.

С ненавистью воспринял Сент-Экзюпери пришествие в Европу фашистов. В 1937 году он пишет ряд репортажей с фронтов сражающейся за свою свободу Испании. Он разоблачает фашистский режим, все те неисчислимы бедствия, которые несет его идеология. В годы Второй мировой войны Сент-Экзюпери сражается с фашистскими оккупантами как летчик и как писатель. В «Военном летчике» (1942) и «Письмах к заложнику» (1943) он с уверенностью предрекает победу демократических сил над фашистской диктатурой.

31 июля 1944 года Сент-Экзюпери трагически погиб, выполняя боевое задание — разведывательный полет над Средиземным морем.

Всемирную известность принесла Сент-Экзюпери философская сказка «Маленький принц» (1943). Эта мудрая притча обращена и к детям, и к взрослым. С глубоким страданием взирает писатель на пороки окружающего мира, наполненного жестокостью, отсутствием идеалов, непониманием между людьми. Однако Сент-Экзюпери уверен, что красота и чистота человеческих отношений могут победить мировое зло. С грустной, мечтательной улыбкой повествует писатель о радостях и огорчениях своего героя — Маленького принца, хозяина маленькой планеты. Его образ — это средоточие всего лучшего в человеке, особенно отчетливо проявляющегося в душе ребенка. Сказка «Маленький принц», как и другие произведения Сент-Экзюпери, говорит о важности взаимопонимания между людьми, об ответственности каждого человека за все добро и зло, что творятся в мире.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чем интересен и чем необычен французский писатель А. де Сент-Экзюпери?
2. Что было самым главным в книгах этого писателя?

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

(отрывки)

1

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея — удав — глотала хищного зверя.

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку.

Я показал мое творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно все объяснять.

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на летчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьешься с пути.

На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумнее и понятливее других, я показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

2

Так я жил в одиночестве, и не с кем мне было поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в

Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам все починить, хотя это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

— Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

— А?..

— Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьезно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моем рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьезно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться.

Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я все-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, — и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что я не умею рисовать. Он ответил:

— Все равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать: удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасный, а слон слишком большой. У меня дома все очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек уж совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому. Но он и от этого рисунка отказался.
— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.
Тут я потерял терпение — ведь мне надо было поскорее разобрать мотор
— и нацарапал вот что: И сказал малышу:
— Вот тебе ящик. А в нем сидит твой барашек.
Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:
— Вот такого мне и надо! Как ты думаешь, много он ест травы?
— А что?
— Ведь у меня дома всего очень мало...
— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.
— Не такой уж он маленький... — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Он уснул...
Так я познакомился с Маленьким принцем.

3

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но, когда я спрашивал о чем-нибудь, он словно не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне все открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолет (самолет я рисовать не стану, мне все равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолет. Мой самолет. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьезно. Потом он прибавил:

— Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» — подумал я и спросил напрямик:

— Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолет:

— Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И задумался о чем-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось мое любопытство от этого полупризнания о «других планетах». И я попытался разузнать побольше:

— Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

— Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

— Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе веревку, чтобы днем его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если ты его не привяжешь, он забредет неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдет?

— Мало ли куда? Все прямо, прямо, куда глаза глядят. Тогда Маленький принц сказал серьезно:

— Это не страшно, ведь у меня там очень мало места. — И прибавил не без грусти: — Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...

4

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришел к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

— Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

— Он ест все, что попадется.

— Даже такие цветы, у которых шипы?

— Да, и те, у которых шипы.

— Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заело один болт, я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение мое становилось серьезным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

— Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа. Неподатливый болт выводил меня из терпенья, и я ответил наобум:

— Шипы низа чем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

— Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

— Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают: если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: «Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по нему молотком, что он разлетится вдребезги». Маленький принц снова перебил мои мысли:

— А ты думаешь, что цветы...

— Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьезным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Серьезным делом?!

Он все смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

— Ты говоришь, как взрослые! — сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

— Все ты путаешь... Ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

— Я знаю одну планету, там живет такой господин с багровым лицом. Он за всю жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьезный! Я человек серьезный!» — совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

— Что?

— Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

— Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело — понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек вдруг в одно прекрасное утро возьмет и съест его и даже не будет знать, что натворил? И это все, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом заговорил:

— Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, — этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живет мой цветок...» Но если барашек съест его, это все равно, как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Мне смешны были злополучный болт и молоток, жажда и смерть. На звезде, на планете — на моей планете, по имени Земля, — плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Я нарисую для твоего цветка броню... Я...» Я не знал, что еще ему сказать. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Я не знал, как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез.

8

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы — у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесенного неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нем появился бутон. Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, еще скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрепанной, точно какой-

нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты! Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем. И вот наконец однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, пожевывая:

— Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я еще совсем растрепанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

— Как вы прекрасны!

— Да, правда? — был тихий ответ. — И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

— Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У нее было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

— Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

— На моей планете тигры не водятся, — возразил Маленький принц. — И потом, тигры не едят траву.

— Я не трава, — обиженно заметил цветок.

— Простите меня...

— Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

— Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь ее занесло сюда, когда она была еще зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко могут уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

— Где же ширма?

— Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его все-таки помучит совесть! Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок, и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

— Напрасно я ее слушал, — доверчиво сказал он мне однажды. — Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И еще он признался:

— Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.

9

Как я понял, он решил странствовать с перелетными птицами. В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо почистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана — все равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Потом Маленький принц не без грусти вырвал последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернется. Но в это утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил чудесный цветок и собрался накрыть его колпаком, ему захотелось плакать.

— Прощайте, — сказал он.

Красавица не ответила.

— Прощайте, — повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

— Я была глупая, — сказала она наконец. — Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц был очень удивлен. Он застыл, смущенный и растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

— Да, да, я люблю тебя, — услышал он. — Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

— Но ветер...

— Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я — цветок.

— Но звери, насекомые...

— Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

— Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти — так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Вы прочитали сказку Сент-Экзюпери «Маленький принц». О ком и о чем эта сказка? Кто ее герои? Расскажите о каждом из них.
2. Что в этом произведении сказочного и что реального?
3. О чем узнаёт Маленький принц и мы вместе с ним?

ХАНС КРИСТИАНАНДЕРСЕН (1805 — 1875)

Ханс Кристиан Андерсен родился в городе Оденсе на острове Фюн в семье сапожника. «Детство моё, — вспоминал он, — прошло в одной-единственной комнате, почти целиком заставленной сапожным верстаком, кроватью и раздвижной скамьёй, на которой я спал, зато стены были увешаны картинами, на комодѣ стояли красивые чашки, стаканы и безделушки, а над верстаком, у окна, висела полка с книгами и нотами. Тесное помещение казалось мне большим и роскошным... Из кухни вела лестница на чердак, где в водосточном желобе между нашим и соседским домом стоял ящик с землёй, в котором росли лук и петрушка, это был весь огород моей матери; он до сих пор цветѣт в моей сказке „Снежная королева"».

В детстве всё интересно и важно — цветы, и самодельные игрушки, и кукольный театр, и прогулки по городу. Интересно было рассматривать афиши, наблюдать, как иногда проходили по улицам матросы и солдаты. Но самым интересным и важным в жизни Ханса были истории, сказки, которые по вечерам рассказывали старшие. Особенно много самых удивительных историй знала бабушка. Её сказки были самыми замечательными, а песни, которые она пела, самыми прекрасными. Ханс внимательно слушал, запоминал, и ему самому хотелось рассказать обо всѣм, что приходило ему в голову.

В сказках Андерсена вещи оживают. Игрушки устраивают бал. Воротничок собирается жениться. Старый уличный фонарь важно лежит в кресле возле тёплой печки. Грифель пляшет. Фантастические существа встречаются с обыкновенными людьми. В сказках Андерсена мы видим самых разных персонажей — девочек и мальчиков, принцев и принцесс, королей и королев, писателя и студента, пастуха и аптекаря, солдата и сапожника.

За свою жизнь писатель объездил все страны Европы. А его сказки путешествуют по всему миру.

По Н. П. Михальской

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Вспомните даты жизни Х. К. Андерсена.
2. Прочитайте вступительную статью. Что вы узнали из неё о жизни писателя?

РУСАЛОЧКА

Далеко в море вода синяя-синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная-прозрачная, как самое чистое стекло, только очень глубока, так глубока, что никакого якорного каната не хватит. Много колоколен надо поставить одну на другую, тогда только верхняя выгянет на поверхность. Там на дне живет подводный народ.

Только не подумайте, что дно голое, один только белый песок. Нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, словно живые, от малейшего движения воды. А между ветвями снуют рыбы, большие и маленькие, совсем как птицы в воздухе у нас наверху. В самом глубоком месте стоит дворец морского царя — стены его из кораллов, высокие стрельчатые окна из самого чистого янтаря, а крыша сплошь раковины; они то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив, и это очень красиво, ведь в каждой лежат сияющие жемчужины, и любая была бы великим украшением в короне самой королевы.

Царь морской давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, только больно уж гордившаяся своей родовитостью: на хвосте она носила целых двенадцать устриц, тогда как прочим вельможам полагалось только шесть. В остальном же она заслуживала всяческой похвалы, особенно потому, что души не чаяла в своих маленьких внучках — принцессах. Их было шестеро, все прехорошенькие, но милее всех самая младшая, с кожей чистой и нежной, как лепесток розы, с глазами синими и глубокими, как море. Только у нее, как, впрочем, и у остальных, ног не было, а вместо них был хвост, как у рыб.

День-деньской играли принцессы во дворце, в просторных палатах, где из стен росли живые цветы. Раскрывались большие янтарные окна, и внутрь вплывали рыбы, совсем как у нас ласточки влетают в дом, когда окна стоят настежь, только рыбы подплывали прямо к маленьким принцессам, брали из их рук еду и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был большой сад, в нем росли огненно-красные и темно-синие деревья, плоды их сверкали золотом, цветы — горячим огнем, а стебли и листья непрестанно колыхались. Земля была сплошь мелкий песок, только голубоватый, как серное пламя. Все там внизу отдавало в какую-то особенную синеву, — в пору было подумать, будто стоишь не на дне морском, а в воздушной вышине, и небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна видно было солнце, оно казалось пурпурным цветком, из чаши которого льется свет.

У каждой принцессы было в саду свое местечко, здесь они могли копать и сажать что угодно. Одна устроила себе цветочную грядку в виде кита, другой вздумалось, чтобы ее грядка гляделась русалкой, а самая младшая сделала себе грядку, круглую, как солнце, и цветы на ней сажала такие же алые, как оно само. Странное дитя была эта русалочка, тихое, задумчивое. Другие сестры украшали себя разными разностями, которые находили на потонувших кораблях, а она только и любила, что цветы ярко-красные, как солнце, там, наверху, да еще красивую мраморную статую. Это был прекрасный мальчик, высеченный из чистого белого камня и спустившийся на дно морское после

кораблекрушения. Возле статуи русалочка посадила розовую плакучую иву, она пышно разрослась и свешивала свои ветви над статуей к голубому песчаному дну, где получалась фиолетовая тень, зыблющаяся в лад колыханию ветвей, и от этого казалось, будто верхушка и корни лапчатся друг к другу.

Больше всего русалочка любила слушать рассказы о мире людей там, наверху. Старой бабушке пришлось рассказать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и животных. Особенно чудесным и удивительным казалось русалочке то, что цветы на земле пахнут, — не то что здесь, на морском дне, — леса там зеленые, а рыбы среди ветвей поют так громко и красиво, что просто заслушаешься. Рыбами бабушка называла птиц, иначе внучки не поняли бы ее: они ведь сроду не видывали птиц.

— Когда вам исполнится пятнадцать лет, — говорила бабушка, — вам позволят всплывать на поверхность, сидеть в лунном свете на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз исполнялось пятнадцать лет, но сестры были погодки, и выходило так, что только через пять лет самая младшая сможет подняться со дна морского и увидеть, как живет нам здесь, наверху. Но каждая обещала рассказать остальным, что она увидела и что ей больше всего понравилось в первый день, — рассказов бабушки им было мало, хотелось знать побольше.

Ни одну из сестер не тянуло так на поверхность, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Ночь за ночью проводила она у открытого окна и все смотрела вверх сквозь темно-синюю воду, в которой плескали хвостами и плавниками рыбы. Месяц и звезды виделись ей, и хоть светили они совсем бледно, зато казались сквозь воду много больше, чем нам. А если под ними скользило как бы темное облако, знала она, что это либо кит проплывает, либо корабль, а на нем много людей, и, уж конечно, им и в голову не приходило, что внизу под ними хорошенькая русалочка тянется к кораблю своими белыми руками.

И вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Ну, а лучше всего, рассказывала она, было лежать в лунном свете на отмели, когда море спокойно, и рассматривать большой город на берегу: точно сотни звезд, там мерцали огни, слышалась музыка, шум экипажей, говор людей, виднелись колокольни и шпили, звонили колокола. И как раз потому, что туда ей было нельзя, туда и тянуло ее больше всего.

Как жадно внимала ее рассказам самая младшая сестра! А потом, вечером, стояла у открытого окна и смотрела вверх сквозь темно-синюю воду и думала о большом городе, шумном и оживленном, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и второй сестре позволили подняться на поверхность и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и решила, что прекраснее зрелища нет на свете. Небо было сплошь золотое, сказала она, а облака — ах, у нее просто нет слов описать, как они красивы! Красные и фиолетовые, плыли они по небу, но еще быстрее неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая диких лебедей. Она тоже поплыла к

солнцу, но оно погрузилось в воду, и розовый отсвет на море и облаках погас.

Еще через год поднялась на поверхность третья сестра. Эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Она увидела там зеленые холмы с виноградниками, а из чащи чудесного леса выглядывали дворцы и усадьбы. Она слышала, как поют птицы, а солнце пригревало так сильно, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы остудить свое пылающее лицо. В бухте ей попалась целая стая маленьких человеческих детей, они бегали нагишом и плескались в воде.

Ей захотелось поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них явился какой-то черный зверек — это была собака, только ведь ей еще ни разу не доводилось видеть собаку — и залаял на нее так страшно, что она перепугалась и уплыла назад в море. Но никогда не забыть ей чудесного леса, зеленых холмов и прелестных детей, которые умеют плавать, хоть и нет у них рыбьего хвоста.

Четвертая сестра не была такой смелой, она держалась в открытом море и считала, что там-то и было лучше всего: море видно вокруг на много-много миль, небо над головой как огромный стеклянный купол. Видела она и корабли, только совсем издалека, и выглядели они совсем как чайки, а еще в море кувыркались резвые дельфины и киты пускали из ноздрей воду, так что казалось, будто вокруг били сотни фонтанов.

Дошла очередь и до пятой сестры. Ее день рождения был зимой, и поэтому она увидела то, чего не удалось увидеть другим. Море было совсем зеленое, рассказывала она, повсюду плавали огромные ледяные горы, каждая ни дать ни взять жемчужина, только куда выше любой колокольни, построенной людьми. Они были самого причудливого вида и сверкали, словно алмазы. Она уселась на самую большую из них, ветер развевал ее длинные волосы, и моряки испуганно обходили это место подальше. К вечеру небо заволжлось тучами, засверкали молнии, загредел гром, почерневшее море вздымало ввысь огромные ледяные глыбы, озаряемые вспышками молний. На кораблях убирала паруса, вокруг был страх и ужас, а она как ни в чем не бывало плыла на своей ледяной горе и смотрела, как молнии синими зигзагами ударяют в море.

Так вот и шло: выплывает какая-нибудь из сестер первый раз на поверхность, восхищается всем новым и красивым, ну, а потом, когда взрослой девушкой может подниматься наверх в любую минуту, все становится ей неинтересно и она стремится домой и уже месяц спустя говорит, что у них внизу лучше всего, только здесь и чувствуешь себя дома.

Часто по вечерам, обнявшись, всплывали пять сестер на поверхность. У всех были дивные голоса, как ни у кого из людей, и когда собиралась буря, грозившая гибелью кораблям, они плыли перед кораблями и пели так сладко о том, как хорошо на морском дне, уговаривали моряков без боязни спуститься вниз. Только моряки не могли разобрать слов, им казалось, что это просто шумит буря, да и не довелось бы им увидеть на дне никаких чудес — когда корабль тонул, люди захлебывались и попадали во дворец морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, когда сестры ее всплывали вот так на поверхность, оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, и ей в пору

было заплакать, да только русалкам не дано слез, и от этого ей было еще горше.

— Ах, когда же мне будет пятнадцать лет! — говорила она. — Я знаю, что очень полюблю тот мир и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала бабушка, вдовствующая королева. — Поди-ка сюда, я украшу тебя, как остальных сестер!

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий, только каждый лепесток был половинкой жемчужины, а потом нацепила ей на хвост восемь устриц в знак ее высокого сана.

— Да это больно! — сказала русалочка.

— Чтоб быть красивой, можно и потерпеть! — сказала бабушка.

Ах, как охотно скинула бы русалочка все это великолепие и тяжелый венок! Красные цветы с ее грядки пошли бы ей куда больше, но ничего не поделаешь.

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, словно пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Когда она подняла голову над водой, солнце только что село, но облака еще отсвечивали розовым и золотым, а в бледно-красном небе уже зажглись ясные вечерние звезды; воздух был мягкий и свежий, море спокойно. Неподалеку стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом — не было ни малейшего ветерка. Повсюду на снастях и реях сидели матросы. С палубы раздавалась музыка и пение, а когда совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков и в воздухе словно бы замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла прямо к окну каюты, и всякий раз, как ее приподымало волной, она могла заглянуть внутрь сквозь прозрачные стекла. Там было множество нарядно одетых людей, но красивее всех был молодой принц с большими черными глазами.

Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет. Праздновался его день рождения, оттого-то на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, в небо взмыли сотни ракет, и стало светло, как днем, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но тут же опять высунула голову, и казалось, будто все звезды с неба падают к ней в море. Никогда еще не видала она такого фейерверка. Вертелись колесом огромные солнца, взлетали в синюю высь чудесные огненные рыбы, и все это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждый канат, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал всем руки, улыбался и смеялся, а музыка все гремела и гремела в чудной ночи.

Уже поздно было, а русалочка все не могла глаз оторвать от корабля и от прекрасного принца. Погасли разноцветные фонарики, не взлетали больше ракеты, не гремели пушки, зато загудело и заворчало в глуби морской. Русалочка качалась на волнах и все заглядывала в каюту, а корабль стал набирать ход, один за другим распускались паруса, все выше вздымались волны, собирались тучи, вдали засверкали молнии.

Надвигалась буря, матросы принялись убирать паруса. Корабль, раскачиваясь, летел по разбушевавшемуся морю, волны вздымались огромными черными горами, норовя перекатиться через мачту, а корабль

нырял, словно лебедь, между высоченными валами и вновь возносился на гребень громоздящейся волны. Русалочке все это казалось приятной прогулкой, но не матросам. Корабль стонал и трещал; вот подалась под ударами волн толстая обшивка бортов, волны захлестнули корабль, переломилась пополам, как тростинка, мачта, корабль лег на бок, и вода хлынула в трюм. Тут уж русалочка поняла, какая опасность угрожает людям, — ей и самой приходилось увертываться от бревен и обломков, носившихся по волнам. На минуту стало темно, хоть глаз выколи, но вот блеснула молния, и русалочка опять увидела людей на корабле.

Каждый спасался, как мог. Она искала глазами принца и увидела, как он упал в воду, когда корабль развалился на части. Сперва она очень обрадовалась — ведь он попадет теперь к ней на дно, но тут же вспомнила, что люди не могут жить в воде и он приплывет во дворец ее отца только мертвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между бревнами и досками, совсем не думая о том, что они могут ее раздавить. Она то ныряла глубоко, то взлетала на волну и наконец доплыла до юного принца. Он почти уже совсем выбился из сил и плыть по бурному морю не мог. Руки и ноги отказывались ему служить, прекрасные глаза закрылись, и он утонул бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно...

К утру буря стихла. От корабля не осталось и щепки. Опять засверкало над водой солнце и как будто вернуло краски щекам принца, но глаза его все еще были закрыты.

Русалочка откинула со лба принца волосы, поцеловала его в высокий красивый лоб, и ей показалось, что он похож на мраморного мальчика, который стоит у нее в саду. Она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела сушу, высокие синие горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленели чудесные леса, а перед ними стояла не то церковь, не то монастырь, — она не могла сказать точно, знала только, что это было здание. В саду росли апельсинные и лимонные деревья, а у самых ворот высокие пальмы. Море вдавалось здесь в берег небольшим заливом, тихим, но очень глубоким, с утесом, у которого море намыло мелкий белый песок. Сюда-то и приплыла русалочка с принцем и положила его на песок, так, чтобы голова его была повыше на солнце.

Тут в высоком белом здании зазвонили колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла свои волосы и грудь морской пеной, так что теперь никто не различил бы ее лица, и стала ждать, не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Вскоре к утесу подошла молодая девушка и поначалу очень испугалась, но тут же собралась с духом и позвала других людей, и русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь. Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

Теперь она стала еще тише, еще задумчивее, чем прежде. Сестры

спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто по утрам и вечерам приплывала она к тому месту, где оставила принца. Она видела, как созревали в саду плоды, как их потом собирали, видела, как стоял снег на высоких горах, но принца так больше и не видала, возвращалась домой каждый раз все печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвив руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за своими цветами она больше не ухаживала. Они одичали и разрослись по дорожкам, переплелись стеблями и листьями с ветвями деревьев, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из сестер. За ней узнали и остальные сестры, но больше никто, разве что еще две-три русалки да их самые близкие подруги. Одна из них тоже знала о принце, видела празднество на корабле и даже знала, откуда принц родом и где его королевство.

— Поплыли вместе, сестрица! — сказали русалочке сестры и, обнявшись, поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные позолоченные купола высились над крышей, а между колоннами, окружавшими здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшены большими картинами. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал большой фонтан; струи воды били высоко-высоко под стеклянный купол потолка, через который воду и диковинные растения, росшие по краям бассейна, озаряло солнце.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать к дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, ну а она заплывала даже в узкий канал, который проходил как раз под мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на юного принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами. Русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иногда замечали, как полощется по ветру ее длинная серебристо-белая вуаль, им казалось, что это плещет крыльями лебедь.

Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам с факелом рыбу; они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его, полумертвого, носило по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди и как нежно поцеловала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, чем ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы выше облаков, а их страны с лесами и полями раскинулись так широко, что и глазом не охватишь! Очень хотелось русалочке побольше узнать о людях, о их

жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

— Если люди не тонут, — спрашивала русалочка, — тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

— Ну что ты! — отвечала старуха. — Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет; только когда мы перестаем быть, нас не хоронят, у нас даже нет могил, мы просто превращаемся в морскую пену.

— Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, — проговорила русалочка.

— Вздор! Нечего и думать об этом! — сказала старуха. — Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

— Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыку волн, не увижу ни чудесных цветов, ни красного солнца! Неужели я никак не могу пожить среди людей?

— Можешь, — сказала бабушка, — пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами, сделает тебя своей женой и поклянется в вечной верности. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым — твой рыбий хвост, например, — люди находят безобразным. Они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки, или ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить — не тужить! — сказала старуха. — Повеселимся вволю, триста лет — срок немалый. Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены — и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода бежала широким потоком, и в нем танцевали под свое чудное пение водяные и русалки. Таких прекрасных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно. Незаметно выскользнула она из дворца и, пока там пели и веселились, печально сидела в своем садике. Вдруг сверху донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла — только бы мне быть с ним. Пока сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Еще ни разу не доводилось ей проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава — кругом был только голый серый песок; вода за ним бурлила и шумела, как под мельничным колесом, и увлекала за собой в пучину все, что только встречала на своем пути. Как раз между такими бурлящими водоворотами и пришлось плыть русалочке, чтобы попасть в тот край, где владычила ведьма. Дальше путь лежал через горячий пузырящийся ил, это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до ее жилья, окруженного диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нем росли полипы — полуживотные-полурастения, похожие на стоглавых змей, выраставших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелиться от корня до самой верхушки и хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уж больше не выпускали. Русалочка в испуге остановилась, сердечко ее забило от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянулись к ней своими извивающимися руками. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им ползать по своей большой, ноздреватой, как губка, груди.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала русалочке морская ведьма. — Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе — на твою же беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди. Хочешь, чтобы юный принц полюбил тебя.

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба, и ужи попадали с нее и шлепнулись на песок.

— Ну ладно, ты пришла в самое время! — продолжала ведьма. — Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним к берегу еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную походку — ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни: ты будешь ступать как по острым ножам, и твои ноги будут кровоточить. Вытерпишь все это? Тогда я помогу тебе.

— Да! — сказала русалочка дрожащим голосом, подумав о принце.

— Помни, — сказала ведьма, — раз ты примешь человеческий облик, тебе уж не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя так, что забудет ради тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не сделает тебя своей женой, ты погибнешь; с первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части и ты станешь пеной морской.

— Пусть! — сказала русалочка и побледнела как смерть.

— А еще ты должна заплатить мне за помощь, — сказала ведьма. — И я недешево возьму! У тебя чудный голос, им ты и думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку свою собственную кровь, чтобы он стал остер, как лезвие меча.

— Если ты возьмешь мой голос, что же останется мне? — спросила русалочка.

— Твое прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза — этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся: высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье.

— Чистота — лучшая красота! — сказала она и обтерла котел связкой живых ужей.

Потом она расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, и скоро стали подыматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и когда питье закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачайшей ключевой водой.

— Бери! — сказала ведьма, отдавая русалочке напиток.

Потом отрезала ей язык, и русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить.

— Схватят тебя полипы, когда поплывешь назад, — напутствовала ведьма, — брызни на них каплю питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячу кусочков.

Но русалочке не пришлось этого делать — полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда — ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце ее готово было разорваться от тоски. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на широкую мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто ее пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце: во всем теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял прекрасный принц и с удивлением

рассматривал ее. Она потупилась и увидела, что рыбий хвост исчез, а вместо него у нее появились две маленькие беленькие ножки. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими тёмно-синими глазами: говорить ведь она не могла.

Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Правду сказала ведьма: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем легко, точно по воздуху. Принц и его свита только дивились ее чудной, плавной походке.

Русалочку нарядили в шелк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла ни петь, ни говорить. Как-то раз к принцу и его царственным родителям позвали девушек-рабынь, разодетых в шелк и золото. Они стали петь, одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей. Грустно стало русалочке: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, только чтобы быть возле него!»

Потом девушки стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки, тут и русалочка подняла свои белые прекрасные руки, встала на цыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение подчеркивало ее красоту, а глаза ее говорили сердцу больше, чем пение рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц; он назвал русалочку своим маленьким найденышем, а русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ноги ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала по острым ножам. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его на прогулках верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птицы, а зеленые ветви касались ее плеч. Они взбирались на высокие горы, и хотя из ее ног сочилась кровь и все видели это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались на облака, плывшие у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны.

А ночью во дворце у принца, когда все спали, русалочка спускалась по мраморной лестнице, ставила пылающие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню; она кивнула им, они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а один раз она увидела вдали даже свою старую бабушку, которая уже много лет не подымалась из воды, и самого царя морского с короной на голове; они простирали к ней руки, но не смели подплыть к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и принцессой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе, если бы он отдал свое сердце и руку другой, она стала бы пеной морской.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» — казалось, спрашивали глаза русалочки, когда принц обнимал ее и целовал в лоб.

— Да, я люблю тебя! — говорил принц. — У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль затонул, волны выбросили меня на берег вблизи какого-то храма, где служат богу молодые девушки; самая младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но только ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! — думала русалочка. — Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роще, возле храма, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красивую девушку, которую он любит больше, чем меня! — И русалочка глубоко вздыхала, плакать она не могла. — Но та девушка принадлежит храму, никогда не вернется в мир, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плавание. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет большая свита. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась — она ведь лучше всех знала мысли принца.

— Я должен ехать! — говорил он ей. — Мне надо посмотреть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда не люблю ее! Она ведь не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придется наконец избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найденыш с говорящими глазами!

И он целовал ее в розовые губы, играл ее длинными волосами и клал свою голову на ее грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого счастья и любви.

— Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? — говорил он, когда они уже стояли на корабле, который должен был отвезти их в страну соседнего короля.

И принц стал рассказывать ей о бурях и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в пучине, и о том, что видели там ныряльщики, а она только улыбалась, слушая его рассказы, — она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны, и ей показалось, что она видит отцовский дворец; старая бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры: они печально смотрели на нее и

протягивали к ней свои белые руки, а она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, а юнга подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошел в гавань нарядной столицы соседнего королевства. В городе зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов; на площадях стояли полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знаменами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы еще не было — она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на нее и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она еще не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбались синие кроткие глаза.

— Это ты! — сказал принц. — Ты спасла мне жизнь, когда я полумертвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою зардевшуюся невесту.

— Ах, я так счастлив! — сказал он русалочке. — То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня.

Русалочка поцеловала ему руку, а сердце ее, казалось, вот-вот разорвется от боли: его свадьба должна ведь убить ее, превратить в пену морскую.

В тот же вечер принц с молодой женой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, на палубе был раскинут шатер из золота и пурпура, устланный мягкими подушками; в шатре они должны были провести эту тихую, прохладную ночь.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно заскользил по волнам и понесся в открытое море.

Как только смерклось, на корабле зажглись разноцветные фонарики, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда еще не танцевала она так чудесно! Ее нежные ножки резало как ножами, но этой боли она не чувствовала — сердцу ее было еще больнее. Она знала, что один лишь вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и терпела невыносимые мучения, о которых принц и не догадывался. Лишь одну ночь оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой на сердце; принц же целовал красавицу жену, а она играла его черными кудрями; наконец рука об руку они удалились в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, только рулевой остался у руля. Русалочка оперлась о поручни и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, она знала, должен был убить ее. И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее сестры; они были бледны, как и она, но их длинные роскошные волосы не развевались больше по ветру — они были обрезаны.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя

от смерти! А она дала нам вот этот нож — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост, ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем превратишься в соленую пену морскую. Но спеши! Или он, или ты — один из вас должен умереть до восхода солнца. Убей принца и вернись к нам! Поспеши. Видишь, на небе показалась красная полоска? Скоро взойдет солнце, и ты умрешь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка молодой жены покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей жены — она одна была у него в мыслях! — и нож дрогнул в руках у русалочки. Еще минута — и она бросила его в волны, и они покраснели, как будто в том месте, где он упал, из моря выступили капли крови.

В последний раз взглянула она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной. Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти; она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, чудные создания, сотнями реявшие над ней. Она видела сквозь них белые паруса корабля и красные облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая возвышенная, что человеческое ухо не расслышало бы ее, так же как человеческие глаза не видели их самих. У них не было крыльев, но они носились в воздухе, легкие и прозрачные. Русалочка заметила, что и она стала такой же, оторвавшись от морской пены.

— К кому я иду? — спросила она, поднимаясь в воздухе, и ее голос звучал такую же дивною музыкой.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. Мы летаем повсюду и всем стараемся приносить радость. В жарких странах, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, мы навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несем людям исцеление и отраду... Летим с нами в заоблачный мир! Там ты обретешь любовь и счастье, каких не нашла на земле.

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с молодой женой ищут ее. Печально смотрели они на волнующуюся морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу в лоб, улыбнулась принцу и вознеслась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

¹ *Коралл* — красивый известковый скелет морских организмов.

² *Стрельчатые окна* — окна, сужающиеся в верхней части.

³ *Янтарь* — окаменевшая смола древних растений.

⁴**Овдоветь** – стать вдовцом (или вдовой).

⁵**Вдовец** – мужчина, у которого умерла жена.

⁶**Мачта** – на корабле – высокий деревянный столб для крепления парусов.

⁷**Трюм** – помещение внутри корабля для перевозки груза.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Скажите, кто главный герой сказки?
2. Как можно разделить жизнь русалочки?
3. С кем живёт русалочка в подводном мире? Какой она была из сестёр? Что особенного было у русалочки, впрочем, как и у остальных?
4. О чём мечтала русалочка, о чём думала? Когда она впервые поднялась на поверхность? Что и кого она увидела, когда подняла голову над водой?
5. Что произошло во время бури? Изменилась ли русалочка после этого события?
6. Что говорит о силе, о глубине чувства русалочки к принцу? Как она сама об этом говорит?
7. Что чувствовала русалочка по дороге к ведьме? Почему не вернулась назад?
8. Что испытала русалочка, когда покидала свой родной дом?
9. Кем стала русалочка во дворце принца?
10. Любил ли принц русалочку? Мог ли принц жениться на ней? Почему?
11. Почему русалочка не выполнила наказ сестёр, что её остановило?
12. Ещё один нравственный урок преподнес в сказке автор. К какому выводу подталкивает нас поступок русалочки на корабле?
13. Какова главная причина смерти русалочки?
14. Какое волшебное превращение происходит в конце сказки и принесет ли оно счастье русалочке? Ответ подкрепите цитатами из текста.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	с. 3-4
УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО.....	с. 5-16
Устное народное творчество. Народ-сказитель. Песни, частушки, потешки, считалки, скороговорки, загадки.....	с.5-11
Пословицы и поговорки.....	с. 11
БЫЛИНЫ, РАССКАЗЫ.....	с. 11-16
РУСЬ (М. Студеникин)	с. 11
Былины.....	с. 12
Илья Муромец и Соловей-разбойник (былина).....	с. 13-16
«Богатыри» (по А. Митяеву)	с. 16
Сказки	с. 17
«Иван – крестьянский сын» (русская народная сказка)	
.....	с. 18-22
«Трудовые деньги» (кабардинская сказка).....	с. 22-24
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СКАЗКИ ...	с. 24-33
Антоний Погорельский	с. 25-26
А. Погорельский «Черная курица, или подземные жители»	
.....	с. 26-33
ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА	
.....	с. 34-82
А. И. Крылов.....	с. 34-35
«Лебедь, Щука и Рак» (басня)	с.35-36
«Свинья под дубом» (басня)	с. 36
А. С. Пушкин.....	с. 37-38
А. С. Пушкин «Осень» (отрывки)	с. 38-39
А. С. Пушкин «У лукоморья...» (отрывок из поэмы «Руслан и Людмила»)	
.....	с. 39-40
М. Ю. Лермонтов.....	с. 41
М. Ю. Лермонтов «Выхожу один я на дорогу...».....	с. 42
М. Ю. Лермонтов «Кавказ».....	с. 42-43
Н. В. Гоголь	с. 43-44
Н. В. Гоголь «Чуден Днепр» (из «Вечеров на хуторе близ Диканьки»)	
.....	с. 45-46
И. С. Тургенев.	с. 46-48
И. С. Тургенев «Бежин луг» (из «Записок охотника»)	
.....	с. 48-63
Ф. И. Тютчев	с. 64
Ф. И. Тютчев «Есть в осени первоначальной...»	с. 65
Н. А. Некрасов	с. 65-67
Н. А. Некрасов «Орина, мать солдатская...»	с. 67-71
М. Е. Салтыков – Щедрин	с. 71-72
М. Е. Салтыков – Щедрин «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил».....	с. 72-77
А. П. Чехов.....	с. 78-79
А. П. Чехов «Лошадиная фамилия».....	с. 79-82

ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX

ВЕКА	с. 82-149
М. Горький.....	с. 82-84
М. Горький «Сказки об Италии» (отрывок)	с. 84-86
А. И. Куприн	с. 86-87
А. И. Куприн «Тапёр».....	с. 87-94
К. Г. Паустовский.....	с. 94-95
К. Г. Паустовский «Тёплый хлеб» (сказка)	с. 95-101
С. А. Есенин	с. 101-102
С. А. Есенин «Топаи да болота...».....	с. 102
С. А. Есенин «Спит ковыль. Равнина дорогая...»	с. 103
М. М. Зощенко.....	с. 103-105
М. М. Зощенко «Любовь».....	с. 105-107
В. П. Катаев	с. 107-108
В. П. Катаев «Сын полка» (в сокращении)	с. 108-115
М. А. Шолохов	с. 115-116
М. А. Шолохов «Судьба человека»	с. 116-130
Б. Н. Полевой.....	с. 130-131
Б. Н. Полевой «Повесть о настоящем человеке» (в сокращении)	с. 131-139
В. П. Астафьев	с. 139
В. П. Астафьев. Рассказы из сборника «Затеси»	с. 140-142
В. М. Шукшин	с. 142-143
В. М. Шукшин «Стенька Разин»	с. 143-149
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ	с. 149-156
Ф. А. Искандер.....	с. 149
Ф. А. Искандер «Сердце». Глава из повести «Стоянка человека» (отрывки)	с. 150-155
Е. А. Евтушенко	с. 155-156
Е. А. Евтушенко «Хотят ли русские войны?»	с. 156
ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	с. 157-181
А. де Сент-Экзюпери.....	с. 157-159
А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (отрывки)	с. 159-166
Х. К. Андерсен.....	с. 166-167
Х. К. Андерсен «Русалочка».....	с. 167-181